

ISSN 0131-2596

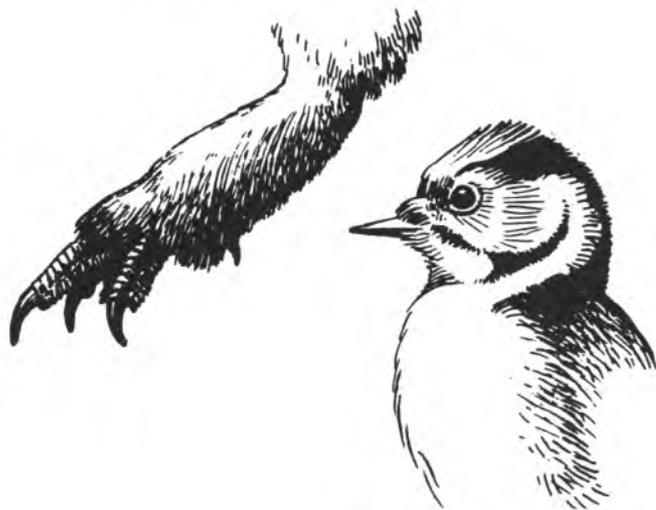
ОХОТТА

и охотничье хозяйство

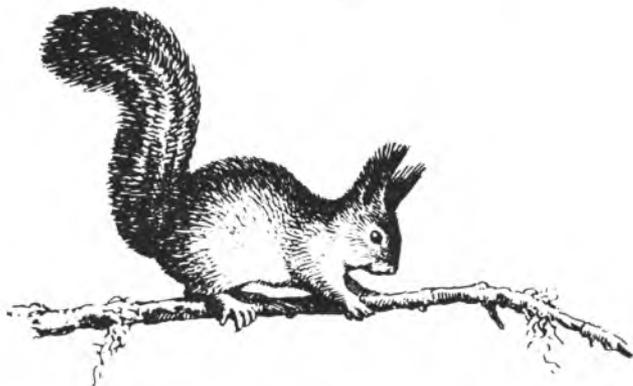
11

1994

**Рисунки
Александра
Формозова**

«И ОХОТУ С КАЖДЫМ ГОДОМ ЛЮБЛЮ ВСЕ БОЛЬШЕ...»

Значение Александра Николаевича Формозова [1899—1973] в охотоведении и шире — в нашей науке и культуре, возможно, еще недостаточно оценено. Как многогранен был этот человек! Потомственный и прирожденный охотник, крупный ученый-биолог (зоолог, териолог, орнитолог, эколог и т. д.), зоогеограф, охотовед, ревнитель охраны природы и защитник заповедного дела, талантливый писатель-натуралист, один из тонких художников-анималистов. Результаты его научных трудов вошли в учебники, хрестоматией охотников, натуралистов стала его книга «Спутник следопыта», многие начали свой путь к природе с прочтения в детстве формозовских «Шести дней в лесах». И все же, когда открываешь его знаменитые дневники, испещренные записями наблюдений, зарисовками, часто с литературно-художественными описаниями тех или иных встреч в природе, понимаешь, с каким еще не изведанным миром посчастливилось соприкоснуться. На страницах журнала «Охота и охотничье хозяйство» с любезного разрешения наследников ученого публикуются фрагменты нижегородских дневниковых записей А. Н. Формозова, связанных с охотой на зайцев, главным образом русаков [1916—1918]. В течение всей жизни

к этой охоте Александр Николаевич питал особую привязанность. В письме 1948 г. по дороге в Кисловодск на лечение он пишет, например: «После Ростова, в одном месте на широкой долине, степной с полянами, я увидел охотника. Идет так серьезно, деловито и как раз не низом и не гребнем, а серединой склона, как нужно заправскому русачатнику. Я сразу подумал: «вот деловой». Когда поезд поравнялся с ним, стало видно сбоку подвешенного большущего очень рыжего русака. Уши его хлопало охотника по голенищам. А парень какой-то простой, с озабоченным лицом, усы черные, хохлатые. Наверное, семейный, дома ребят двое — трое, вот и бегаёт по степи, добывает для них русаков, как когда-то таскал для нас Николай Еллидифорович...»

Не стоит, наверное, пересказывать и комментировать наиболее удачные места дневников А. Н. Формозова. Пусть о них судит читатель. В одном можно быть уверенным, что сердце истинного охотника-натуралиста не оставит равнодушным сама атмосфера формозовских дневников и его прекрасные, несравненные рисунки.

В. С. ШИШКИН

ПО ДНЕВНИКАМ А. Н. ФОРМОЗОВА, 1916—1918 гг.

4 октября 1916 г. Чудная вещь этот снег: едет ли воз с сеном, упадет ли с дерева листок, пробежит ли черный стройный хорек, или крохотная мышь-малютка вылезет покормиться — обо всем остается надпись, точный отпечаток характера и повадок существа, прикасавшегося к этому пушистому и предательскому покрову.

Вышел в 6 часов с Н. Е. Ф.* проследить утречком. Хотя снег прекратился никак не позже часа — в 3—4 утра, однако русачьих следов не было совершенно. Объясняется это тем, что зайцы, видимо из осторожности, почти не кормились и легли очень рано. Поэтому нужно было спугнуть сначала русака с лежки «дуром»,

На первой странице обложки: Во многих районах и областях России кабан стал одним из самых обычных трофеев охотников.

Фото А. Дигилевича

ОХОТА

и охотничье хозяйство 11 1994

Ежемесячный иллюстрированный журнал.

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала, Союз общества охотников и рыболовов РФ.

Основан в октябре 1955 г.

а затем уж следить его по «гонному».

В овражке у озимей, поросшем ивнячком и сорняками, я вспугнул сразу двух русаков, лежавших под занесенными кустиками поваленных сорняков, шагов за 10 один от другого. Лежали они настолько крепко, что человек, прошедший от них в 10—15 шагах, не спугнул их, а после выстрела в одного из них, другой продолжал лежать. После небольшого преследования русак был убит Н. Е. Ф.

22 октября. Ходил с ружьем и... убил своего первого русака! Случилось это на краю овражка. На небольшом холмике, поросшем густой желтой травкой. Я спукался в овраг и вдруг в аршине от себя заметил не то ком, не то зайца. Заяц, это был он, вдруг зашевелился и одним прыжком скрылся в овраг. Секунда — и он уже огибает холмик, за которым скроется навсегда, — в это мгновение рывкнул левый ствол, и русак через голову кувиркнулся в траву!

Русак весом в семь фунтов; сильно вылинял зад. 29 октября. Ходили с Н. Е. Ф. целый день по хорошим местам. Утром морозно, все покрыто инеем, заморозили болота, мочажины, озерки, всюду можно ходить как посуху, земля тверда как камень, сильно стучит, русаки должны выскакивать далеко и — ничего!!

* Н. Е. Ф. (Н. Ф.) — Николай Еллидифорович Формозов — отец Александра Николаевича.

Только на обратном пути в поле среди жнивья с густыми паровыми полосами спугнул куропатку, стрелял, ранил, успела уйти в тростники р. Старки, где ее без собаки не найти.

14 октября. С вечера пошел снег, к утру перестал и сменился сырой мглой и дождем. Пороша. Ходили с Н. Ф. за русаками с шести до половины пятого. У самого Высокова в огородах с капустниками, малинками, озимями и т. п. целая сеть заячьих следов, разобраться среди которых было трудно. На этом месте спугнули четырех русаков (жировали у села), лежали они все на открытых местах — на жнивье у межей, поросших тощей травой, и поднялись далеко, вне выстрела.

17 ноября. Ходили по пороше, очень не ясной — трудно различать следы свежие и вчерашние. В одном овраге по следам подняли русака, он выскочил очень далеко, т. к. лежал настороже; мы перед этим прошли мимо него.

18 ноября. С вечера выпал снежок и вскоре прекратился. Утро такое морозное, ясное, луна освещает снега и бросает голубоватые тени позади домов и заборов; заря сменила луну и окрасила все в бледно-розовый цвет; заблестел снег и стволы ружья... Пороша отчетливая, но очень продолжительная (следы за целую ночь). Следил русаков. Одного видел далеко — выскочил из оврага с травами и кустами. Он был насторожен, т. к.

мимо проходили охотники. Другого русака, пришедшего в глубину большого оврага с полей, проследил и нашел его лежащим под небольшим крутым глинистым обрывчиком. Стрелял два раза и «продул». Следующие многочисленные следы были перехвачены охотниками, и только один свободный привел меня к лежке. Русак, сделав петлю на дороге и несколько извилин на жнивье, лег среди жнивья под невысокой межей, в кучке сваленного сорняка. Стрелял один раз, «продул».

3 декабря. До этого дня оттепель, но в ночь подморозило, стало холоднее, днем часов в 12 — снег, к вечеру все усиливающийся и усиливающийся при большом ветре. Снежинки летят горизонтально.

4 декабря. Ночью (с 3-го по 4-е) снег стих, ветер продолжался, —10°, небольшая пороша. Следил несколько русаков, но следы были перехвачены. Только одного удалось проследить до конца. Он долго ходил межами, капустниками, картофельниками, сделал несколько коротких петель на «сдутом» картофельнике и лег между двумя кочками среди своих петель. Ушел незамеченным.

17 декабря. Ходил по пороше. Утро настоящее зимнее. Небо ясное, безоблачное, зарумянилось яркой зарей, розовым светом зарделись покрытые инеем деревья, голубые тени побегали по оврагам и позади межей, вдали задымилась занесенная снегом деревня, посветлел заиндевелый лес. Морозно (—14°), но не холодно. Проходил весь день, но видел очень мало. Русаки сбились к опушкам леса и деревенским садам; в полях их слишком тревожат охотники. Здесь же следить невозможно.

10 января 1917 г. «Твердая» (снег на полях «скатало») и короткая пороша. У Больших Мостиц начал следить русака. Он, следуя одному из правил русачьей мудрости: «не ходи мягким снегом, если можешь идти настом», спетлял несколько раз на жестких надувах и спустился к оврагу, здесь копался в малиннике: но чем-то неудовлетворенный пошел дальше и, еще спетляв и дав круг, лег внутри его под согнутыми снегом талами. Выскочил шагов за 50 (хотя я подходил без лыж, но все же снег сильно трещал). Подходя к оврагу, мне еще раз удалось его увидеть: он прилег под межей, но, услышав скрип лыж, во весь дух помчался по дороге и скрылся за горизонтом.

14 января. Пошли с Н. Ф. следить русаков, хотя пороши нет никакой, руководствовались только тем, что перейден ли мой вчерашний след или нет. У Высокова, разбираясь в путанице вчерашних и свежих следов, увидели русака, далеко выскочившего из-под задутый межи: сильно шумело. Русак, то усиливая, то замедляя ход, запрыгал по полю, иногда присаживаясь, чтобы послушать. Наконец он решился и бойко пошел «стегать» по открытому

Александр Николаевич Формозов в молодости

месту. Но тут случилась неожиданная задержка: на него напала серая ворона. Так как ворона была одна, то она столько же боялась зайца, сколько и он ее, и получилась такая картина: птица бросается на бегущего зайца, он садится, ворона в испуге отлетает в сорону, заяц начинает бежать и т. д. до тех пор, пока эта парочка не скрылась из глаз. Интересно следующее: на горах зайцев очень мало, но на том поле, где солдаты учатся стрелять и где не дозволено ходить, зайцы натоптали по всем направлениям и здесь же копались, намереваясь ложиться. Недалеко от этого стрельбища, на краю холма под кудрявой яблонькой, наделав петель по всем направлениям, лег русак, не закопавшись (убит Н. Ф.). На другой стороне этого стрельбища у хутора, не закопавшись, лежал русак. Мы натолкнулись на него совершенно случайно, и Н. Ф. с двух выстрелов его ранил. Русак не мог много бегать, а сделал 10—15 сажен, сажился и поводил ушами, так что, перегнав его несколько раз, я выставил его на Н. Ф., и он был убит.

19 января. Ударил «крещенский», —12°, утром тихо, но к 9 ч разыгрался ветер, погода нестерпимая. Пробовали следить русаков.

21 января. Ходил весь день. В капканах пусто. У самого города между

бою, кирпичных сараев, садов и строений, на небольшой открытой площадке (выгон), где постоянно толкуются собаки, у подножья телеграфного столба лежал русак. Он выкопал небольшое углубленье и обзирал из него большую округу. Выскочил далеко. Это опять подтверждает приспособляемость русака к различным условиям: он умеет использовать и солдатские стрельбища, и редко посещаемые охотниками окраины города.

28 февраля. А все уже не то, что в январе! Что-то особенное есть в этом ярком солнечном свете, и в ослепительном блеске снега, и в искристых голубых тенях, и в громком задорном «чиликанье» стайки воробьев, обогреваемых на припекке и болтающих всякий вздор. Да, не то! И как ни морозно, как ни свирепствует северный ветер, в воздухе медленно, незаметно нарастает какое-то смутное тревожное ожидание, и вливается в душу какая-то бодрость. Весна придет! Сегодня на припекке капало с крыш и стволов деревьев, по карнизам повисли сосульки! Воробьи чирикают все задорнее.

4 марта. Выбрался-таки наконец. Прошел р. Старкой. Здесь видел следы какого-то горностая, по-видимому, откуда-то пришедшего... Следы русаков. Они, несмотря на все старания охотников, все-таки уцелели в небольшом количестве.

На опушке крупного дубняка и по краю поля натоптано много следов русака; он живет тут давно и ходит одними и теми же местами. Проходя вдоль опушки, я вскоре спугнул самого длинноухого творца замысловатых петель. Он понесся закрытым лесом, ловко лавируя среди занесенных орешников, и, пробежав шагов 20, сажился. Замечательно то, что рыжеватая окраска его, столь заметная в поле, в лесу его делает совершенно неотличимым от окружающей обстановки, и я сомневался, сидит ли это он, или торчит пенек, засыпанный снегом. Лежка его была под занесенным снегом кустом орешника, шагах в 20 от нее помещалась другая лежка, уже слегка запорошенная снегом. Видимо, ненапуганный русак жил на очень ограниченной площади.

9 марта. Ходил в поле без ружья, «пробежаться». Продвигаясь мимо

«шалашей», образовавшихся от согнутых пластами снега вишневых деревьев, я вдруг шагах в двух от себя заметил что-то рыжеватое, бросившееся под один из «шалашей». Я остановился, выжидая, не появится ли зверь противоположной стороны «шалаша», но тот засел под согнутыми ветвями и не появлялся. Тогда я, чуть двинувшись, скрипнул лыжами... и круглый как мяч русак, торчком поставив уши, озираясь одним глазом на меня и разбрасывая снег, кинулся на противоположную сторону оврага. Однако и здесь его ждала ловушка: сдутый с полей снег высоким крутым гребешком висел над оврагом. Русак выбрал-

Видел несколько спугнутых охотниками русаков, они, словно птицы, неслись по полям, временами присаживались, метались из стороны в сторону и продолжали свой бег. У садов вдоль межи шел свежий русачий след, я взял его и, немного пройдя, заметил петлю, начало которой было против канавы, густо заросшей травой, — место превосходное для лежки. Я свернул со следа и двинулся вдоль канавы. Заяц не выскакивал, и следов не было видно, тогда я перешел к следующей канавке и пошел по направлению брошенной петли. Только прошел несколько шагов, как под межей заметил какое-то рыжеватое пятно — это была спина русака. Он, не ожидая опасности с противоположной стороны, подпустил меня рядом, и я убил его на лежке.

ся до края оврага и прыгнул, но рыхлый край гребня обломился под ним, и испуганный зверюга слетел вниз; он растерянно бросился вдоль надува и прыгнул снова, но снова рухнул тонкий гребешок, и снова русак очутился внизу. Я бросился за русаком, и испугу его не было границ. Только третий отчаянный прыжок вынес его на твердую почву, тогда над искрящейся чертой снега мелькнули его грязноватые стройные ноги, полетела морозная пыль, и все затихло. Русак, по-видимому, не закапывался, а бродил по саду, причиной тому, быть может, была болотная сова, которая слетела тут же рядом.

3 апреля. Утром на Откосе слышал высоко пролетавших жаворонков — милые, давно знакомые и родные звуки, их песни привели меня в большую радость. На заборах появились синие «весенние» мухи. «Удрал» от двух последних уроков. Да, весна настоящая! Снег сделался рыхлым, зернистым, почернел и опустился; грязно-зеленоватые пенные потоки несутся и режут по оврагам, дороги проваливаются, и речка разлилась и потопила всю долину; в воздухе над проталинами разлит аромат преющего листа, «отходящей» земли и зимовавшей зелени, а в далекой синеве неба, по которому вереницей бегут белые барашки, звенят и переливаются песни полевых жаворонков, они поют, и их песни, соединяясь с журчанием ручьев, сливаются в лучшую для меня в мире мелодию. Ура, весна!!!

19 ноября. Тихо, тихо начали спускаться одна за другой снежинки, мягко падая на застывшую землю. Будет порошаль

3 декабря. Вышли рано, и еще светила луна, как говорится, «во всю рожу», когда мы, похрустывая снегом, уже следили русаков. Светать начало не скоро. Сначала розовая полоска показалась на востоке, и все ярче и ярче становился там свет и медленно угасала луна, вот заалели снега, и брызнули первые лучи по склонам поседелых оврагов, пробудились пуночки и невидимками полетели над полями, переключаясь своими звучными «тиетие», чечетки засуетились по былинникам, грустно проскрипел где-то снегирь, и пробудился день среди непробудным сном спящих полей. На задах д. Кузьминки много русачьих следов, зайцы ходят по дорогам и вдоль пашен, т. к. снег скатан, разобраться трудно. Поднял одного, он лежал под плетнем в надуве у самой дороги.

5 декабря. Ходил по пороше. Снег на полях скатан, местами сдут, следить легко. Поднял одного русака, лежащего в надуве у плетня и из своей норки прекрасно видевшего меня, разбиравшегося в петлях. На можжевельниках снегири и свистели. На задах тетеревиатники. Через Волгу переправа вот уже несколько дней по льду.

23 декабря. Ненадолго сбежал в поля за Высоково. В полях пустыня, следов русачьих почти нет, русаки все истреблены.

18 января 1918 г. Ходил в поля, — соблазненный ясным морозным и тихим днем. Как искрились и играли на солнце безграничные снега полей, какие нежные переливы синих и голубых теней тянулись в падинах и оврагах, как тих и прозрачен был воздух.

Пороша хотя и была, но следить трудно, т. к. снег весь скатан в твердые бугры. Зима нынче поразительно ветреная, таких суховеев, как нынче, я еще никогда не видел. Следил нескольких русаков, но принужден был бросить...

16 ноября. Запорхали, залетали белые снежинки, выпала первая пороша. Побелели крыши, улицы, как-то особенно светло и уютно стало даже в грязном и угрюмом городе... А я сижу, согнувшись над грудой чертежей, планов, схем, онемевшие, запачканные разноцветной тушью пальцы машинально водят рейсфедером, и бегут из-под него то тоненькие ровные линии, то прерывчатый пунктир, быстро строятся на бумаге профили и планы построек, окопов, а мысли — свободные птицы, унеслись далеко, далеко, в большие поля, туда, где в былинниках таятся русаки и где сейчас, тихо ступая в больших мокрых валенках, крадется, озираясь, какой-нибудь рослый бородастый дядина, шжимая в руках неуклюжую, но хлесткую шомповку.

Как далеко ушла от меня счастливая вольная жизнь полей, жизнь, наполненная приключениями, походами, переходами, пробегами, — милая охотничья жизнь! Каждый день семь ча-

КАБАНЫ. КЛЫКИ — ЦЕННЫЙ ТРОФЕЙ

сов отсидеть и, погрузившись в кипу бумаг, кальки, восковки и многого множества прочих чертежных материалов, пачкаться в чертежах и красках, семь часов, семь лучших часов дня! А когда злой и усталый выйдешь на улицу — сумерки спускаются над городом, и хочется сесть, отдохнуть в уюте хорошей комнаты, помечтать о том, что ушло и никогда не вернется. Эх, серая горемычная жизни!

17 ноября. После ночного дежурства мне полагается свободный день, с трепетом ожидаю я этого времени, а когда утром, невыспавшийся, вылезаю на улицу из Управления, то к ужасу своему вижу, что подул ветер, все гуще и гуще повалил снег. Пропала охота! Сколько проклятий было произнесено в то утро, сколько яростных жестов и ругательств со скрежетом зубным раздалось по адресу погоды. Ведь один свободный день за три недели — первый снег, и кому-то понадобилось, чтобы все было разрушено!

С остервенением принимаю за завтрак, твердо решив настоять на своем, и, быстро одевшись, схватив «Зауер», сумку, патронташ, несусь за коулками к полям. А снег, так изменчески поваливший, начал стихать, утро незаметно перешло в тихий серенький зимний денек.

Убил двух белок и дал «шикарный» выстрел по русаку. Русак, саженными прыжками несшийся мимо по полю шагах в 60 от меня, через голову полетел и покатился по снегу после хлесткого удара милого «Зауера». Домой пришел вполне удовлетворенный.

9 декабря 1918 г. Поля, бесконечные голубовато-серебристые, местами фиолетовые, поля тянутся кругом, скрипят лыжи, и снег струится и бежит под ногами. Тишина — мертвая, зимняя... Только ветер жгуче потягивает с севера, гудит и поет в дуле ружья. И слышится мне в этих грустно-протяжных звуках то нежный-далекий, далекий колокольный звон, то флейта иволги в знойный полдень, то зов охотничьих рогов, то стоны-вздохи тоскующей души. А ветер поет да поет, поскрипывают в такт лыжи, и бегут и струятся снега. Бедные равнины, тусклое небо, снега и снега без конца — мертвая бесцветная картина и грустная, как наша скучная жизнь, как эта унылая песня ветра в стволах. Бегут снега, а мысли, печальные и безрадостные, текут и текут вереницей, и кажется, что не будет конца этому неуправляемому бегу. Да, «прошли, должно быть, золотые денечки», и милые бунинские стихи звучат и не уходят весь день:

«Где ты закатилось, счастье золотое?
Кто тебя развеял по пустым полям?
Не взойти над степью солнышку
с заката,
Нет пути-дороги к невозвратным
дням».

Ю. ЕЛЬКИН

Фортуна распорядилась так, что первый выстрел по кабану я сделал лишь на третий сезон коллективных зверовых охот. Он не был тем могучим черным вепрем, о котором мечтают многие из охотников. Поэтому и клыки еще не произвели должного впечатления. Какой-никакой... но это был долгожданный трофей.

Естественно, хотелось «довести дело до ума». Выслушал советы знатоков, почитал соответствующую литературу и взялся за оформление своего трофея. Получилось на первый взгляд неплохо.

Потом были еще клыки и еще... И каждый раз мне хотелось привнести в свое творчество что-то новое, что позволило бы придать результатам труда законченный, естественный и в то же время оригинальный вид.

Как это нередко бывает, в литературе по трофейному делу переписываются из одного источника в другой основные положения, зачастую к тому же небесспорные. А более-менее подробные ценные рекомендации найти довольно трудно. Поэтому хотелось бы на страницах нашего журнала высказать некоторые соображения в отношении оформления кабаньих клыков. Надеюсь, что мои практические советы будут полезны не только новичкам, но и специалистам этого дела.

Заготовки для медальонов под клыки делаю заранее. Лучшим материалом является, естественно, дерево. Основным критерий выбора — красивая текстура. Это может быть обресток сучковатой еловой доски, поперечный спил дуба и т. п. Очень красивые медальоны получаются из березового капа, хотя распилить его на пла-

стины — задача непростая. Толщина заготовок — 25...30 мм. Чаще всего древесина бывает полусырой. Поэтому, чтобы заготовка не потрескалась и не погнулась при сушке, следует проолифить ее и до «лучших времен» положить под пресс в прохладное сухое место.

Проходит время, и наступает радостный момент удачного выстрела по секачу. Встает вопрос — как извлечь клыки из челюстей, чтобы не повредить их? Особенности этой операции описаны во многих книгах и журналах, в том числе и на страницах «Охоты...». Хотелось бы акцентировать внимание на следующем моменте. Как правило, различные авторы советуют извлекать клыки сразу же после варки. На мой взгляд, делать этого ни в коем случае нельзя. Быстро выполнить указанную операцию без соответствующего навыка невозможно, что станет причиной частичного разрушения эмалевого слоя верхних клыков. По окончании варки челюсти с клыками необходимо оставить в кипятке для медленного остывания при комнатной температуре. Лишь после остывания воды, а соответственно и клыков можно приступить к дальнейшей работе.

Заполнение внутренних полостей клыков лучше всего осуществлять эпоксидной смолой. В основании стенки клыков очень тонкие и полупрозрачные. Поэтому заливка чистой смолой с отвердителем приводит к потемнению оснований клыков. Чтобы избежать этого, я пользуюсь эпоксидной шпатлевкой. Для ее приготовления добавляю в готовый клей зубной порошок (мел) и растворитель. Клыки с помощью пластилина устанавливаю на куске фанеры так, чтобы основания клыков находились в горизонтальной

плоскости. На начальной стадии заливка производится шпатлевкой, по консистенции напоминающей кефир, на конечной — сметану. Время высыхания шпатлевки — 2...3 суток. При таком заполнении полостей клыков они имеют ровный костный цвет по всей поверхности.

Часто у старых секачей клыки бывают со сколами. При желании эти дефекты можно устранить с помощью указанной выше шпатлевки. Пропорции составляющих частей следует подбирать так, чтобы высохшая шпатлевка и клыки по цвету совпадали.

Удалив с помощью бензина остатки пластилина, наружную поверхность клыков я покрываю бесцветным кремом для обуви и после его высыхания натираю щеткой либо бархоткой. Это, с одной стороны, придает трофею естественный блеск, а с другой — предохраняет клыки от растрескивания при изменении температуры и влажности.

Следующий этап работы — изготовление медальона. Наиболее подходящая форма — круглая либо овальная. Размеры медальона должны сочетаться с размерами клыков. Чтобы медальон смотрелся более объемно, его боковые поверхности лучше сделать с наклоном 60—70 град к плоскости расположения клыков. С обратной стороны медальона сверлом большого диаметра делаются два углубле-

ния. В них вырезаются пазы под шляпку гвоздей или шурупов, на которых в дальнейшем предстоит повесить оформленный трофей на стену.

Тонирование светлых пород дерева производу с помощью имеющихся в наличии красителей (к примеру, морилки, марганцовки и т. п.). Для тонирования березового капа чаще использую следующий способ. На сковородке в подсолнечном масле медальон вываривают в течение 5—15 мин. Время варки следует выбирать исходя из желаемой степени потемнения капа. При этом его отшлифованная поверхность становится переливающейся и как бы полупрозрачной.

Клыки к медальону проще всего прикреплять с помощью винтов. Для этого с обратной стороны клыков необходимо просверлить отверстия на глубину 5—7 мм и в них нарезать резьбу. Подбираются соответствующие толщине медальона винты. Монтаж трофея осуществляется путем вкручивания винтов в клыки через просверленные предварительно отверстия в медальоне.

Крепление каждого из нижних клыков я выполняю с помощью двух винтов, каждого из верхних — одного винта. Причем между нижними клыками и поверхностью медальона желательно поставить резиновые прокладки. Толщину прокладок следует подобрать в соответствии с изогну-

тостью клыков при их наблюдении в плоскости медальона. Сами прокладки можно изготовить, к примеру, из изоляции высоковольтного кабеля. Крепление верхних клыков предпочтительнее производить ближе к сточенной их части. При этом наиболее широкой боковой стороной они будут несколько повернуты от поверхности медальона, что улучшит внешний вид трофея.

Описанный способ крепления имеет следующие достоинства:

простота в реализации и надежность;

крепежные элементы незаметны с лицевой стороны (в отличие от случая, когда используются хомутки и декоративные оправы);

при необходимости измерения обхвата и ширины клыков не требуется их отсоединения от медальона.

Для того чтобы трофей смотрелся законченным в исполнении, пустое пространство между основаниями клыков следует чем-либо закрыть. С этой целью из мягкой древесины (к примеру, липы) или коры сосны я вырезаю подходящих размеров один или несколько листьев дуба, клена и т. п. Листья слегка подкрашиваю под естественный цвет акварельными красками и прикрепляю их к медальону с помощью тонких гвоздей без шляпок.

Трофей готов. Остается повесить его на видном месте во славу удачливого охотника.

Кабаньи клыки на медальонах

ДОКУМЕНТЫ, ИНФОРМАЦИЯ, ФАКТЫ

Приложение 2 к приказу МВД России
от 25 июля 1994 г. № 356

О порядке взимания и размерах платы за выдачу лицензий на право продажи служебного и гражданского оружия*

В соответствии с постановлением Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 2 декабря 1993 г. № 1256 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «Об оружии» Министерство финансов Российской Федерации сообщает для руководства порядок и размеры платежей при выдаче лицензий органами внутренних дел физическим и юридическим лицам, осуществляющим продажу служебного и гражданского оружия на территории Российской Федерации:

1. На основании действующего законодательства продажа служебного и гражданского оружия разрешается только после получения в органах внутренних дел специального разрешения (лицензии) на право осуществлять указанный вид деятельности.

2. За выдачу лицензии на право продажи служебного и гражданского оружия взимается единовременный сбор. Оплата лицензионного сбора производится в установленном порядке через учреждения банков Российской Федерации.

3. Лицензионный сбор взимается в следующих кратных размерах к минимальной месячной оплате труда, установленной законодательством Российской Федерации.

Лицензии выдаются органами внутренних дел после уплаты лицензионного сбора. Поступившие средства за выдачу направляются:

50 процентов на текущие счета МВД республик, входящих в состав Российской Федерации, ГУВД, УВД краев, областей и автономных образований;

50 процентов в доход федерального бюджета на раздел 12 параграфа 40 «Прочие поступления».

Средства, поступившие за выдачу лицензий на текущие счета, используются органами внутренних дел на обеспечение своей деятельности, связанной с реализацией Закона Российской Федерации «Об оружии».

Примечание: в понятие «за границей» включаются и страны СНГ.

Приняты Министерством финансов Российской Федерации от 2 июня 1994 г. № 73.

О ПОРЯДКЕ И РАЗМЕРАХ ПЛАТЕЖЕЙ ЗА ЛИЦЕНЗИИ,
ВЫДАВАЕМЫЕ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СООТВЕТСТВИИ
С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ СОВЕТА МИНИСТРОВ —
ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ОТ 02.12.93 г. № 1256 «О МЕРАХ ПО РЕАЛИЗАЦИИ
ЗАКОНА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ «ОБ ОРУЖИИ»

Виды лицензий	Ставки сбора за выдачу лицензий (в кратных размерах к минимальной оплате труда)
Лицензия на продажу оружия на срок до 3 лет [за исключением государственных военизированных организаций]	1000
Продление лицензии на продажу оружия на срок до 5 лет [за исключением государственных военизированных организаций]	750
Лицензия на приобретение охотничьего огнестрельного оружия с нарезным стволом гражданами со сроком действия 6 месяцев	5
Лицензия на приобретение охотничьего гладкоствольного огнестрельного оружия гражданами со сроком действия 6 месяцев	3
Открытая лицензия на приобретение газового оружия самообороны [за исключением аэрозольных устройств] гражданами с правом на 5 лет [продление лицензии]	1
Лицензия на приобретение оружия предприятиями, организациями и учреждениями за границей со сроком действия 6 месяцев:	
за каждую единицу охотничьего огнестрельного оружия с нарезным стволом	3
за каждую единицу охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия	2
за каждую единицу газового оружия [за исключением аэрозольных устройств]	1
Лицензия на приобретение на территории Российской Федерации оружия предприятиями, организациями и учреждениями со сроком действия 6 месяцев:	
за каждую единицу охотничьего огнестрельного оружия с нарезным стволом	3
за каждую единицу охотничьего огнестрельного гладкоствольного оружия	2
за каждую единицу газового оружия [за исключением аэрозольных устройств]	1
Лицензия на приобретение и вывоз из Российской Федерации огнестрельного оружия иностранными гражданами [продление лицензии] сроком на 5 дней	5

ДОКУМЕНТЫ, ИНФОРМАЦИЯ, ФАКТЫ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЛОГОВАЯ СЛУЖБА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ МИНИСТЕРСТВО ФИНАНСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Государственные налоговые инспекции по республикам, краям, областям, городам федерального значения, автономным образованиям
Министерства финансов республик, финансовые управления, главные управления, комитеты, департа-

менты (отделы) администраций краев, областей, автономных образований
Департамент финансов Правительства Москвы
Финансовый комитет мэрии Санкт-Петербурга

Об особенностях налогообложения прибыли, полученной от реализации охотхозяйственной продукции обществами охотников и рыболовов

В связи с поступающими запросами о порядке применения подпункта «г» пункта 4 статьи 1 Закона Российской Федерации от 27.12.91 г. № 2116—1 «О налоге на прибыль предприятий и организаций» в части освобождения от налогообложения прибыли от реализации произведенной охотхозяйственной продукции, закупленной у граждан обществами охотников и рыболовов, их предприятиями и организациями, Государственная налоговая служба Российской Федерации и Министерство финансов Российской Федерации сообщают следующее.

В соответствии с вышеуказанным Законом с 1.07.92 г. предприятия любых организационно-правовых форм не являются плательщиками налога по прибыли от реализации произведенной ими охотхозяйственной продукции.

Данная норма применяется к обществам охотников и рыболовов, их предприятиям и организациям при условии осуществления ими расходов по учету и воспроизводству животных в охотугодьях, дичеразведению, подкормке и поддержанию численности диких животных и среды их обитания, борьбе с браконьерством, а также затрат по обучению охотников промыслу и обеспечению их участия в добыче диких животных (выдаче лицензий, выделению капканов, приманок, огневых припасов и т. п.).

При этом обязательным условием для освобождения от налогообложения прибыли от реализации произведенной охотхозяйственной продукции является наличие заключенных указанными организациями и предприятиями с охотниками —

членами обществ охотников и рыболовов договоров на отстрел и сдачу животных, добытых охотниками на закрепленных за этими общественными организациями территориях.

Прибыль, полученная в результате реализации такими организациями и предприятиями продукции от отстреленных и сданных охотниками животных, добытых ими на закрепленных за общественными организациями охотугодьях, освобождается от налогообложения в соответствии с приведенной выше нормой Закона Российской Федерации «О налоге на прибыль предприятий и организаций». При этом указанная норма не распространяется на прибыль, полученную от реализации закупленной иной охотхозяйственной продукции.

Заместитель Руководителя Государственной
налоговой службы Российской Федерации
— Государственный советник налоговой
службы 1 ранга
Н. В. ПОПОВ
14.06.94 г. № 74

Заместитель Министра финансов
Российской Федерации
С. В. АЛЕКСАШЕНКО
8.06.94 г. № 74

Зарегистрировано в Минюсте РФ —
№ 610 от 27 июня 1994 г.

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ РОССИЙСКОГО ЗАКОНА ОБ ОХОТЕ И ОХОТНИЧЬЕМ ХОЗЯЙСТВЕ

Е. М. БОГДАНОВА,
заместитель председателя Комитета
по природным ресурсам
Государственной Думы РФ

Уважаемые товарищи, я хочу предупредить вас, — может так случиться, что тома законов будут собраны в Государственной Думе, а до утверждения их просто не дойдет очередь.

Дело в том, что Государственная Дума — очень политизированный орган. В настоящее время из нее вышло восемь законов и ни один из них Советом Федераций не утвержден. Существует еще и верхняя палата. Разработка закона — не очень сложный процесс. Но что будет с проектом закона дальше? В этом нет никакой ясности. Почему я с этого начала выступление? Закон об охоте бесспорно нужен, но он должен быть таким, какой может беспрепятственно пройти процедуру утверждения. Значит, он должен отвечать интересам субъектов Федерации, он должен отвечать интересам народа, наших избирателей.

Признаться, меня несколько удивляет сегодняшнее совещание: я думала, что мы соберемся по проблеме охраны животного мира, а не охотпользования. Животный мир оказался в таком расстрелянном и уничтоженном состоянии, которое нужно поправлять уже сегодня. На следующий год, если мы не примем закон об охране животного мира, вопрос об охотпользовании отпадет сам собой, — нечем будет пользоваться. Вы знаете, в каком состоянии охрана.

В Думе сейчас 73 закона по самым разным — и политическим, и социальным, и экономическим — проблемам: Административный кодекс, Уголовный кодекс, налоговые законы, финансовые законы. Разве в этих законах нельзя защитить интересы охотпользования? Я не думаю, что по каждому виду пользования должен быть свой закон.

Охотничьи ресурсы могли бы самокупаться и создать средства, которые мы могли бы направить на ох-

рану животного мира. Сейчас и охраны не существует, и прибылей никаких нет, и сами охотники оказались в бедственном положении. Даже Рос-охотрыболовсоюз просит сравнить их с сельхозпроизводителями. Извините, сельхозпроизводители живут только своим трудом, вложенным в землю, а охотники все-таки готовые природные ресурсы добывают.

Поэтому я еще раз призываю вас как следует изучить закон о животном мире. Было бы замечательно, если бы Дума приняла его в этом году. Мы не знаем, удастся ли нам в дальнейшем утвердить закон об охоте, но в законе о животном мире должны быть статьи, имеющие прямое отношение к охоте. Опасаюсь, что, если мы сейчас выйдем с инициативой закона об охотпользовании, над нами могут начать смеяться. Потому что нет закона о борьбе с преступностью, о налоговой политике, о земле, а мы говорим об охоте.

Давайте работать над тем законом, который, будем знать заранее, получит «зеленую улицу».

В. А. ОПАРИН, заместитель начальника
Ярославского управления
охотничьего хозяйства

Несмотря на то что у нас будет принят закон об охране животного мира, мы считаем, что нужен и закон об охоте и охотничьем хозяйстве. Охотничьи животные составляют значительную часть используемого животного мира. Охотничье хозяйство традиционно в России является отраслью народного хозяйства, причем на севере, в Сибири и на Дальнем Востоке важность этой отрасли многократно возрастает, поскольку она обеспечивает не только благополучие коренных народов, но и само существование этих народов.

До революции в России был закон об охоте. Такие законы существуют в большинстве цивилизованных стран. С принятием такого закона у нас будут ликвидированы значительные недо-

разумения, когда органы местного самоуправления начинают командовать использованием животного мира, когда лесное ведомство начинает говорить, что животные — это составная часть леса и если есть лесное ведомство, то и распоряжаться этими животными должно оно. Поэтому, наше мнение, — закон об охоте необходим. В законе должно быть отражено, что передача территории в собственность или в аренду не означает передачу обитающих на этой территории животных. Необходимо отделить землю, лес и водопользование от охотпользования.

Использование охотничьих животных должно быть обязательно платным. Эта платность может быть различной. Или это будет госпошлина за право охоты, либо это плата за лицензии на охотпользование. В этом же законе надо четко определить, что право на охоту, будучи одним из конституционных прав граждан, должно предоставляться гражданам государственными органами по делам охоты путем выдачи охотничьего билета, а не общественными организациями. До недавнего времени для получения права на охоту необходимо было быть членом общественной организации. Это абсурд! Только государственный орган должен предоставлять право на охоту. В законе должен быть отражен механизм реализации этого права. У нас же сейчас сложилась такая ситуация, в которой охотник, даже имея охотничий билет и билет охотобщества, не всегда может реализовать право на охоту. То мест нет в охотничьем хозяйстве, то ресурсы малы, то требуется заплатить какие-то дополнительные деньги кроме платы за право охоты, то отработать в охотничьем хозяйстве... Если охотничье хозяйство имеет возможность пропустить определенное количество людей, то вне зависимости от членства в обществе охотников оно должно предоставлять право на охоту физическим лицам.

Далее, в этом законе, на наш взгляд, необходимо отразить, что сроки и способы охоты должны регулироваться

правилами охоты, которые разрабатываются специально уполномоченным органом по делам охоты. Такой орган разрабатывает типовые правила, а на местах с учетом своих условий должны разрабатываться региональные правила. Поэтому должен быть государственный орган по делам охоты и охотничьего хозяйства. В законе должно быть оговорено, чем этот орган будет заниматься, то есть должны быть определены его права и обязанности, чтобы не было такого положения, как теперь, когда различные ведомства стараются подменить функции, которые государство возложило на департамент по охоте и охотничьим ресурсам.

В законе необходимо предусмотреть права и обязанности работников охотничьего надзора. Должна быть предусмотрена их социальная защищенность.

А. А. КЛУШИН,
заместитель председателя
ассоциации «Росохотрыболовсоюз»

Центральное правление Росохотрыболовсоюза уже четыре года назад было инициатором создания закона об охоте и рыболовстве в России. Мы обращались с этим в Правительство, Правительство — в Верховный Совет. Теперь нет ни Верховного Совета, ни закона об охоте. Хорошо еще, что проект закона об охоте был найден после октябрьских событий в Росохотрыболовсоюзе.

С мест 3 миллиона членов общества нашей ассоциации спрашивают: когда будет закон об охоте? Именно закон, а не нормативный документ, поскольку мы считаем, что закон повышает ответственность пользователей. Вы знаете, что у нас много нормативных документов, много постановлений Правительства, которые не выполняются, а закон есть закон, поэтому мы твердо стоим на позиции, что законы о рыболовстве и об охоте в России должны быть приняты.

В будущем законе об охоте прежде всего необходимо отметить, что в России есть отрасль охотничьего хозяйства.

Естественно, должно быть отражено, что передача охотугодий осуществляется на длительный срок. Существующий нормативный документ дает права администраторам на местах передавать пользователям охотугодья только на 10 лет. Это не может стимулировать эффективное ведение охотничьего хозяйства. Охотпользование должно быть более продолжительным, а может быть, даже бессрочным, при условии выполнения всех договоров, которые заключает охотпользователь.

Один из самых главных вопросов нашей концепции закона — разделение функций природопользования и над-

зора. Ведение охотничьего хозяйства не может быть правильным, если какой-то государственный орган сам этим занимается и сам себя контролирует.

Далее: необходимо как-то взаимно увязать законы о природопользовании. А то ведь получается, что основы лесного законодательства противоречат закону об охране окружающей природной среды, закону об охране и использовании животного мира. Основы лесного законодательства противоречат даже Конституции.

Сейчас обсуждается проект закона об охране и использовании животного мира. К нашему удивлению, в статье 28 проекта записано, что передача охотугодий должна быть согласовываться с землепользователями, лесопользователями... Это значит, что мы — охотпользователи никогда не получим охотничьи угодья, потому что мы пойдем на согласование с лесным хозяйством, а они скажут, что сами будут вести охотничье хозяйство. Мы к землепользователям обратимся — они ответят то же самое. Но ведь печь пирога должен пирожник, а не сапожник. Поэтому мы категорически возражаем против статьи 28-й проекта закона об охране животного мира.

Сейчас вводится какая-то арендная плата за лес. Мы же считаем, что охотпользователь ведет свое хозяйство в соответствии с законом об охране и использовании животного мира. Мы лесом, как таковым, не пользуемся, а на местах нас заставляют платить за естественную среду обитания животных. Следуя такой логике, лесники должны платить за воду, без которой невозможна жизнь леса. Мы — охотпользователи должны платить за воду, за землю, за лес... Это же абсурдно! Животные находятся в естественной среде обитания, и, если нет охотпользователей, эта среда обитания все равно существует. За что же платить? Мы согласны, что охотпользователь должен платить за вред, который животные могут нанести лесному или сельскому хозяйству из-за нерационального ведения охотничьего хозяйства. Это совершенно правильно нашло отражение в проектах законов.

Остановлюсь еще на такой проблеме. Некоторые из присутствующих здесь коллег выступают против членских билетов охотничьих обществ. Мы уверены, что это неверная тактика. Нельзя же позволить 18-летнему юноше, не знающему ни природы, ни правил охоты, не вложившему никакого труда в охотничье хозяйство, по одному лишь государственному охотничьему билету приобрести оружие, заплатить за отстрел и отправиться в природу таким вольным стрелком. Членство в охотничьем обществе обучает навыкам охоты, знанию природы и дисциплинирует. А марку государственной пошлины можно приклеить куда угодно.

И наконец, последнее: вышло положение о приобретении лицензий на покупку оружия. Теперь, если вы, сидящие здесь, захотите купить оружие, вам придется заплатить за бумажку на право его приобретения: трехмесячный минимальный оклад за приобретение гладкоствольного оружия, пятимесячный — за приобретение нарезного оружия. Почти 75 тысяч рублей вы должны заплатить органам МВД, которые дадут вам разрешение. Но ведь вы уже заплатили за право приобретения оружия через налоги! Где же тут хотя бы элементарная логика? А если оружие покупает организация, мы должны заплатить 15 миллионов рублей за право торговать им?! Я прошу поддержать нас — такое положение не должно быть зарегистрировано Министерством юстиции. Если это положение ведомственное и не подлежит регистрации, мы все должны употребить максимум усилий, чтобы отменить его.

В. Г. ЧЕПУРНОЙ,
директор «Союзпушнина»

Уважаемые товарищи, я представляю внешнеэкономическую фирму «Союзпушнина», которая на протяжении 60 лет занимается экспортом пушнины из Советского Союза, теперь из России. Вы знаете, что экспорт пушнины всегда был для России важным источником получения валютных средств. В 80-е годы он составлял 100—150 миллионов долларов; большая доля этого дохода поступала от продажи промысловой пушнины.

Поэтому мы, разумеется, выступаем за принятие закона об охоте, за то, чтобы проект его не погиб в узниках и согласованиях.

Вы знаете, что в настоящее время во всем мире ширится движение за гуманное отношение к животным. Это целая философия, гуманизирующая все человечество. Под ее влиянием в 1991 г. ЕЭС приняло постановление (которое вводится с 1 января 1995 г.) о запрете использования при добыче зверей ногозахватывающих капканов. Это постановление самым прямым образом относится к нам, к России. По нему 13 видов шкурок пушных зверей, которые добываются в России, не будут ввозиться в страны ЕЭС, если они будут добываться негуманными способами и средствами. А у нас 60 % добываемого соболя шло на экспорт в Европу. Экспортируем мы и другую пушнину, так как внутренний рынок пока не может дать нам необходимых средств.

В тяжелейшем финансовом положении находятся сейчас звероводческие хозяйства.

Проблема гуманизации промыслов в проекте закона об охоте освещена

слишком мягко. А для нас, как вы понимаете, это имеет большое значение.

Другие статьи закона должны быть направлены на закрепление за государством охотничьих ресурсов. Приватизация не должна разрушать эту собственность. Должно остаться лицензирование на добычу ценных пушных зверей. Необходимо принять меры по планированию и учету добычи.

А. А. ТУРУСИН,
депутат Государственной Думы РФ

Уважаемые участники совещания, я представляю Иркутскую область, для которой законопроект об охоте имеет огромное значение. Но я хотел бы сказать, что характер разработки законопроекта может привести к тому, что он не будет принят Государственной Думой и соответственно Советом Федерации. Может быть, имеет смысл на федеральном уровне разработать только основы закона, а остальное отдать на разработку субъектам Федерации? Елена Михайловна уже говорила об этом. А есть еще и третья инстанция — Президент. Подпишет он или нет?

Позвольте мне высказать несколько соображений по предложенному законопроекту, так как я много лет работал председателем райисполкома. У нас в области два коопзверопромхоза. Один из них — Тофаларский уникален. Тофаларский район занимает 50 тыс. квадратных километров. Это две Смоленских области. Нужно ли в этих условиях все решения оставлять за общероссийским законом?

Если по закону арендная плата за охотничьи угодья будет слишком большой, многие угодья будут не востребованы, так как наши акционерные общества не в состоянии их оплатить. А платить приходится за очень многое. Например, один час вертолета стоит один миллион восемьсот тысяч рублей. Наши акционерные хозяйства не в состоянии пользоваться такими услугами.

Невероятно осложнена процедура получения разрешений на охотничье оружие. Охотники Тофаларии просто не в состоянии заниматься получением таких разрешений, а они у нас — основная сила на промысле.

Чрезвычайно беспокоит нас черный рынок. Все самое ценное, например кабарожья струя, уходит за границу. Так мы скоро совсем лишимся кабарги. Закон должен поставить заслон браконьерству и контрабанде. Сегодня же браконьеры оружием и транспортом оснащены гораздо лучше госохотинспекции.

Что же касается квот на лицензионный отстрел, то, мо-моему, это право должно быть закреплено за субъектами Федерации.

По страницам старых журналов

«Советский охотник», № 6, 1939.

О СОБОЛЕ

Б. М. ЖИТКОВ

Почти за тысячу лет до нашего времени о соболе и собольих мехах упоминают уже многие письменные источники. В древнейшем ипатьевском списке «Русской летописи» под 1160 г. в рассказе о встрече двух удельных князей находим следующие слова: «Тогда же Ростислав позвал Святослава к себе на обед... да бо Ростислав Святославу соболми и горноштайми, и черными кунами, и песци, и белыми волкы, и рыбьими зубы». В еще более ранний период, в так называемой «Перяславской летописи» под 1091 г. читаем про сношения русских с охотничьими племенами Севера: «Аще кто даст им железо, нож или секиру, дают соболи, куницу, белку». В древнейших, относящихся к началу текущего тысячелетия, легендах и героических песнях Западной Европы часто упоминаются наряды героев, украшенные мехами соболей. С незапамятных времен дорожке меха перевозили по торговым дорогам Восточной Европы и Азии с Севера на Юг.

В первые полтора столетия после завоевания Сибири соболь часто упоминается в донесениях воевод в Москву и в различных правительственных актах в связи с ясаком*. Многие из таких документов показывают, что запасы соболей в Сибири в XVII в. были еще велики. В тех местах Западной Сибири, где теперь соболи очень редки, ясак достигал 10 шукрок «с лука».

В первой половине XVIII в. о распространении и промысле соболя говорят уже ученые-путешественники, изучавшие природу Сибири, Мессершмидт, Гмелин, Стеллер. Впервые признаки распространения и образ

жизни драгоценного зверя описал акад. Паллас в краткой монографии «Соболь», помещенной в изданных им сборниках (1780).

Интерес представляет относящаяся к еще более раннему времени русская работа, рассматривающая соболя как товар. О соболе говорится в главе IV статьи «Описание о сибирских торгах». Статья эта помещена в академическом журнале «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служажие» (февраль 1756 г.).

Автор статьи рассказывает о различиях достоинства соболей, вызывающих колебания цены от 25 коп. до 50 руб. за шкурку, иредка и выше. При сортировке исключительные по качеству соболя называются одиначами; следующие лучшие соединяются (слегка сшиваются мездрой друг к другу) парами, тщательно подобранными по сходству; прочие сортируются по сорокам. Пара расценивается выше, чем два таких же соболя порознь. Соболя осеннего и весеннего лова (раньше ноября и позже февраля) называются недособолями.

Ценность шкурке придают обилие и чернота оси*. Такой соболь осист, ость закрывает подшубу. У соболя сортом ниже много подоси, т. е. волос остевых, но более коротких, чем длинная ость. Высоко ценится блеск остевых волос.

Сортировать и ценить соболя, пишет автор, надо в ясную погоду, при чистом небе, но перед окном, куда не светит солнце. Прямой солнечный свет увеличивает глянец шкурки, облачное небо затмевает блеск волоса и увели-

* Ясак — подать.

* Старинное русское слово вместо «ость».

чивает его черноту. Автор описывает такие приемы чернения шкур, способы отличать черных или дымленных соболей и отмечает, что китайцы особенно искусно проделывают такую фальсификацию. При хранении соболей для защиты от моли употребляют выхухоль (очевидно хвосты выхухоли).

О распространении соболей автор сообщает интересные сведения, преимущественно о сильноном уже тогда сокращении их числа. «В старые годы бывали соболи и по сю сторону Сибири, около Чердина и Пустозерска, но там уже давно выловлены. То же случилось и во многих сибирских местах... Соболи в некоторых местах так вывелись, что и следов их не осталось, о чем свидетельствовать могут Екатеринбургский уезд, Исетская провинция и надлежащие к Тобольску слободские дистрикты. В Верхотурье, Туринске, Тюмени, Пельми и Березове соболя качеством низки; их покупают по цене от 25 до 50 коп. У Сургута и Нарыма попадают и стоящие 4—8 руб. Самых лучших соболей привозят с Верхней Ангары и из Баргузина. Однако и здесь между отличными шкурками попадают посредственные — ценой от 1 до 2 руб. Хороши соболиные промысла еще на Киренге и в верховьях Нижней Тунгуски».

Такое описание дает весьма сведений в соболином промысле автор в половине XVIII в., т. е. за 180 с лишком лет до нашего времени.

Сколько интересных замечаний о соболе есть в еще более старой книжке Страленберга «Северная и Восточная части Европы и Азии». Эта книжка вышла в 1730 г. в Стокгольме на немецком языке, с картой, показывающей очертания наших северных и северо-восточных берегов, какими представляли их еще до работ Великой северной экспедиции (1733—1743). Страленберг был пленный шведский офицер, посланный в Сибирь и позже освобожденный. В Сибири он несколько лет путешествовал с Мессершмидом, который исследовал Сибирь в течение 7 лет (с 1720 по 1727 г.) по указу Петра I. В описании соболя Страленберг приводит и неверные сведения (он описывает глубокую спячку соболя), и верные и интересные замечания. Корма соболя, по мнению автора, мыши, кедровые орехи, ягоды и рыба. При урожае орехов и ягод шкурки бывают относительно хуже, так как соболя мало двигаются. При урожае, когда соболя вынужден постоянно искать добычу, шкурки лучше и промыслить зверя легче. Страленберг упоминает и о том, что изредка попадают белые соболя.

Большую практическую важность имеют сообщения старых авторов (в конце XVIII в. и в первой половине XIX в.) о распространении соболя в Европе. Как известно, в настоящее время соболя распространены на Северном Урале и в очень малом числе переходят на западную сторону верховьев

Соболиная печать Сибирского Приказа 1706 г.

Печоры. Почти все авторы нынешнего века и конца прошлого считают, что раньше соболя был распространен далеко к западу — до Лапландии и Финляндии, по мнению некоторых — даже до Литвы. Между тем такие крупные зоологи прошлого времени, как акад. Паллас, Брандт и Бэр, считают очень редкие случаи добычи соболей в бассейнах Северной Двины и Онеги за результат их случайных забегов и западную границу распространения соболей в древние времена намечают там же, где она и теперь, — в верховьях Печоры и Камы. Бэр в одной из своих географических работ определенно говорит, что родиной соболя с древнейших времен считают земли за Уралом. Если бы и сотни лет назад соболей промыслили в лесах европейского Севера, это оставило бы следы в предании и в древнейшей литературе.

Положение этого древнего европейского соболиного ареала, занимающего только склоны Северного Урала и почти не выходящего за Печору, вероятно объясняется тем значением, которое в питании соболя имеют кедровые орехи. Западная граница постоянного пребывания соболя в бассейнах Печоры и Камы довольно точно совпадает с западной границей сибирского кедра.

Соболь — сибирский зверек. В Европе его заменяет лесная куница, с которой он и встречается и скрещивается на всем пространстве от Печоры и верховьев Камы до бассейнов Северной Сосьвы и Конды. От этого скрещивания, по мнению зоологов и пушников, и получается кидас.

Несколько интересных замечаний о соболе и соболином промысле мы находим в отчетах о путешествии через Сибирь до границы Китая в 1675 г. Николая Спафария. По происхождению знатный молдаванин Спафарий был изгнан из отечества, скитался по Европе, приехал в Москву, где за знание древних и новых языков был взят в переводчики «Посольского приказа».

В 1675 г. он был послан царем Алексеем Романовым во главе посольства в Китай для торговых и политических переговоров.

Спафарий при последовательном изложении маршрута посольства сделал также отдельные географические описания бассейнов Иртыша, Оби, Енисея, Лены, Байкальского озера и Даурии. Посол обращал также внимание на рыбные и пушные промыслы, упоминаемая речки и урочища, где добывали бобров и соболей. Особенно интересны его замечания о соболях в описании хребтов, разделяющих бассейны Лены и Амура. «И с того хребта стороны, — говорит он, — все реки текут в Амур, а с другой — все реки текут в Лену. И тут по тому хребту и по тем рекам рождаются самые хорошие соболя, лучше всех сибирских, что сливают ленские, даурские, собачьи и называют их одиночками, и тут множество соболей и мест промысленных и еще непроведанных есть много, наипаче около моря (т. е. Байкала). И по тем хребтам множество иноземцев разноязычных живут, и у них есть и пращи, что нигде же в ином месте в Сибири нет. А соболя зверок зело предивный и многоплодный, и нигде же на свете не родится, опричь в Северной стране в Сибири, а в Сибири рождаются хорошие наипаче при море и где холодные места, а где места теплые и степные, тут худые соболя рождаются. А рождаются они вдруг по 5 и по 6, зверок радостный и красив, а красота его придет вместе со снегом и опять с снегом сойдет, и тот есть зверок, что греков у старых и у латинов именуется золотая кожа, и для той кожи греки Аргонавты ходили по Черному морю, и после того вверх по рекам сыскали ту кожу, как историки пишут».

Знакомый с греческой литературой Спафарий вспоминает здесь древнюю легенду о путешествии греческих героев Аргонавтов, которые плавали по Черному морю в Колхиду искать золотое руно. В далекой древности в устье Фазиса (как тогда называли теперешний Рион) стоял город Фазиды. Приблизительно на этом месте теперь находится Поты. В Колхиде, земли которой простирались по берегу Черного моря до устья Дона, было много предприимчивых купцов и мореплавателей. Город Фазиды был посредником в торговле средиземноморских стран с Индией, Китаем и Северной Азией. В город этот привозили и дорогие меха с Севера. В приведенном выше отрывке Спафарий и высказал мнение, что золотое руно (златая кожа), за которым, по легендарному рассказу, плавали Аргонавты, не что иное, как драгоценные шкурки соболей.

Это вряд ли предположение самого Спафария. Вернее, что такое мнение высказывали уже древние писатели и Спафарий почерпнул его из литературы. Оно интересно, так как указывает на весьма древнее доисторическое развитие широкой торговли мехами.

Молодые самки архара

Фото И. Мухина

АРХАР В КАРАГАНДИНСКОЙ ОБЛАСТИ

А. БЕРБЕР, И. КАЛМЫКОВ

Архар, как и большинство животных, занесенных в Красную книгу, оказался в роли сироты. У Академии наук нет денег на его изучение, а у охотпользователей отсутствует интерес к охране и определению численности «краснокнижника».

Неудивительно, что в литературных источниках сведения об архаре весьма скудны. Не составляет исключения североказахстанский горный баран (*Ovis ammon colium*) — один из пяти подвидов горного барана, — обитающий в Казахстане, основное ядро популяции которого находится в Карагандинской области.

Место обитания подвида — Центрально-Казахстанский мелкосопочник. На северо-западе восточного крыла, то есть в районе Караганды и севернее, где влаги выпадает несколько больше, горные массивы обычно глубоко расчленены хорошо разработанными оврагами и логами. Самый северный пункт пребывания архара — горы Ерментау (Акдым, Беркуты, Каратау, Койтас). Ранее они были обычны в горах Нияз, в настоящее время крайне редки.

К югу от гор Нияз архаров нет на большом пространстве, и лишь южнее города Караганды, в горах Тектурмас, они обитают круглый год, хотя и немногочисленны. Есть они и в небольших горах Сарытау. В горах Улутау, на западе Казахского нагорья, архары встречались еще в предвоенные годы, но позже были истреблены. Встречаются они в южных и западных предгорьях Баянаульского массива, к юго-востоку от Баянаула — довольно часто в горах Кызылтау, Аркалык, Муржик и Едрей.

В центральной части Казахского нагорья архары обычны в горах Кызылрай, Каркаралинских, Кентских, Куу; горных массивах Коныр-Темирши, Кошубай, Бахты, далее на юг в Бектауаты — у поселка Саяк. Места обитания архара в Казахском нагорье чрезвычайно разнообразны. Обычно они живут на выровненных участках гор на любой высоте, где высокие горы соединяются с низкими (Федосенко, Капитонов, 1983). Зимой архары придерживаются мест, где снежный покров выдувается ветром, либо из-за бедности осадков мало снега. Во время проведения авиаучетов архары встречались неоднократно в осиново-березовых колках и зарослях кустарников, особенно в привершинной части кряжей (горы Кызылтау, Акдым и Тунгатор). В горах Кент, Бакты, Кызылтас и Куу архары летом нередко встречаются и в сосновом лесу. В глубоководно-снежные они обычно переходят из многоснежных западных макросклонов на восточные, малоснежные.

В результате авиаучетов в 1989—1991 гг. получены данные по численности архара в отдельных горных массивах Казахского нагорья, которые позволили предположить, что при экстраполяции на 1,5 млн га свойственных виду угдий обитает около

10 тыс. особей. Наибольшая плотность популяции была в горных массивах, расположенных в северо-восточной части Казахского нагорья.

Анализ структуры популяции архара на Казахском нагорье показал, что старые самцы (возраст свыше 7—8 лет) составляли 29 % общей численности самцов, а в отдельных горных массивах (по данным учета, апрель 1990 г.) значительно выше. Так, в горах Аркалык — 35,5 %, Едрей — 82,5 %, Большая и Малая Семизбугу, Кызылтау — 40,7 %.

Все это с учетом продолжительности жизни архаров 10—13 лет (Сопин, 1977) позволило начать эксперимент по ограниченному изъятию старых самцов. В марте 1990 г. в нашей области проведена первая охота для иностранных туристов из США, которые добыли четырех старых самцов.

После первой охоты на архара наконец-то обратили внимание. Что же выяснилось? Архара на протяжении ряда лет никто не охранял, а браконьерство процветало, о чем свидетельствует ряд фактов:

— во время проведения учетов численности и организации охот для иностранцев нами найдено и обследовано 154 останки погибших за последние три года архаров, из которых 46 % стали жертвами браконьеров;

— все четыре архара-самца, добытые иностранцами в 1992 г. в горах Едрей, и два из шести, добытые в горах Коныр-Темирши, оказались с огнестрельными ранениями 1—2-месячной давности;

— в декабре 1992 г. отмечен случай незаконной охоты на этих животных с использованием вертолета, в результате которой обнаружено погибших только от ран пять архаров.

В целях изучения биологии архара и ограниченного отстрела животных, внесенных в Красную книгу, Управлением охотничьего хозяйства Минлесхоза Казахской ССР был заключен договор с лабораторией охраны диких животных Института зоологии АН Республики Казахстан о научно-техническом сотрудничестве. Согласно этому договору на территории Карагандинской области в ноябре 1991 г. добыты самец архара и два самца сайги для музея города Сильвия (Испания), а в августе—декабре 1992 г. иностранными охотниками отстреляно 19 самцов архара.

Карагандинским лесохозяйственным производственным объединением были заключены договоры с посредническими фирмами России: «Балчуг» — на добычу 14 трофеев, «Сави» — четырех и Казахстанской ассоциации «Казинтурохота» — одного животного. В основном охота проводилась в горных массивах Едрей, Мыржик, Коныр-Темирши в августе—декабре 1992 г. Для приема иностранцев работники лесхоза обустроили два полевых лагеря. В теплое время года они состояли из юрты — для клиентов и передвижного домика и палаток — для обслуживающего персонала и кухни.

Среди зарубежных охотников были граждане США — десять человек, Испании — четыре человека, Италии, Мексики, ФРГ, Австрии и Канады — по одному человеку. Карагандинскому ЛХПО за каждый добытый трофей фирмы-посредники платили от 10 до 14 тыс. долларов США и по 100 долларов в день за оказанные услуги.

Охотничий тур длился от двух до десяти дней. Клиентов с багажом на автомобилях из аэропорта города Караганды доставляли в полевой лагерь за 200—400 км. Клиент в сопровождении проводника и переводчика на автомобиле выезжал из полевого лагеря на поиск архаров обычно рано утром или вечером, когда легче обнаружить пасущихся животных. Во время передвижения группа охотников часто останавливалась и производила осмотр местности с помощью биноклей. Обнаружив стадо животных, их тщательно рассматривали, используя подзорную трубу 30—60 крат. Если клиенту нравился трофей, за животное или группой животных велось обычное наблюдение, пока они не лягут для отдыха. Затем, учитывая ветер и используя складки местности, осторожно приближались к отдыхающим архарам. Обычно проводник подводил охотника на расстояние 100—150 м, с которого и производился выстрел.

С наибольшего расстояния добыли архаров в горах Едрей Питер Кейндол (Австрия) и Вильфрид Феринг (ФРГ), соответственно 400 и 350 м. Оба охотника использовали лазерный дальномер, что, по-видимому, помогло им добыть свои трофеи с первого выстрела.

С рекордно близкого расстояния добыл свой трофей Головача Хосейн (США) в горах Коныр-Темирши, которого охотевод О. Башеев подвел к спящему барану на 25 м.

Большинство клиентов, прежде чем сделать выстрел, обращались к своему гиду с целью выяснить размер трофея. Каждый егерь должен уметь определить примерный возраст животного и длину рогов с расстояния 300—400 м. Концы рогов у этих животных разведены в стороны от основания. Если каждый рог мысленно поместить в одну плоскость, то у взрослых особей, возраст которых не менее 8 лет, они образуют полный круг, иногда больше. Если рога образуют $\frac{3}{4}$ круга, то такому животному пять—семь лет, если $\frac{1}{2}$ круга — три—четыре лет, если $\frac{1}{4}$ — от двух с половиной до трех лет (Федосенко, Капитонов, 1975).

Самцы архаров осенью и зимой имеют дополнительные отличия в окраске груди и шеи: у 3—4-летних самцов грудь и передняя часть шеи «сизые» (голубоватые), у 5—7-летних — грудь серая (с примесью белых волос), у самцов старше семи лет грудь и шея чисто-белые. Белый цвет у отдельных баранов охватывает верх шеи и тыльную ее часть, образуя кольцо.

Рог, имеющий полный оборот, достигает обычно 110 см, а с некоторым

загибом из плоскости — не менее 120 см. Для добычи архаров иностранцы в основном использовали карабины Уизербей — 7,6 мм, Ремингтон — 7,0 мм, Винчестер — 7,6 мм, оснащенные оптикой, как правило, производства Германии и Австрии. С добытых архаров специалисты биолого-охотоведы снимали необходимые промеры, обследовали внутренние органы.

В результате организации охот иностранных туристов в 1989—1992 гг. не только были заработаны средства на охрану и изучение архара, но и собран ценный научный материал, позволяющий внести серьезные дополнения к уже имеющимся сведениям о северо-казахстанском горном баране.

Длина тела 7—11-летних самцов составляет 165—199 см, высота в холке 115—135 см. Крупные самцы осенью могут весить 140—165 кг. Наибольший вес самца 11,5 лет, добытого в декабре 1992 г. гражданином Испании Хосе Замакола в горах Мыржик Карагандинской области, был 165 кг.

В отличие от других животных архар очень высок в ногах, поджарый, со сравнительно коротким туловищем. Средняя длина передней ноги самцов в возрасте от 7,5 до 11,5 лет — 71 см; максимальная длина (78 см) была зафиксирована у самца, добытого в ноябре 1992 г. в горах Едрей, при длине тела 175 см. Максимальная длина тела самца 9,5 лет (горы Коныр-Темирши) 199 см, длина головы и шеи 78 см.

В 1992 г. добыто три особи в возрасте 7,5 лет, три — 8,5 лет, четыре — 9,5 лет, четыре — 10,5 лет, одна — 11,5 лет. Самое замечательное в облике архара-самца — рога. Спиралевидные, сильно морщинистые, желто-или светло-серые, они в первую очередь и являются желанным трофеем для иностранных охотников.

Рога добытого в марте 1990 г. гражданином США Миланом Сабличем в горах Ханкашты 9-летнего самца имели длину: левый/правый 137,5/136,5 см, обхват у основания рогов соответственно 42/43, развал 93,5 см. В декабре 1992 г. гражданин Испании Хосе Замакола добыл в горах Мыржик 11,5-летнего архара, длина левого и правого рогов 137,5 и 135,0 см, обхват у основания соответственно 42,5 и 42,0 см, развал 83,5 см.

Наибольший обхват у основания имели рога архаров, погибших от браконьеров в горах Мыржик и Ульянов-Каракуз, 44 см, развал рогов у архара, добытого в сентябре 1992 г. в горах Едрей, 94 см, наибольшая длина рогов архара, задранный волками в горах Мыржик, левый и правый соответственно 137,5 и 141,0 см.

Для сравнения рога алтайского аргали, хранящиеся в коллекции Института зоологии Академии наук Казахстана, имели длину 168 см (Федосенко, 1983), а рога 11-летнего архара из восточной части Джунгарского Алатау, погибшего от браконьеров, 148 см, развал 109 см.

СЛЕДЫ

Н. РУКОВСКИЙ

В охотничьем хозяйстве России тетеревиные птицы (глухарь тетерев, рябчик и белая куропатка), как объекты промысловой и любительской охоты, безусловно занимают первое место. Их преимущество перед другими видами пернатой дичи — в широком распространении и оседлости, что позволяет охотиться на них во все сезоны года и во многом упрощает задачи их охраны.

Хотя птицы ведут менее скрытный образ жизни, чем четвероногие, и чаще попадают на глаза, знание следов их жизнедеятельности полезно для каждого охотника. Отпечатки птичьих лап, оброненные перья, помет в местах ночевки и кормежки и многие другие следы пребывания птиц помогают успешной охоте. Кроме того, каждый охотник в душе — натуралист и исследователь и ко всему, связанному с дикой фауной, относится с интересом.

Отпечатки лап глухаря, тетерева и рябчика имеют между собой много общего, так как все три вида ведут сходный образ жизни: летом кормятся на земле, зимой — на деревьях. Следы этих птиц различаются по размерам, некоторым особенностям строения пальцев и по их расположению.

Глухарь оставляет четырехпалые отпечатки. Пальцы у него относительно толстые, на следу заметны отметины от крупных когтей, глубокая вмятина остается от центрального мозолистого бугорка лапы. Крайние пальцы из трех передних равны по длине и составляют между собой тупой угол. Задний палец птицы хорошо развит и достигает почти половины длины среднего пальца. Охватывая ветку, он помогает массивной птице удерживать тело на дереве во время кормежки. Зимой, когда ветки дерева бывают покрыты ледяной коркой, передвигаться по ним помогают особые роговые гребенки, или бахромки, которые вырастают по сторонам пальцев осенью и пропадают при весенней линьке. Эти бахромки хорошо заметны на следах. Они значительно увеличивают опорную площадь лапы, что важно для тяжелой птицы при передвижении по снежной поверхности. Длина отпечатка лапы взрослого глухаря-петуха около 11—12 см, ширина 7,0—11,5 см. Следовая дорожка представляет собой волнистую линию, образованную некрупными, в 10—11 см шагами. Характерно, что глухарь при передвижении ставит лапу так, что и средний и задний пальцы направлены внутрь следовой дорожки.

Самое замечательное в облике архара-самца — мощные, сильноморщинистые рога
Фото Г. Левенштейна

Самцы архаров в природе живут 12—13 лет, и все эти годы рога продолжают расти. По нашим измерениям, в первые 5—6 лет они увеличиваются на 16—29 см ежегодно, а в дальнейшем (7—10 лет) рост их прогрессивно замедляется, в среднем от 10 до 6 см, но постоянно увеличивается их толщина. Окружность рогов у основания взрослых и старых особей нередко составляет 40—44 см. Зимой рога практически не растут, в этот период на них образуются хорошо заметные складки, по которым можно судить о возрасте животного.

Промеры трофеев, добытых иностранцами, а также рогов, найденных нами, позволяют сделать вывод, что длина их зависит от многих факторов. Прирост рогов замедляется в неблагоприятные для животного годы (болезнь, недостаток корма, ранение и т. п.), концы рогов стираются о скалы, ломаются (иногда более 20 см), в результате чего самый старый самец не всегда обладает наибольшими рогами. Имеются и другие наблюдения и материалы, отличающиеся от ранее существующего шаблона. В частности, у самцов, добытых в ноябре—декабре 1992 г. в горах Мыржик, шерсть, взятая у основания шеи, достигала 15—

17 см длины (в книге «Млекопитающие Казахстана», т. III, ч. III, Алмата, 1983, отмечается: «...у архара на груди и шее волосы удлинены до 10 см и образуют подобие манишки»).

Но выводы пока делать рано, так как материал еще малочислен и требует дополнительных подтверждений и наблюдений. Мы считаем, что продолжение охот будет способствовать дальнейшему накоплению научного материала, который позволит значительно дополнить и изменить представление о биологии североказахстанского горного барана.

В то же время, используя средства, заработанные от организации охот для иностранных туристов, уже сейчас проводится большая работа по сохранению казахстанского горного барана: значительно увеличена площадь четырех существующих в нашей области заказников, планируется создание еще трех заказников и одного заповедника, постоянно ведется охрана архаров от браконьеров и хищников.

Целесообразность организации охот на архара для иностранцев очевидна. Необходимо все зарабатываемые средства использовать на охрану, изучение архара и других животных.

ТЕТЕРЕВИНЫХ ПТИЦ

Очень своеобразные следы оставляет глухарь перед началом тока. В марте, когда снег становится плотным, а иногда и покрыт настом, где-нибудь в глухих уголках леса, на окраине мохового болота или на лесной

гриве среди болот глухарь готовится к току. Петухи на заре выхаживают мелкими шажками, волоча по снегу широко расставленные напружиненные крылья. По обе стороны от отпечатков больших глухариных лап остаются

по 2—4 волнообразные борозды, прочерченные кончиками маховых перьев птицы.

Рябчик, как и глухарь, оставляет четырехпалые отпечатки, но крайние его пальцы из трех передних образуют со средним более острый угол. Относительно крупные длинные когти оставляют четкие отпечатки. К зиме пальцы рябчика также обрастают бахромками. Общая длина отпечатка лапы рябчика около 5,5—6,0 см, ширина 4,5—5,0 см. Следовая дорожка рябчика извилистая, шаги небольшие, средний палец направлен вперед по ходу птицы, задний повернут несколько внутрь следовой дорожки.

Тетерев, в отличие от глухаря и рябчика, чаще оставляет трехпалые следы. Отпечаток его заднего пальца летом незаметен и только на снегу он оставляет небольшую вмятину от когтя. Так же как у глухаря и рябчика, пальцы тетерева на зиму обрастают бахромками, которые заметны на следах. Боковые пальцы тетеревиной лапы расставлены широко и образуют между собой почти развернутый угол. Длина отпечатка лапы 5,5—6,0 см (без отпечатка заднего пальца), ширина около 7,0 см. Следовая дорожка сходна с глухариной.

Следы белой куропатки чаще всего можно встретить зимой. Они напоминают отпечатки заячьих лап, так как все пальцы птицы густо обрастают пером. Это позволяет белой куропатке передвигаться по поверхности снега, почти не проваливаясь. Следовая дорожка птицы представляет собой узкую, в 8—10 см, тропинку на поверхности снега, «протоптанную» всего на глубину 1,5—2,0 см. Мягкие опухшие лапы оставляют неясные, размытые отпечатки, но следы длинных когтей птицы бывают очень хорошо заметны.

Летом все тетеревиные ведут наземный образ жизни. Отпечатки их лап можно встретить в местах, где сухая почва лишена травы, где птицы устраивают порхалища, или на дорогах и по берегам ручьев, где они собирают мелкие камешки-гастролиты, способствующие перевариванию в желудке грубых кормов. В июле—августе можно видеть следы выводков боровой птицы, особенно тетеревов, на траве. По утрам их кормовые наброды в виде изумрудных дорожек хорошо заметны на фоне серой от росы травы.

Летом тетеревиные страдают от пухоедов и птичьих кровососок. Чтобы освободиться от паразитов, птицы принимают сухие ванны — купаются

«Чертеж» глухаря

в пыли и песке. Их купалки (порхалища) встречаются на старых мурaveйниках и кротовинах, на отвалах у дороги и любых обнажениях песка, на древесной трухе у гниющих пней, на старых кострищах — словом, всюду, где есть сухой сыпучий материал. Рябчики, например, любят устраивать порхалища высоко на вывороте, если упавшая ель поднимает большой пласт земли. Бывают порхалища на крышах землянок или таежных охотничьих избушек, если они покрыты дерном. Порхалища представляют собой одну-две, а в выводковый период целую группу сильно запыленных ямок, по числу которых можно судить, велик ли выводок. В ямках и на площадках возле них можно видеть потерянные птицами перья. Перья тетеревиных отличаются от перьев других птиц тем, что они имеют побочный ствол. Умение определить вид птицы по перу приходит с опытом. У охотника должно войти в привычку осматривать каждую добытую птицу и обращать внимание не только на цвет, но и на рисунок пера, его строение, длину и форму на разных частях тела.

Явными признаками пребывания в угодьях того или иного вида являются кладки и скорлупа яиц. Все тетеревиные выводят потомство на земле. Их гнездо — это углубление в сухой почве с небольшим количеством пуха и пера с брюшка самки. Чаще всего гнезда расположены у ствола между корнями дерева, иногда под навесом нижних ветвей. Нередко кладка бывает так близко к дереву, что сидящая на яйцах птица задирает хвост вверх по стволу. У тетерок бывают кладки и на открытом месте — прямо посередине полянки. В полной кладке глухаря обычно 6—8 желтовато-белых с бурыми пестринами яиц размером с куриное. Тетеревиная кладка состоит в среднем также из 6—8 бледно-охристых яиц с темно-коричневыми пятнами; их размеры 47—55×34—36 мм. В кладке рябчика бывает до 10, а у старых рябчих до 14 яиц. Они имеют размеры 37—42×23—25 мм и покрыты блестящей буровато-желтой скорлупой с редкими красно-бурыми пятнами и точками. У белой куропатки кладки еще крупнее, иногда до 20 яиц, но в выводке обычно только 8—10 молодых. По размеру яйца куропатки сходны с тетеревиными. Они бледно-желтоватого цвета и испещрены буроватыми крапинками и пятнами.

Зимой, когда тетеревиные птицы ведут в основном древесный образ жизни, следы их пребывания можно наблюдать и на деревьях и на снегу.

Для глухаря в течение всей зимы главным кормом служит хвоя сосны. Установлено, что сахара, жиров и других питательных веществ в хвое сосен, растущих на южных опушках и полянах, много больше, чем на де-

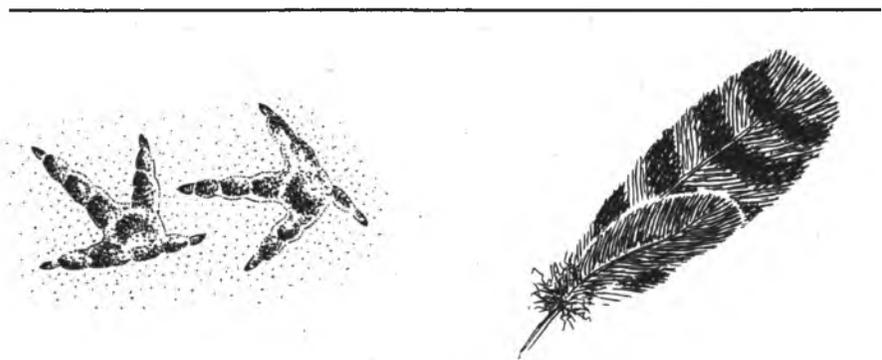
ревьях внутри лесного массива. Именно на таких соснах и жируют глухаря. Глаз опытного охотника еще издали приметит дерево, на которое постоянно взлетает глухарь: хвоя на его вершине выщипана и заметно режет, особенно на местах, удобных для присады. На снегу под таким деревом насорено обломанными побегими, клочками хвои и лишайников, шелушками коры. Хорошо заметны ямки от упавшей кухты и помет глухарей. В районах, где нет сосны или ее мало, птицы поедают хвою ели и можжевельника. Можжевельниковые ягоды они поедают всюду, где эта порода произрастает и плодоносит. По следам бывает хорошо видно, как глухарь обходит один куст можжевельника за другим и общипывает ягоды, до которых может дотянуться.

Рябчики зимой живут за счет побегов, почек и сережек различных древесно-кустарниковых пород. Они кормятся на березе, ольхе, рябине, ивах, оставляя под этими деревьями посорку. Чаще, чем глухаря, рябчики спускаются на снег. Глубокие снега позволяют им склевывать почки молодых березок, низкорослых ивняков, малинника, не взлетая на деревья. Наброды рябчиков можно встретить в черничнике, веточками и

вершущеными почками которого рябчики питаются до тех пор, пока их не скроют снега. В конце зимы, когда еловые шишки раскрываются и выбрасывают семена, следы рябчиков, разыскивающих эти семена, встречаются в плодоносящих ельниках.

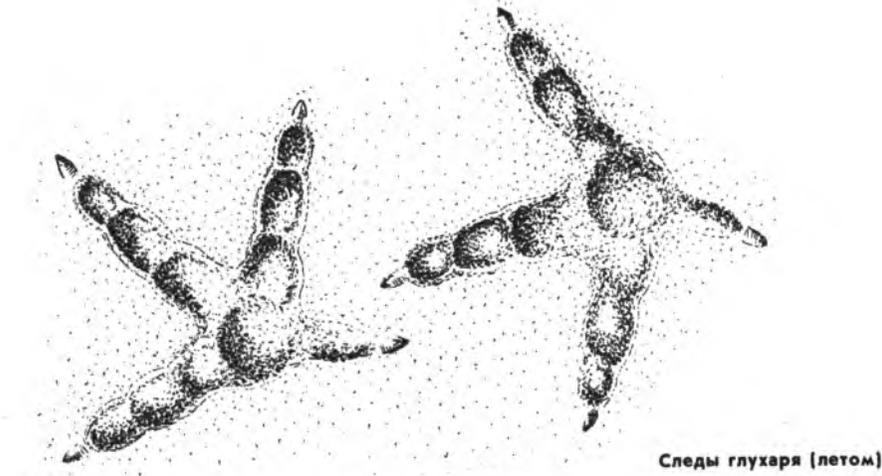
Следы кормежки тетеревов, пока снега не загрузели, можно встретить на окраине поля, где птицы с торчащих из-под снега метелок склевывают зерна овса, а на обочинах и межах — семена различных сорняков. Если урожай брусники был обильным, по первоснежку тетерева продолжают вылетать на ягодники, а позже, когда снег скроет все наземные корма, стаи этих птиц кормятся только почками и сережками березы и ольхи, оставляя под деревьями заметную посорку.

Белые куропатки, в отличие от других тетеревиных, всю зиму проводят на земле. Их обрастающие на зиму густым пером лапы приспособлены для хождения по поверхности снега, а не по ветвям деревьев. Объедая почки и верхинки побегов различных лиственных пород, торчащих из-под снега, куропатки покрывают сеть следов лесные опушки, склевывая то, до чего могут дотянуться с поверхности снега. Они покидают кормовой участок, когда доступные

Следы рябчика (летом)

Перья птиц отряда куриных имеют хорошо развитый побочный ствол

Следы глухаря (летом)

корма истощаются, но после больших снегопадов и буранов снова возвращаются сюда, так как новый слой снега позволяет им дотянуться до тех побегов, которые ранее были для них недоступны. Кормовые наброды куропаток тянутся на десятки и сотни метров, и этих птиц можно тропить, как зайцев. Свежие следы приведут к их кормежке, но не к ночевке: перед ночевкой стайки куропаток всегда делают небольшой перелет на новое место.

В начале зимы тетеревиные ночуют на земле, делают в снегу неглубокие лунки-лотки, а когда снегу накопится больше, закапываются в него полностью. При глубине снега в 20 сантиметров и более у рябчика появляются подснежные ходы, заканчивающиеся спальней камерой. Для ночевки птицы выбирают маленькую полянку, лесную просеку, окраину дороги, берег речки или другое место, где снег лежит ровным слоем и не имеет перемерзших комков упавшей в оттепель кучты. Рябчик редко зарывается в снег, бросаясь в него с ветки дерева. Обычно птица садится на снег, проходит по поверхности несколько метров, как бы выбирая место, и только потом закапывается. Под поверхностью снега ряб-

чик проделывает длинный (иногда до 10 метров) коридор, причем, проходя по нему, в нескольких местах пробивает потолок и высовывает наружу головку, как бы проверяя толщину крыши над собой. Коридор кончается камерой размером примерно в 15—20 см. Утром, покидая ночевку, птица никогда не использует проделанный ею ход, а взлетает, пробивая потолок камеры. Таким образом, подходя к месту ночевки рябчика, еще издали можно определить, покинула она или нет. Рябчики зимуют парами или небольшими стайками, и лунки их располагаются в 5—10 м одна от другой. В покинутой лунке через пробитый потолок на дне виден помет птицы.

Подобным же способом устраиваются на ночевку и тетерева. Зимой они держатся крупными стаями и в отличие от рябчиков ночуют в более открытых местах: на лесных опушках, на краю поля или мохового болота, среди вырубки или лесной поляны. Так как на открытых местах снег бывает уплотнен ветром, тетерева редко ныряют в него с лёта или с дерева, но при рыхлом снеге иногда так поступают. Чаще же, опустившись на снег, прежде чем зарыться, птицы пробегают некоторое расстояние, причем следы отдельных

особей не пересекаются и дорожки их тянутся параллельно друг другу. Длина подснежного коридора в тетеревиной лунке редко превышает один метр. Покидая убежище, тетерев тоже пробивает потолок камеры. По следам и по лункам можно подсчитать, сколько птиц в каждой стае.

Глухари дольше других птиц ночуют на поверхности снега в полулунках. Зарыться такая крупная птица может лишь при глубине снега в 35—40 см. Подснежных коридоров глухарь не прокапывает, а при вылете разрушает все свое убежище вплоть до входного отверстия. Покидая ночевку, птицы сразу же поднимаются на крыло и на поверхности остаются комки снега от разрушенной лунки, кучка помета и следы от взмаха крыльев.

Особенно характерные следы на ночевках оставляют белые куропатки. Садясь на снег с лёта, птицы скользят по нему, оставляя длинную борозду — след от хвоста и нижней части тела. Куропатки также зарываются в снег, но, если мороз не сильный, независимо от глубины снега ночуют в полулунках, располагаясь близко друг от друга.

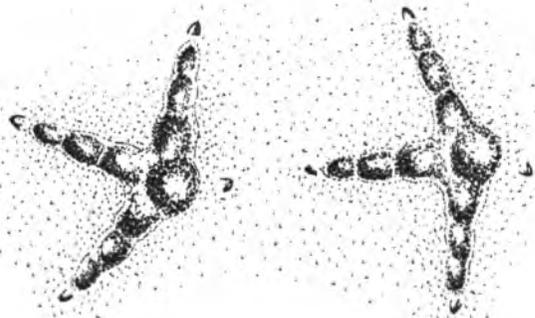
Лунки тетеревиных — одноразовое убежище и повторно могут быть использованы только случайно, после того как снегопады и бураны заравняют старые следы.

Одним из признаков пребывания тетеревиных служит их помет. По форме, окраске и содержанию экскременты отдельных видов боровой птицы в большинстве случаев легко различимы. Зимний помет глухаря представляет собой довольно рыхлое продолговатое образование 10—11 см длиной и 1,0—1,5 см толщиной, состоящее из плохо переваренной сосновой хвои. Помет тетерева и рябчика это твердые, несколько изогнутые колбаски, размером у первого 5—6 см в длину, а у второго не более 3 см. Они светло-желтые, если птицы кормились почками и сережками березы, и рыжеватые, если кормились на ольхе. Колбаски помета белой куропатки по размерам и форме напоминают тетеревиные, но по содержанию сходны с пометом зайца-беляка, так как эта птица зимой питается почти исключительно побегами и тонкими веточками различных древесно-кустарниковых пород.

Летом у всех тетеревиных по содержанию помет сходен и различается лишь по размерам. Цвет его в течение лета изменяется в соответствии с потребляемыми кормами. Ранней весной во время токов, если нет перезимовавшей ягоды, тетеревиные питаются пушицей и колбаски их помета светлые серо-зеленые; позже птицы кормятся зелеными частями растений, кал их темно-зеленый, почти черный. Затем с поспеванием ягод черники, а потом брусники экскременты приобретают черно-синий, а затем красновато-бурый цвет.

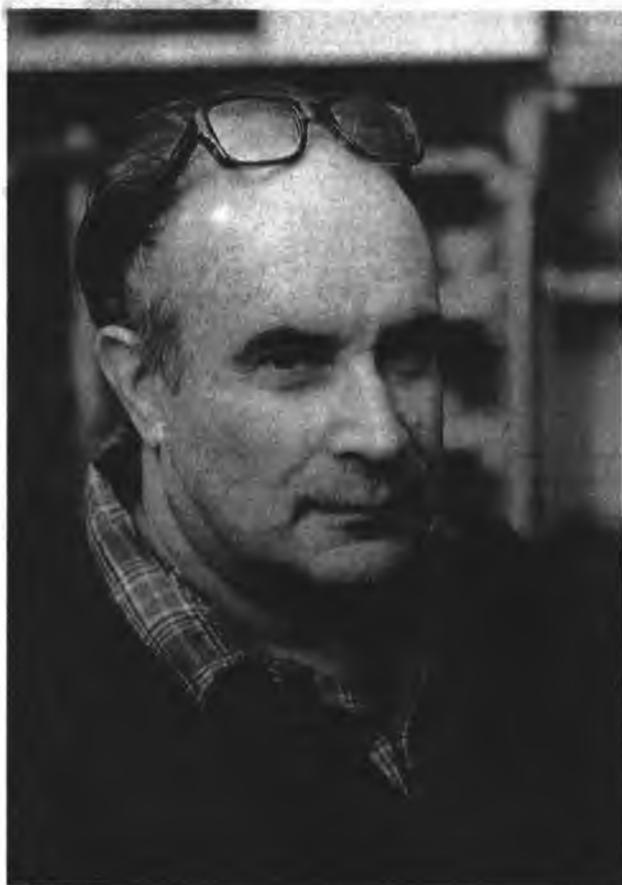

Следы белой куропатки (зимой)

Следы тетерева (летом)

Фото и рисунки автора

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА!

СКУЛЬПТУРА АНДРЕЯ МАРЦА

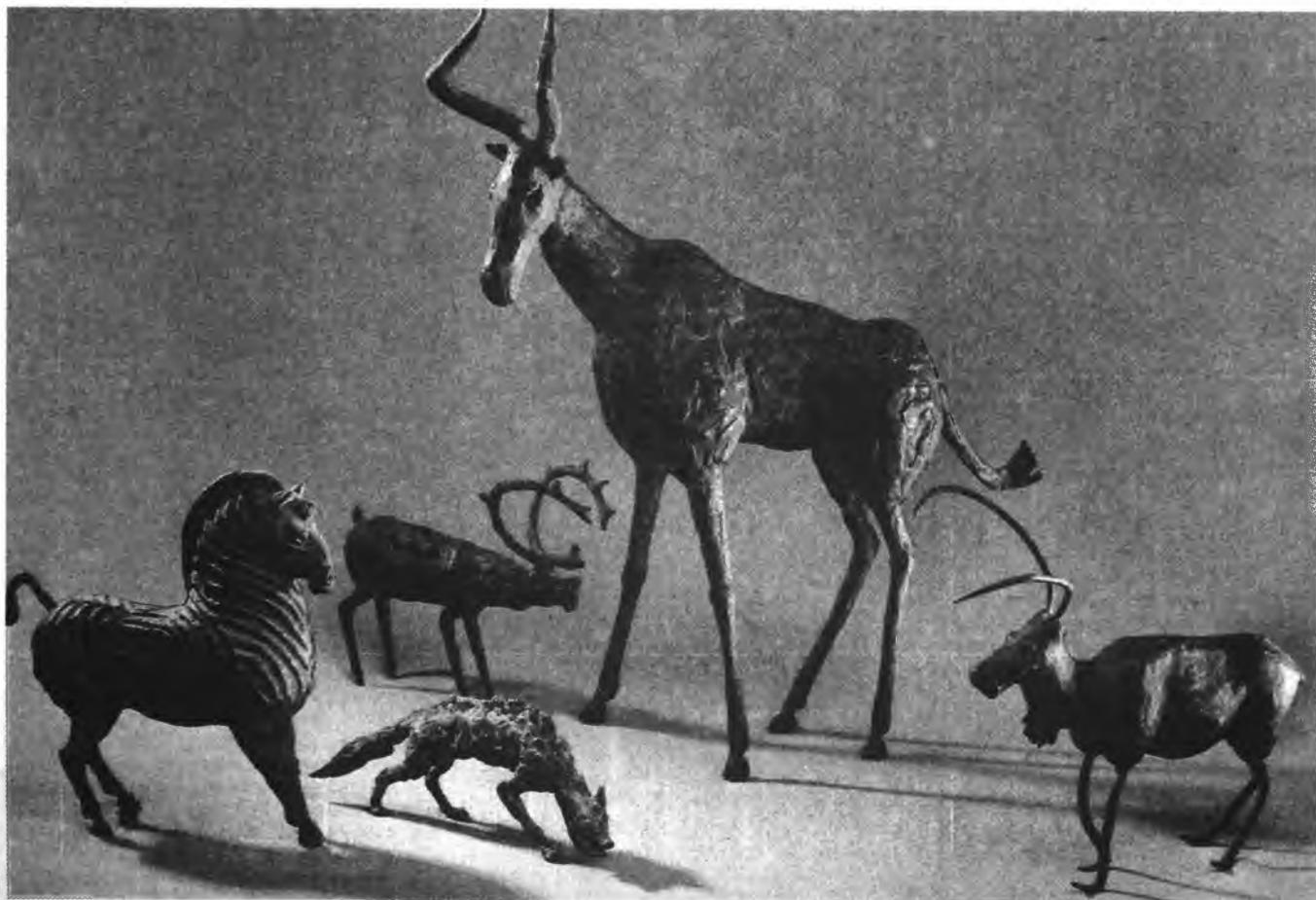
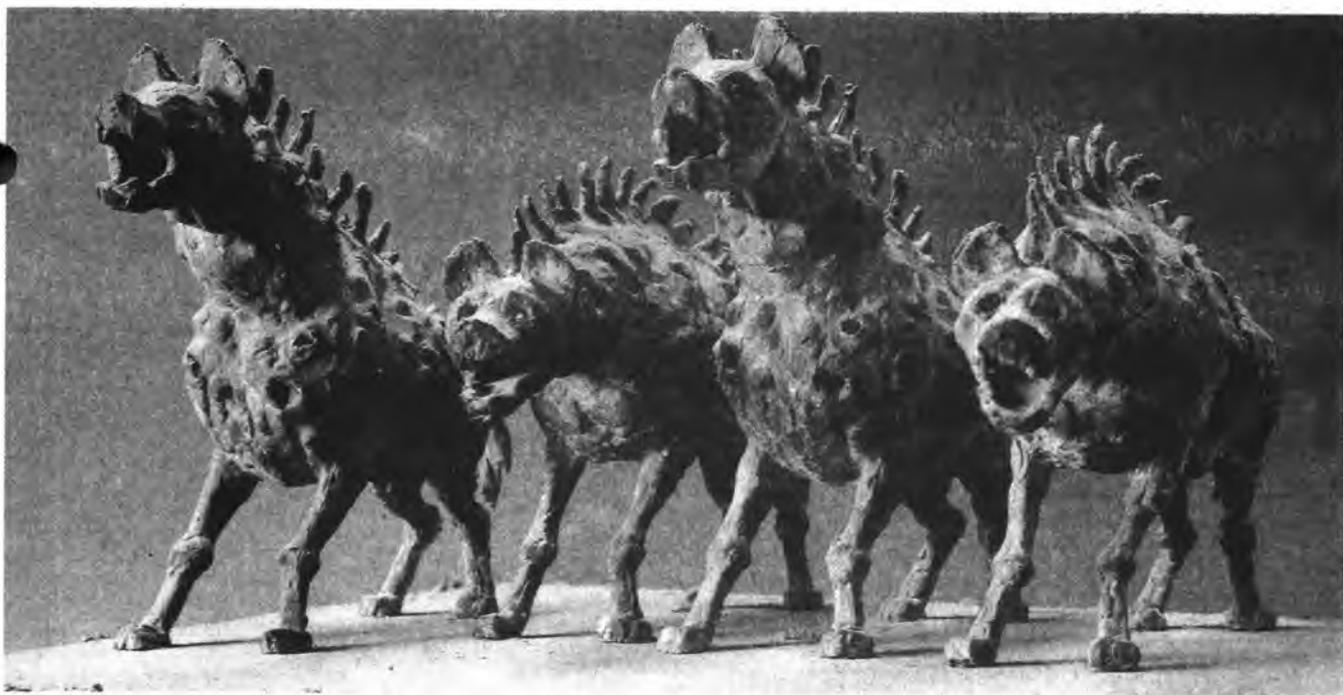
Андрею МАРЦУ исполнилось семьдесят лет. Не очень верится в это, настолько живо и энергично его искусство. Самый большой фантазер среди наших анималистов, скульптор, бесконечно удивленный разнообразием природных форм, Андрей Марц продолжает радовать зрителя новыми поисками на темы живой природы.

МАРЦ Андрей Валерианович
Род. 26.6.1924 в Москве

Потомок немецких колонистов, живших на берегу Черного моря под Сочи, бесследно исчезнувших в 1941 году.

С семи лет начал систематически рисовать и лепить. Первоначальное художественное образование получил в Московской средней художественной школе. С 1946 по 1952 год учился на скульптурном факультете Московского художественного института имени В. И. Сурикова у таких выдающихся мастеров, как А. Т. Матвеев, П. Я. Павлинов, Р. Р. Иодко. С 1956 года неперенный участник всех значительных выставок.

Произведения многократно экспонировались на выставках в Польше, Болгарии, Венгрии, Германии, Франции, Турции, Италии, Норвегии, Югославии, США, Японии, Австрии, Швеции. В 1958 году принят в члены Союза художников. В 1983 году присвоено звание Заслуженного художника России. Лауреат конкурсов на лучшую скульптуру малых форм, награждался медалями и дипломами Академии художеств, Союза художников, Министерства культуры. Монографические коллекции работ приобретены Государственной Третьяковской галереей и Государственным Дарвиновским музеем в Москве, Государственным Русским музеем в Санкт-Петербурге. Произведения находятся в многочисленных общественных и частных собраниях в России, а также за границей.

ВЫСТАВКА СОБАК МООНР

В. БЕДЕЛЬ, главный эксперт выставки

Выставка охотничьих собак, организованная Московским обществом охотников, проводилась в 1994 году 25—26 июня. Как обычно, она привлекла и большое количество участников, и значительное число зрителей.

Что же показала выставка? Сохраняет ли московское охотничье собаководство более чем столетние традиции при проведении выставок? Идет ли оно по пути совершенствования продуктивности охотничьих собак или склоняется в сторону любительского собаководства?

Чтобы ответить на эти вопросы, надо сначала ответить на вроде бы совсем простой вопрос: для чего вообще проводятся выставки собак?

Ответ на него кажется очевидным, однако очень часто приходится слышать мнения весьма далекие друг от друга. И если туманное предствление о целях выставок вполне простительно рядовому начинающему собаководу, то оно никак не простительно экспертам-кинологам, руководителям клубов и секций, членам президиумов кинологических объединений.

Каковы же цели выставок? Зачем люди ведут собак на выставки? Представляется, что они преследуют при этом несколько целей. Прежде всего, это желание показать другим плод своего труда, итог работы над собакой. Однако собаковод хочет не только показать собаку, он хочет получить авторитетную консультацию опытного эксперта-кинолога о ее плюсах и минусах, о правильности ее выращивания, о ее соответствии стандарту породы наконец. Далее. Взрослую собаку ведут на выставку, чтобы присмотреть ей партнера для вязки, обратиться на нее внимание лиц, координирующих племенную работу с породой. Наконец, последнее, но не менее, если не более важное, чем все ранее перечисленное,— это желание собаковода получить награду за свой труд, вложенный в выращивание и воспитание собаки, награду, выражающуюся в выставочных медалях и призах.

Все сказанное относится к выставкам собак вообще. Однако при проведении выставок охотничьих собак имеется целый ряд различий сравнительно с выставками любительского собаководства.

Прежде всего это то, что выставки

охотничьих собак в первую очередь являются племенным мероприятием и основная их цель — отбор лучших собак для воспроизводства поголовья. Следовательно, охотничья выставка — не только место демонстрации красоты и породного блеска собак. Отбор собак для племенного использования на охотничьих выставках осуществляется с учетом показателей продуктивности собак. Сюда входят рабочие и экстерьерные данные самих собак и их ближайших предков и потомков. По комплексу этих показателей каждая собака получает на выставке ту или иную награду. Чем выше комплексные показатели собаки, тем выше выставочная награда. Видимо, целесообразно и впредь придерживаться порядка присуждения выставочных наград охотничьим собакам только в том случае, если они проверены в поле, причем на любых выставках, независимо от того, является ли их организатором общество охотников или неохотничий клуб. Это, несомненно, пойдет только на пользу породам.

Некоторые кинологи, плохо разбирающиеся в принципах племенной работы с охотничьими собаками, утверждают, что основной целью владельца собаки, выставляющего ее на выставку, является желание получить ей оценку экстерьера. Как видно из сказанного выше, это лишь одна из целей, отнюдь не самая главная. Можно было бы не обращать внимания на утверждения этих малоопытных людей, если бы они на основании этой ложной посылки не делали вывода, чреватого самыми тяжелыми последствиями. А вывод этот таков: «Если главная цель — получение собакой оценки экстерьера, то не все ли равно, где эта оценка будет получена: на охотничьих выставках или на шоу-мероприятиях?» Но ведь на шоу-выставках собака и награду получает только за экстерьер, без учета качеств продуктивности. Эти кинологи отвергают сложившийся десятилетиями основной принцип выставочного награждения охотничьих собак — по итогам комплексной оценки. Им полезно вспомнить, что говорили по этому поводу авторитетнейшие наши кинологи и ученые-биологи.

Я. С. Русанов: «Много лет отбор по экстерьеру был альфой и омегой охотничьего собаководства. Правда,

после печального опыта предвоенного периода, когда в отношении русских гончих ажиотаж выставочной экспертизы достиг апогея и повел к расщеплению породы на неработающих, но украшенных медалями «чемпионов», и на разнотипную массу рабочих гонцов, кинологи спохватились. Была введена комплексная оценка, при которой учитывалась не только внешность, но и рабочие качества, и ценность потомства».

В. И. Казанский: «До 1951 года комплексной оценки собак на выставках не было. Награды — золотые, серебряные и бронзовые медали, а также ценные призы — присуждались собакам только за их внешний вид — породность и телосложение. Однако собаководы пришли к мысли, что такой порядок неудовлетворителен. Как бы хороша ни была собака по экстерьеру, это еще далеко не все... Именно на ринге выставочного показа видна действительная племенная ценность собаки».

А. В. Платонов: «В России стремление к одностороннему отбору с разделением пород на полевую и выставочные группы... не получило заметного развития... Выставочный же отбор по комплексу признаков в племенной работе необходим».

А. Т. Войлочников: «Комплексная оценка сыграла положительную роль в развитии отечественного собаководства. Преимущественно благодаря ей полевые испытания, на которых выявляются охотничьи свойства, стали проводиться не от случая к случаю, а систематически, регулярно».

В. Д. Бочаров: «Прогрессивная система комплексной оценки животных возникла не сразу и не случайно. Она появилась тогда, когда люди, занимающиеся разведением охотничьих собак, пришли к убеждению, что односторонний отбор производителей не дает наилучших, устойчивых результатов».

В. Г. Гусев: «...до введения комплексной оценки «первые места на выставках часто занимали красивые и породистые, но посредственные по своим полевым качествам собаки. Это отрицательно сказывалось на селекционной работе с породами».

Э. И. Шерешевский: «Комплексная оценка охотничьих собак на выставках, как показала практика, служит важным фактором улучшения и обеспечивает правильное направление всей работы по разведению охотничьих собак. Дело в том, что все основное поголовье охотничьих собак составляет собственность отдельных охотников, имеющих зачастую различные любительские интересы и предъявляющих к собакам различные требования. Комплексная же оценка предъявляет к собакам единые требования, и для получения выставочных наград каждая собака должна отвечать этим требованиям. От того, какие собаки будут занимать на выставках первые места и получать высшие награды, и зависит, в каком направлении будет развиваться наше племенное охотничье собаководство».

Почти все названные кинологи подчеркивают важность и влияние выставочных наград и отмечают, что этими наградами должны поощряться только собаки, прошедшие комплексную оценку. Поэтому призывы безответственных людей к отмене выставочной бонитировки и переносе ее «в секции и клубы» означают непонимание этими людьми самой сути выставочной награды и ее значения как для охотника-собаковода, так и для охотничьего собаководства в целом.

Что же продемонстрировала выставка? Всего на ней было показано 1607 охотничьих собак 30 пород, практически всех, разводимых в целях охоты сейчас в стране. Количественно данная выставка несколько уступала некоторым предыдущим, однако качественно превосходила их.

Итак, как же конкретно можно охарактеризовать показанных на выставке собак? Качество охотничьих собак большинства пород в Московском обществе охотников примерно одинаково, и по комплексным показателям они близки друг к другу.

Борзые. В этой группе преобладают русские псовые борзые. Их на выставке было в несколько раз больше, чем всех остальных борзых вместе взятых. Сказываются традиции московских охотников и длительная племенная работа с породой в Москве. Экстерьерный уровень и комплексные показатели псовых борзых оказались очень неплохими: из показанных 135

На рингах выставки

псовых на высшие оценки прошли 112 собак, а к разным племенным классам было отнесено 54 собаки. Порода имеет все данные, чтобы успешно развиваться далее.

Численность хортых борзых заметно снизилась, а о других борзых сказать можно только одно: они среди московских охотников популярностью пока не пользуются.

Лайки. Количество собак этих пород было на выставке города более скромным, чем на предыдущих (в меньшей степени это касается карело-финских лаек). Если учесть, что в МООиР зарегистрировано более двух тысяч лаек, то малое количество их, показанное на выставке, можно объяснить только одним — нежеланием руководителей московской секции любителей лаек организовать их показ. Проведение в последнее время так называемых «зимних выставок лаек» тоже в какой-то степени сокращает их показ летом. На последнем обстоятельстве следует остановиться подробнее.

На выставку в полной экипировке

В течение длительного периода, несколько десятилетий, московские выставки охотничьих собак проводятся летом. Показ лаек на них всегда был высоким — от 25 до 35 процентов от всех выставленных собак. На последней же выставке лаек было всего лишь около 14%. Основным доводом сторонников зимних смотров лаек является «желание осмотреть собак не в разливке». Но если вспомнить историю, то прежнее руководство секции, а в его состав входили такие авторитеты, как В. В. Григорьев, Л. В. Ушакова, Р. А. Бегичев, А. А. Трещалов и др., для подобного рода «смотров» организовывало осенне-зимние вывозки и не допускало снижения показа лаек на летней выставке. Эти люди прекрасно понимали, что ежегодная Московская выставка — это место подведения итогов годовой работы со всеми породами, а такие итоги интересуют очень и очень многих. На московские выставки приезжали и приезжают кинологи и охотники-промысловики из многих регионов страны, и именно им надо демонстрировать как можно больше племенных собак в целях популяризации всех пород, разводимых в Москве, в том числе и лаек. Отсутствие же большого числа лаек на летней выставке заставляет многих думать об их упадке в Москве, что вряд ли идет на пользу породам.

Западносибирских лаек было на выставке 134, т. е. больше чем вдвое меньше, чем три года назад, русско-европейских — 49, меньше ровно в два раза. Лишь любители карело-финских лаек организовали показ своих собак почти на уровне прошлых лет. Породный уровень и комплексные показатели выведенных собак были весьма неплохими.

Гончие. Показ собак этих пород за истекшие три года сократился вдвое. На выставке было показано 37 русских гончих, 25 русских пегих и 18 эстонских. Причиной снижения количества является и кризис охоты с гончими в Подмоскovie, и трудности с доставкой собак в Москву (большинство владельцев гончих живет в районах области), и, не в последнюю очередь, ослабление работы секций. Ведь гончих, как и лаек, зарегистрировано в Подмоскovie около двух тысяч, и при надлежащей организационной работе значительную их часть все же можно было бы привлечь к выставочному показу. Но... делать это, видимо, некому. В результате сейчас трудно составить впечатление об общем уровне гончих в МООиР, т. к. показанные 4,5% зарегистрированных собак, конечно, не дают общей картины.

Неплохо были представлены на выставке норные собаки. Всего их было показано 466, в том числе жесткошерстных фокстерьеров 52, гладкошерстных фокстерьеров 14, гладкошерстных такс 168, длинношерстных

такс 60, жесткошерстных такс 40, ягдтерьеров 119 и вельштерьеров 13. В последний период количество фокс-терьеров на московских выставках заметно снижается, гладкошерстные таксы и ягдтерьеры держатся на одном уровне, отчетливо заметен рост числа жесткошерстных и длинношерстных такс, а также резкое снижение числа экспонируемых вельштерьеров.

Самую большую группу среди легавых составляли ирландские сеттеры — их было показано 146; из них на высшие оценки прошло 116 собак — очень неплохой результат. Близки по количеству английские сеттеры и немецкие жесткошерстные легавые (95 и 79 собак соответственно) при общем породном уровне несколько более высоким у английских сеттеров, но лучшими показателями классности у жесткошерстных легавых. Прекрасны по экстерьеру были пойнтеры (63 собаки), чуть уступают им шотландские сеттеры и немецкие короткошерстные легавые (56 и 59 выставленных собак соответственно). Комплексные показатели трех последних пород достаточно высоки и близки друг к другу.

Спаниелей было показано 167, в том числе русских охотничьих 106, английских коккеров 61. Показ спаниелей в последнее время на московских выставках понизился, но породный уровень их и комплексные показатели остаются неплохими.

Каковы же общие итоги выставки? К различным племенным классам на ней было отнесено 978 собак, в том числе к классу элита 167 собак, к первому классу 564 собаки, ко второму 237 и к третьему (резервному) 10 собак. Общее число классных собак от числа всех показанных на выставке составляет 60,8 %, что выше соответствующего показателя прошлогодней выставки (59,7 %).

Оценку «отлично» получили на выставке 580 собак, «очень хорошо» 846 собак, что вместе составляет 88,7 % от общего количества (против 85,3 % в 1993 году).

Завершилась выставка награждением собак-чемпионов, а также районных обществ, показавших наилучшие результаты на выставке. Первое место здесь заняло Одинцовское районное общество охотников, второе — Пушкинское.

Заканчивая рассказ о выставке, необходимо с благодарностью отметить большую и трудоемкую работу по ее организации, четко проведенную всеми без исключения работниками правления МООиР во главе с председателем выставкома В. П. Тумановым и комендантом выставки В. К. Бизинным.

Выставка закончилась, показав, что Московское общество охотников идет по зоотехнически выверенному пути в разведении охотничьих собак, пути повышения их продуктивности.

Фото Р. Дормидонтова

НАТАСКА ЛЕГАВОЙ ПО ЗВЕРЮ

Н. ВЛАСОВ

Если процесс охотничьего становления легавой собаки любой породы представляет собой сложную школу, начальная ступенью которой являются воспитание и дрессировка, а высшей — натаска по пернатой дичи, то разносторонние легавые должны быть обучены еще и работе по зверю, поиску подранков по кровяному следу и работе по дичи на воде.

Натаскивают по зверю континентальных легавых. Из островных пород лишь шотландского сеттера можно натаскать для охоты на зайца и дикого кролика. Рекомендации некоторых «специалистов», утверждающих, что натаску разносторонних легавых надо начинать с работы по зверю, безграмотны. Полевое обучение этих собак, как и всех прочих пород легавых, необходимо начинать только по птице и после успешного ее завершения можно переходить к работе по кровяному следу и по зверю.

По следу подранка

След подранка пернатой дичи начинается от места падения раненой птицы и уводит к месту ее укрытия. Начинается след обычно каплями крови, разбрызганной при ударе тушки о землю. Скрываясь, подранок оставляет пахучий след на траве и земле вплоть до места укрытия. То же наблюдается и с мелким раненым зверем. Лишь крупные копытные оставляют на кровяном следу в местах вынужденных для отдыха лежек при уходе от преследователей большие пятна и даже лужицы крови.

Натаску следует начинать с повторения команды «Искать» и апортирования убитой дичи, а прокладывать кровяной след волоком должен только помощник. Надрезав нижнюю половину живота свежее убитой птицы или зайца, он осторожно, без обрывов вытягивает внутренности и тонким шпагатом привязывает их к ногам птицы или задним конечностям зайца. Через освободившуюся полость живота острым ножом в нескольких направлениях прорезаются легкие, и помощник

веревочной петлей, привязанной к концу 3—4-метрового шеста, захватывает за голову препарированную тушку и волочит ее по земле так, чтобы след волоса не пересекался с его собственным следом. Ход следа, а также любой поворот его отмечается помощником заранее согласованным способом: заломом веток, меловыми отметками на стволах деревьев, подвешиванием клочков бумаги или лоскутков ткани. Место препарирования тушки должно стать началом прокладки кровяного следа, отмеченным воткнутым в землю тонким пружинком. Любой кровяной след прокладывается всегда только по ветру.

Прокладку следа ведут в негустом старом лесу с редким подлеском и невысоким травостоем при отсутствии какой-либо дичи и каждый раз по новому месту. Протаскивая по земле тушку на 80—100 м, помощник освобождает петлю, отвязывает и забирает внутренности. Освобожденную тушку, не сходя с места, забрасывает на 1,5—2 м от конца следа в кустарник или в густую траву, а сам стороной возвращается к началу волоса. Но прежде чем помощник начнет свою работу, натасчик должен дать собаке обнюхать тушку, заставить взять ее в пасть и как положено отдать ему в руки. Затем собака привязывается к приколу так, чтобы не видеть прокладки следа. Через 10—15 мин после возвращения помощника натасчик ведет собаку к началу волоса и в 2—3 м от него укладывает ее для замены прогулочного поводка на следовой, пропускаемый между передних ног, чтобы в поиске при натяжении он не душил ее и не сбивал дыхания.

Затем собаку подводят к началу следа и, указывая на капли крови, командой «Искать» и жестом руки в направлении волоса посылают в поиск. Задача натасчика — сконцентрировать внимание собаки на запахе, оставленном на следу тушкой птицы или зайца. Любое принюхивание к следу одобрять и продолжайте наводить на него собаку. Как только она, принюхиваясь, пошла по следу с заметным

равной высоте контейнера, и длиной, равной 80 мм.

Чтобы она легче вставлялась, предварительно прокладку следует накрутить на навойник соответствующего калибра. Такая кольцевая прокладка защищает контейнер от разрушения при движении по каналу ствола при выстреле.

Кольцевую прокладку можно приклеить к контейнеру, но для этого в гильзу вставляют вначале кольцевую прокладку, а затем изнутри намазывают ее клеем. Вставленный после

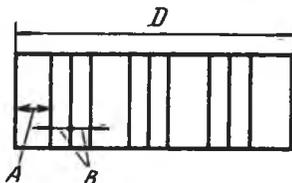

Рис. 1. Чертеж контейнера с поперечными линиями

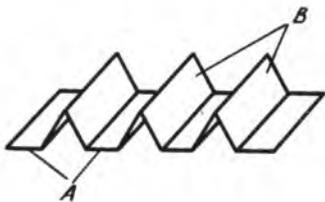

Рис. 2. Согнутая бумажная заготовка

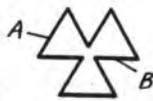

Рис. 3. Склеенный из заготовки контейнер

Калибр	Номер дроби или диаметр картечи	Величина А [мм]	Величина В [мм]	Величина Д [мм]	Количество столбиков
12	7,5—8	10	8	88	3
	5,9—6,8	9	8	109	4
	№ 3/0—№ 4/0	7	6	140	8 [один по центру]
	№ 1	5	7	176	10 [один по центру]
16	5,7—6,2	7	7	91	4
	№ 3/0—№ 0	6	6	114	7 [один по центру]
	№ 1	5	6	141	9 [один по центру]

Таблица 2

Вес дроби или картечи, г	28	29	30	31	32	33	34	35
Вес пороха «Сокол», г	1,74	1,82	1,9	1,98	2,06	2,14	2,22	2,3

этого контейнер расправляют пинцетом.

Дробь или картечь (в нашем примере речь пойдет о картечи диаметром порядка 8 мм) укладывается в контейнер послойно. Уложив нижний ряд картечи, его засыпают с утряской опилками, просеянными через сито для муки. Опилки необходимо засыпать не только внутрь контейнера, но и в промежутки между наружными стенками контейнера. Опилки должны перекрывать картечный столбик на 2—3 мм. После этого ставится картонная прокладка и гильза завальцовывается. Вместо опилок можно применять крахмал.

Размеры для изготовления контейнера (рис. 1) приведены в табл. 1.

Вес опилок должен входить в общий вес снаряда картечи (дробь), то есть картечи или дроби следует

класть меньше на тот вес, который имеют опилки.

Вес пороха «Сокол» и дроби подбирается по табл. 2 для ружей 12-го и 16-го калибров.

Данные таблицы 2 рассчитаны на применение войлочных пыжей, а для древесноволокнистых пыжей навеску пороха следует увеличить на 0,1 г, для полиэтиленовых, наоборот, навеску следует уменьшить на 0,2 г. При морозе минус 15 °С приходится навеску пороха увеличивать на 0,1 г.

Снаряженные таким способом патроны с дробью № 3/0 при стрельбе на дальность 35 м из 48 дробинок 38 укладываются в круг диаметром 45—50 мм, а остальные 10 дробинок не выходят за пределы круга 75 см, то есть кучность равна 100 %. Стрельба велась из штучного ружья 12-го калибра ТОЗ-25.

но большое число фирм. К ним относятся и «Фабрика оружия Петро Беретта» (Брешиа). Это один из крупнейших и старейших производителей охотничьего оружия в Италии. Официально эта фирма основана в 1680 г. Однако в 1526 г. приобрел известность Бартоломео Беретта, мастер по изготовлению стволов, с которого и началась родословная оружейных мастеров, создавших в конечном итоге фирму «Беретта». В основном эта фирма выпускает ружья довольно высокого класса и отличается тщательностью сборки и подгонки деталей охотничьего оружия.

К наиболее интересным моделям оружия этой фирмы можно отнести двуствольное бескурковое ружье с вертикальным расположением стволов Грейд 100 стоимостью 1695 долларов. Ружье выпускается только 12-го калибра с двумя спусковыми крючками, автоматическим выбрасывателем стре-

ляных гильз, вес 3,4 кг, ложка с pistolетной рукояткой. Ружье выпускается со стволами длиной 660 мм, 711 и 762 мм. Наиболее дорогими из серии ружей с вертикальным расположением стволов являются ружья серии «SO». Это модели SO-2, SO-3, SO-4, SO-5, которые имеют полные замки, гравировку, один или два спусковых крючка, без антабок, приклады без затильников, то есть сделано все так, как это принято делать у ружей высокого разбора. Их стоимость находится в пределах от 3995 до 9600 долларов. Из этой же серии ружья с горизонтальным расположением стволов имеют обозначение SO-6 и SO-7, выпуск которых начался в 1948 г. и продолжается до сих пор. Ружье SO-6 стоит 8500 долларов, а SO-7 — 9500.

Помповое ружье SL-2 имеет магазин на три патрона, три сменных ствола 12-го калибра: один — с полным чоком длиной 762 мм, другой — с

получоком длиной 711 мм и третий — цилиндр с длиной ствола 660 мм. Вес ружья от 3,2 до 3,4 кг, цена 265 долларов.

Самозарядные ружья моделей А-302, А-302 Супер Луссо и А-303. Все эти ружья имеют газоотводный механизм, который перезаряжает ружье после выстрела, подготавливая его для последующей стрельбы. У модели А-303 несколько уменьшено окно в ствольной коробке, через которое происходит выбрасывание стреляной гильзы. Это и лучше и хуже. Лучше потому, что меньше шансов попасть грязи в механизм ружья, а хуже потому, что стреляная гильза при неблагоприятных условиях может застрять в ствольной коробке. Ружья эти изготавливаются 12-го и 20-го калибров с различными сменными стволами. Вес ружей от 2,95 до 3,3 кг. Стоимость модели А-302 Супер Луссо 1875 долларов, а модели А-303—525.

ПОСЛЕДНИЙ И ПЕРВЫЙ

П. СТРЕЛКОВ

Присутствия на охоте женщин лучше избегать. Я убедился в этом с молодости. Наши подружки быстро начинали скучать, либо парни забывали о дичи и крутились вокруг дам. Нет, куда спокойнее, если женщина дожидается охотника дома.

Изменить этому мудрому правилу меня заставили несчастные обстоятельства. К пятидесяти годам у меня начал портиться слух, и охота на глухариных токах стала невозможна. Главное в этой охоте — услышать глухаря раньше, чем он тебя. С этим мои уши перестали справляться. Я либо спугивал глухарей, либо вовсе не находил птиц.

Я пытался бороться с недугом. Таскал на ток длинную, в форме конуса, трубу и через нее, глухарям насмех, тщился их услышать. Специально для охоты я достал по знакомству импортный слуховой аппарат, резко усиливающий звуки. Дорогая электроника оглушала треском фона, но услышать глухаря не помогала. Вывод получался неутешительный: только здоровые чуткие уши способны настроиться на звук глухариной песни и вести охотника к цели. Такие уши рядом имелись. Моя жена обладала необычайно острым слухом, даже чрезмерным для семейной жизни. Для жены не оставались тайной самые секретные телефонные переговоры, которые я вел вполголоса из соседней комнаты. Ее редкостные способности я и решил обратиться себе на пользу.

Я женат вторым браком. У нас с женой большая разница в возрасте, в те годы она была цветущей и легкой на подъем женщиной. Предложение съездить на глухариный ток она, однако, встретила подозрительно. На горьком опыте Валентина знала, что ценимые мною уголья не всегда удобны для горожанки. Сама она была убежденной горожанкой и к моим лесным увлечениям относилась, мягко говоря, без сочувствия. Пришлось лукавить. Я убеждал ее, что дорога на глухариный ток лишь немногим хуже, чем аллеи любимых ею пригородных парков. Я заманивал жену красивым весенним загаром, который непременно привозят с этой охоты. Я соблазнял ее редчайшей для женщины слабой охотницы на глухарей, отчего все ее подружки посинеют от

зависти. Последний довод оказался решающим. Жена согласилась и тут же принялась готовиться к охоте: нарядилась в сапоги и мою охотничью куртку и стала подбирать к ним перед зеркалом шапочку и шарфик.

Мы выбрались на охоту в конце апреля, в разгар водополюя. Как легко добираться к дальним глухариным токам, знают только охотники. Первым испытанием явился переход разлившейся в речку канавы. Бурая вода шла вровень с берегами и могла скрыть человека по грудь, переброшенная через канаву жердь опасно прогибалась, и я читал ужас в глазах жены, пока переправлял ее на другой берег. Дальше было еще хуже. За канавой начиналось бескрайнее моховое болото. Оно давно оттаяло и было переполнено влагой, ноги вязли во мху и торфяной жиже чуть не по колено. Я боялся оборачиваться назад, чтобы не встречаться с укорованным взглядом жены. Впрочем, моя Валентина оказалась молодцом, страдала молча, и ее сапоги исправно чавкали за моей спиной.

Тяжела и однообразна долгая ходьба по напитанному водой моховищу. Зато лесной остров после болота казался раем. Весело было почувствовать под ногами земную твердь, можно было отдохнуть, скинуть тяжелый рюкзак, подставить солнцу мокрую от пота спину. Только в лесу мы почувствовали настоящую весну. Со всех сторон доносились барабанные трели дятлов, взлетел пела птичья мелочь, мелькали на солнечных опушках первые весенние бабочки. Снег почти везде сошел, лишь в темных ельниках сохлились водой последние снежные пласты. Я с увлечением показывал жене ожившие муравейники, травяные шарики подснежных гнезд полевков, первых, вялых еще, лягушек — все то, что после долгой зимы так радует душу любителя природы. По заглохшей лесной дорожке перед нами прошла медведица с медвежонком, их следы четко отпечатались на грязи и мокром снегу. Не такая диковина медведь в наших краях, но встреча с его свежим следом всегда меня радует. Он — как особый знак, что ты вступил не в дачный, а настоящий лес, где вольно бродит его мохнатый хозяин.

Дорогой я рассказывал Валентине о предстоящей охоте. Ее дело издали услышать токующего глухаря и вести меня к нему до тех пор, пока я сам не услышу птицу. Негромкая песня глухаря состоит из двух колен. Первое называют «тэканьем», его похоже воспроизводят ударами концом спички по коробку. Второе колено — «точение», или «щебетание», — отдаленно напоминает звук заточки клинка на оселке. Это самая важная для охотника часть песни: пока петух ее исполняет, он перестает слышать, и «под песню» можно сделать два-три шага в его сторону. Остальное время надо сохранять полную тишину и неподвижность. Начинается охота затемно, когда птицы еще не могут видеть охотника.

Известный мне глухариный ток располагался в заболоченном сосняке. Я прошел вдоль его опушки и, к своему удовольствию, свежих кострищ и человеческих следов не обнаружил. Раньше на этот ток собиралось до десятка петухов. Потом он был разбит охотниками, но жизнь тока продолжала теплиться, и обычно я находил здесь двух-трех птиц. Пока не перестал их слышать.

Я ездил проверять ток в марте, когда лег крепкий наст и непролазные обочке места вдруг превратились в гладкую дорогу без конца и края. Такие проверки не только полезны, они доставляют и забываемые впечатления. Сверкает под солнцем ледяная корка наста. Скользишь по ней на лыжах и нет усталости, млодеют душа и тело от радости быстрого движения, от синих теней на слепящей белизне снега, от первого тепла солнечных лучей на лице. Я изъездил тогда весь лесной отъем и только раз набрел на «чертежи» — длинную цепочку глухариных следов с отметинами волочившихся по снегу крильев. Получалось, что верных старому токовищу птиц осталось совсем мало. Так ли это в действительности, предстояло выяснить.

Вечер мы провели на «подслухе» в надежде услышать слетающихся на ток глухарей. Мы устроились на пне у края токовища и молча просидели здесь до темноты. Все шло извечным чередом: погасло солнце на вершинах сосен, отыграли вечернюю зорю журавли, протянул вальдшнеп,

вестник близкой ночи, смолкло пение дроздов. Желанный шум глухариных крыльев так и не нарушил покоя уходящего вечера. Было похоже, что мы пришли сюда зря. Утешало только квочтанье глухарки, несколько раз прозвучавшее в лесу. Там, где есть курицы, положено быть и петухам.

Как водится, ночевать мы устроились недалеко от тока. Уставшая и замерзшая жена забралась в спальный мешок и мгновенно уснула, а я остался сидеть у огня. Ночевка у охотничьего костра — особое удовольствие. Хорошо было сидеть один на один с ночью, слушать тишину, неспешно вспоминать былые. Сколько их было, таких же ночей и давно отгоревших охотничьих костров! Потребность возвращаться в прошлое усиливается с возрастом. Так яркие и непосредственные впечатления охотничьей молодости, что хочется пережить их вновь, вернуть хоть ненадолго.

Я был совсем зеленым парнем, когда знакомый лесник впервые привел меня на ток. До того близко сталкиваться с глухарями мне не приходилось. По молодости мне казалось, что только добытый на току глухарь дает право считаться настоящим охотником, и я ждал от предстоящего необычайных впечатлений.

Тот далекий вечер на «подслухе» не обманул моих ожиданий. В темнеющем лесу разнесся вдруг громкий звук, мне показалось сперва, будто что-то большое сломалось или треснуло. Проводник одними губами прошептал: «Он» — и я понял, что слышал шумный всплеск глухариных крыльев. Как по команде, почти одновременно, еще несколько птиц с шумом сели на деревья за стеной высившегося перед нами бора.

Все смолкло, и тут ближний петух запел. Я сразу узнал эти странные звуки, о которых столько читал и слышал: отчетливое «тэканье» постепенно учащалось и переходило в страстное, захлебывающееся щебетание. Я знал, что подходить к глухарям с вечера не полагается, можно распугать ток, но утерпеть не смог. Окружающий мир исчез, оставалась только песня глухаря, которая подчиняла своему ритму мои сперва робкие, а потом все более уверенные движения. Никогда позже, даже на охотах по крупному зверю, мне не случалось так волноваться. Меня буквально трясло, а сердце переместилось куда-то вверх, к горлу, и не давало глубоко вздохнуть. По всем правилам, ступая только под песню и прикрываясь стволами деревьев, я подобрался к дереву, на котором пел глухарь.

Мне не повезло. Против обычного, глухарь устроился токовать не на сосне, а на порядочного размера ели. Как я ни напрягал глаза, разглядеть птицу в густой кроне не удавалось. Невидимый петух ронял сверху песню

за песней, а я внизу чуть не рыдал от отчаяния. Быстро темнело. Я осторожно обходил ель кругом, отступал от нее в стороны, но певца будто спрятали под шапкой-невидимкой. Наконец я высмотрел среди веток темное пятно, дождался очередной песни и под нее выстрелил.

Сверху густо посыпалась срезанная дробью хвоя. Глухарь не слетел и не упал, а только умолк. Я догадался, что выпалил не по птице, а, скорее всего, в сгущение ветвей. Пришлось неподвижно стоять под деревом, боясь даже шумно вздохнуть, пока не стало совсем темно. Только тогда я стал потихоньку отступать назад и вернулся к дождившемуся меня спутнику. «Утром застрелишь», — утешал он меня. Я же не мог успокоиться и казнил себя за неудачу.

Мой провожатый был с ружьем, но, видимо, уже почти не охотился. Он стал собираться домой, звал меня ночевать в деревню. Я смотрел на него с недоумением, как на помешанного. Как можно уйти от ночующих рядом глухарей? И со снисходительной жалостью подумал: «Что с него взять, — старик». Подозреваю, что леснику было тогда не больше лет, чем мне сейчас.

Я остался один у костра. Мне помнится, что та ночь не была безмолвной, как нынешняя, а полна таинственных звуков. В лесу кто-то гудал, то жалобно стонал, то принимался гудеть, как в длинную трубу, ему отвечал другой голос, и их переключка подолгу звучала в темноте. А сразу же серьезно испугался: откуда-то сверху стремительно надвинулось вдруг непонятное вибрирующее шипение, заполнило на миг все вокруг и унеслось прочь.

Давно я радуюсь, как старым знакомым, крикам сов и весеннему голосу зайца, не пугаюсь шума быстролетных птичьих стай. Тогда же они тревожили и подчеркивали необычность обстановки. Но все это было пустяками по сравнению с близостью глухарей, которая не переставала меня волновать. Воображение рисовало спящих среди ветвей больших темных птиц, и я ментал об одном — скорее бы прошла ночь. Я решил, что буду вновь пытаться подходить к «своему» глухарю. Если, конечно, он захочет петь там же после моего несчастливого выстрела.

Время тянулось томительно медленно. Часов у меня тогда не водилось, и было страшно проспать охоту. Провожатый наказывал слушать вальдшнепа: как он «захоркает» перед рассветом, так скоро и собираться пора. А как его услышишь, если пливает в глазах костер, сами закрываются веки и валишься вдруг набок, сморенный усталостью? Я героически боролся с дремотой, но под утро все же уснул. Снилось дурное, будто я брожу по токовищу, глухари молчат, но я

знаю, что они рядом и смотрят на меня, а сами остаются невидимыми. Проснулся как от толчка. Костер потух, холод пробирал до костей, заметно светало. Тревога сна соединилась со страшной мыслью: проспал! Я быстро добрался до вчерашнего места и вздохнул с облегчением: «мой» глухарь пел...

Весенняя ночь коротка, просидеть ее без сна пожилому человеку куда проще, чем мальчишке. На этот раз я дождался, как протянул в черном небе невидимый вальдшнеп. Было начало четвертого, я разбудил Валентину. После света костра темнота казалась густой, как тушь. Я вел жену за руку и первое время шел на ощупь, вытянув вперед другую руку. Мы осторожно двигались сперва узкой визиркой, пересекавшей токовище, затем стали обходить его по кругу. «Слышишь?» — то и дело шептал я Валентине. «Нет». Темнота начала чуть сеять, стали отчетливо видны стволы ближайших сосен. Я до боли напрягал свой ущербный слух, но тишина будто ватой облегла уши. Надежды на успех оставалось все меньше. Вот-вот должны были проснуться мелкие птички, их позывы станут мешать жене услышать и узнать незнакомые ей звуки глухариной песни.

— Слышишь что-нибудь? — в который раз спросил я Валентину.

— Дятел далеко стучит, больше ничего.

Стучит дятел? В темноте? Да не бывает такого!

— Пойдем к дятлу, только очень тихо, как договорились.

Теперь меня вела жена. Я долго ничего не слышал, а потом потянул вдруг слабый ветерок и донес до меня еле слышное глухариное «тэканье».

— Дальше не ходи, жди меня здесь, — распорядился я и пошел к глухарю.

Всей песни я не слышал и с риском подшуметь птицу делал пару шагов сразу после того, как смолкало «тэканье». Потом я расслышал, а вернее, угадал «точение» и уже смелее стал подскакивать к глухарю. До него было уже рукой подать, когда я пропустил очередную песню и услышал сзади слабый шорох. Я обернулся и обомлел: позади стояла жена. Она явно повторяла все мои движения и двигалась бесшумно, как опытный глухарятник. Я показывал ей кулак, махал рукой, чтобы не шла дальше, но Валентина делала вид, что не понимает. Она была явно намерена идти со мной до цели. Я злился, в то же время было смешно, но выяснять отношения не позволяла обстановка. Пришлось подходить к глухарю в сопровождении верной супруги.

Я сразу увидел его на фоне светлеющего неба. Глухарь сидел в развилке у вершины сосны и самозабвенно пел. В такт «тэканью» шептались толчками поднималась вверх,

переходя к страстному «точению», петух почти закидывал голову за спину. Я поманил рукой жену — если уж пришла, то смотри. Мы долго стояли рядом и любовались певцом. Быстро светало, глухарь мог нас заметить, и я поднял ружье. И внезапно понял, что не хочу стрелять.

Распевавший серенады красавец не чуял беды. Жизнь его была в моем указательном пальце, что лежал на спуске ружья. Как хочется написать, что я пожалел глухаря, быть может, последнего на этом току. Будь я один, так бы, наверное, и случилось. В присутствии жены помиловать птицу было труднее. Я не мог позволить себе, чтобы ее труд, наша первая совместная охота прошли впустую. И еще это древнее чувство, запечатленное в генах со времен юности человечества: вручить женщине охотничью добычу — честь и доблесть мужчины.

Гулко ударил в рассветной тишине мой одинокий выстрел, эхом прокатился по лесной гриве и замер в болотах. Глухарь с шумом ударился о землю. С тяжелым чувством я подал его жене — держи, твоя добыча. Валентина ошалело смотрела на птицу. Она была оглушена всем случившимся, ткнулась лицом мне в плечо и только сказала: «Никогда не думала, что это так бывает».

Обратной дорогой на душе у меня было смутно. Своего я добился, но настоящая радость от удачной охоты не приходила. Было жаль красавца-петуха, не доигравшего своего весеннего праздника. Да и зачем, собственно, он мне был нужен? Перед женой и друзьями выхваляться, себе доказать, что «еще могу»? Любимая охота вдруг открылась мне с новой и несимпатичной стороны: подходил я к глухарю по-воровски, в темноте,

и вины за напрасный выстрел не исчезало.

Я сознавал, что охотился на глухариную току последний раз. Многие годы я ставил эту охоту выше других, давно мечтал о ней, а на проверку вышло, что стрелять глухарей мне не нужно. А если не нужно, то и грешно.

Наверно, я еще приду на ток без ружья, чтобы показать его сыну. Но это будет уже совсем другое. Без трофеев нет охоты. Не верю я сенти-

знал его слабое место, и птица была совершенно беззащитна передо мной. Не защитила ее природа от человеческой хитрости, а мы пользуемся. Непривычное чувство разочарования

ментальным рассказом о «настоящих охотниках», что не стреляют, а только любят дичью. Так куда же уткнула охотничья страсть, непременно желание добыть редкую птицу? И опять я перенесся в прошлое, к своей первой охоте на глухариную току. Как непохожи были тогдашние переживания на нынешние!

...Без приключений я подошел тогда к знакомой ели, но опять не видел поющего глухаря. Теперь, однако, время работало на меня, с каждой минутой свет прибавлялся. Боясь быть обнаруженным, я укрылся за стволом соседнего дерева и был готов ждать хоть до вечера, но своего добыть. Только когда совсем рассвело, я заметил сперва слабое шевеление, а затем и сидевшую близ ствола птицу. Руки мои ходили ходуном, пришлось несколько раз поднимать и опускать ружье. Волнение не прибавляет меткости: после выстрела глухарь полого спланировал на землю и побежал прочь.

Я кинулся ловить подранка и тут же убедился в резвости глухариных ног. Гонка чуть не кончилась в пользу глухаря. Я запнулся, упал, а когда вскочил, петух был далеко впереди, близ непролазной чащи мелкого ельника, в которой он исчез бы для меня навсегда. Тут только я догадался выстрелить и, на удивление, попал. Я догнал птицу, упал на нее и прижал к земле. Теперь глухарь был мой.

Я был так опустошен всем пережитым, что в первый момент не ощутил торжества. Подивившись тяжести глухаря, я вышел с ним на опушку леса. Вдруг все вокруг переменялось, ярко засветилось под первыми лучами солнца, и тотчас отозвались на болоте ликующие голоса журавлиной стаи. Все так сошлось, будто и солнце вышло и журавлиный хор звучал в мою честь, будто они вместе ликовали и славили мою охотничью удачу. Только тогда меня обдала волна радости: он мой, я добыл своего глухаря!

Что это было за необыкновенное утро! В моей памяти такого буйства весенней жизни не встречалось ни раньше, ни после. Воздух дрожал от «бормотания» десятков тетеревов, доносившегося со всех сторон. Переключались в поднебесье гуси. Звенели крылья уток, парами взлетающих с холодной синевы разливов лесной речки. «Блеяли» высоко в небе невидимые бекасы, «плакали», кувыркались и шумели крыльями чибисы, звонкие голоса кроншнепов сверлили воздух над лугами. Пели, кричали и славили весну все, кто имел голос.

Мир был прекрасен и казался предназначенным мне для охоты. Добытый глухарь не умерил тогда моей охотничьей страсти. Я пытался подобаться к токующим косачам, а с одним петухом затеял долгую переключку.

Мое «чушиканье» показалось ему натуральным, и бедняга подлетел на выстрел к дереву, за которым я скрывался. Неожиданно повезло и в другой раз. Я отдышал, привалясь к стволу высокой ели, как вдруг ее вершину облепила стая вяхирей. Птицы настоительно замерли, а я медленно-медленно дотянулся до ружья, осторожно откинулся на спину и единственным выстрелом выбил из стаи трех голубей.

С гордостью я перебирал и картинно раскладывал свои богатые трофеи, но ни вяхири, ни тетерева не шли в сравнение с глухарем. Боже мой, как я был полон тогда молодого охотничьего счастья!

Сейчас мне не хотелось никого стрелять, а добытый глухарь не приносил большой радости. Впервые я почувствовал, что моей охоте приходит конец.

Раньше такие мысли я не принимал всерьез. Стоило, казалось, освободиться от бремени иных забот, и моя охота пойдет как встарь. Сейчас близость ее конца сознавалась с беспощадной определенностью, и я находил этому все новые подтверждения. Что лукавить с собой, на охоте теперь я бываю редко. Раньше мне было неинтересно ходить в лес без ружья. Сейчас я все чаще оставляю его дома, занялся больше грибными и ягодными сборами, которые прежде высокомерно презирал. На птиц и зверей я перестал смотреть глазами охотника, всегда мысленно прикидывая, как ловче поймать их на прицел.

Долгие годы я берег свободу и слышать не хотел о даче. Потом не выдержал, купил — только для охоты — развалюху в глухой деревне. А теперь, стыдно признаться, дорогие охотничьи деньки гроблю на огороде. Ревниво слушаю чужие выстрелы, выпрашиваю прохожих охотников, люблюсь их дичью. А сам... сам почему-то берусь за ружье все реже. Изменились не обстоятельства, это я стал другим. Незаметно уходят годы. Кажется, ты все такой же, но, обернувшись назад, замечаешь, как сокращается круг былых увлечений. Теперь настала очередь моей охоты.

Признать это было горько. Охота сопровождала меня чуть ли не с детства. Она входила в фундамент жизни, без охоты я не мыслил своего существования. В последние годы я редко брался за ружье, но продолжал считать себя охотником, и это привычно грело. Оставалась и охотничья мечта — глухариный ток.

Нынешнее утро рассеяло иллюзии. Я чувствовал себя осиротевшим. Я вспомнил о товарищах-охотниках, о своем богатом охотничьем хозяйстве, о заветной тетради, куда записывал «на потом» заманчивые охотничьи предложения и адреса. Теперь все это останется невостребованным. «Братья-охотники,— думалось мне,—

торопитесь охотиться, ничего не оставляйте «на потом», не будет его!» Тут мне стало очень жаль себя. Будущее казалось безрадостным, и дальняя угроза унылой старости предстала моему разыгравшемуся воображению.

От этих невеселых мыслей меня то и дело отвлекала супруга. Вчерашняя усталость прошла, она искренне наслаждалась всем происходившим и болтала без умолку. Вопреки моим опасениям, Валентина осталась в восхищении от наших блужданий в темноте и падения глухаря к ее ногам. Жена решительно заявила, что отныне меня одного в лес не отпустит — только вместе с ней. Она вызвалась стрельнуть из ружья, чего раньше всегда избегала. Зажмурившись от страха, Валентина пальнула в пену и очень радовалась попавшей в него дробиной. От полноты душевной она проговорила даже петь.

Излишняя резвость была наказана — жена неосторожно сошла с тропинки и залила сапоги. По таинственным законам женской логики виновником происшествия был объявлен я: не остерег, не вытащил, не пожалел. Пришлось заняться костром. Сердиться на Валентину я не мог. В простой одежде и без хитрой прически она будто помолодела и расцвела под весенним солнцем, смотрелась былой девушкой. В руках Валентина несла охапку цветущей ивы и поминутно окунала в нее лицо, отчего ее нос стал желтым от пыльцы. Давно жена не была такой красивой и довольной, ради одного этого стоило идти с ней на ток.

На Валентину, казалось, лег ответ весны, рядом с ней было стыдно предаваться мрачным мыслям. «Хватит изводить себя,— решил я,— против судьбы и возраста не попрешь. Если не радуется трофеем, если скорбишь по собственной добыче, с охотой нужно кончать. Не держись за ружье, с ним ждуть тебя одни разочарования. Как нынче, например. Потребности души стали иными, былого не вернуть и незачем горевать о нем. С охотой уйдет из жизни праздник. Уйдет, но не совсем. Со мной остаются охотничьи воспоминания, чья сладость я уже вкусил. Охота воспитала во мне потребность оказываться в безлюдье, наедине с лесом и водой, дикими зверями и птицами. Эта счастливая потребность во мне жива и, надеюсь, еще долго не исчезнет. А теперь и товарищ по интересам вроде объявился — жена. На продолжение охотничьих подвигов пусть не надеется, а так мы с ней еще побродим. Так брось философствовать, старый дурак, радуйся весне, хорошей погоде да и ружью, что еще висит у тебя за плечом!»

День и вправду был великолепен. Почти по-летнему грело солнце, дождем мы скинули теплые куртки

и шапки, а жена упорно подставляла нос солнцу в надежде загореть («хоть тут не надул»). После двух погожих дней, сменивших холода, бурно пошла в рост первоцветы. Золотыми шариками распуцтовавшихся сережек засветились макушки ив, в облаке тяжелого аромата раскрылись розовые кисти вольчьего лыка. Вчера еще бурая лесная подстилка казалась безжизненной. Сегодня на ней расцветали куртинки синей перелески, нежная медуница и белые звездочки первых анемонов. Казалось, что они растут прямо на глазах и если затаиться, то услышишь шорох, с которыми стебельки растений протыкают слой прелых листьев.

В молодости меня не слишком занимали эти приметы весны. Весна была хмельным временем. Как молодой охотничий пес, я видел и слышал тогда больше охотничьих животных. Только в зрелости приходит это трепетное любованье каждой мелочью весеннего пробуждения жизни. Радостного, но и чуть грустного. Весной особо ощущаешь бег времени, недаром в старину по веснам считали годы. В каждом раскрывшемся первоцвете заложено его скорое увядание, а сам ты достаточно прожил и давно почувствовал, что не бессмертен.

Из весеннего хора почти выпали ныне главные запевалы — тетерева. Но сколько других прекрасных голосов звучало вокруг! Их я еще слышал сквозь невидимую завесу, которой ограждала меня от мира звуков начинавшаяся глухота. Лесные острова звенели трелями зябликов, весничек и белобровиков, задумчиво выводили свои флейтовые мелодии певчие дрозды. Неторопливо и томно вступал в лесной хор басовитый вяхирь, барабанили, трещали и скрипели на разные голоса дятлы. И верно, уже роняла с веток звонкие хрустальные капельки моя любимая пеночка-теньковка, нежный голос которой стал недоступен моему слуху.

Как и встарь, кричали на болотах журавли, звали в неведомое счастливое далеко. Знаю, что нет тех заманчивых далей, куда так рвалась душа в юности, но по-прежнему щемило сердце от призывных журавлиных криков.

Весенний мир вокруг был слишком хорош, чтобы предаваться грустным мыслям. Он останется со мной и дальше, хотя уж не будет освещен праздником охоты. Останется и женщина, что шла позади в золотом нимбе из цветущей ивы. То, что она существует рядом, — негаданное счастье, поздний подарок судьбы. Так что нечего гневить Бога за потери, даже если от меня уходит любимая охота.

Плечи чувствовали тяжесть глухаря, но эта ноша уже не казалась

мне в тягость. Как не крути, а я обхитрил глухоту, я добыл своего последнего красавца-петуха. Пусть простится мне этот выстрел, других не будет. Я уже с удовольствием предвкушал, как покажу птицу моему малолетнему еще сынишке. Он будет растягивать могучие крылья глухаря, сгибать мохнатые лапы, дивиться его красным бровям. Из моего тихого последыша навряд ли вырастет охотник, но он надолго запомнит, какую большую и красивую птицу принес ему отец из леса.

Стоп! На этот раз я не один, а вместе с матерью. Правило: избегать на охоте женщин — имеет, значит, исключения. Если же быть честным, я давно мечтал сводить Валентину на глухаринный ток. Хотел, но боялся, что моей убежденной горожанке будет это ни к чему, кончится разочарованием для

обоих. А вышло все хорошо. Я открыл жене оконце в незнакомый ей мир охоты, что всегда был для меня так дорог. Пусть этот мир уходит от меня в прошлое, но она, умница, его оценила и приняла. Теперь, после общего глухаря, мы обязательно станем еще ближе друг к другу. А разве это мало, когда ты немолод и так нужна эта последняя любовь? Конечно, последняя, ведь счастье любить женщину тоже не вечно, как не вечно и охотничья страсть.

Я подумал и решил, что удачно провел этот знаменательный весенний день, первый день моего прощания с охотой.

Рисунки Б. Игнатъева

ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОХОТА

Рисунки А. Сичкаря

ТРАМПЕАДОР

Антонио АРЛЕТТИ

ТРАМПЕАДОР

Хоть я и нуждался в благодатном сне, но, по совести говоря, мне полагалось бодрствовать всю ночь. Ведь река таила многочисленные опасности, которые я принимал во внимание, но все же недооценивал, считая себя опытным моряком.

Я отвечал за плавание, Франческо — за охоту.

Каждый из нас был незаменим в своей области.

Я ни разу в жизни не охотился, а Франческо никогда не плавал на подобном судне.

Но если он был серьезным профессиональным охотником, за много лет изучившим все хитрости и повадки зверей, то мое мореходное образование носило явные следы дилетантизма и, понятно, имело немало изъянов.

Франческо, как и многие обитатели этого материка, перепробовал множество занятий. Однако, если большинство людей ищет работу полегче и получше, Франческо, давным-давно выбрав себе профессию по душе, вынужден был то и дело ее оставлять. Уже много лет он занимался охотой, но в летние месяцы шкуры животных ценятся здесь очень дешево, и ему приходилось зарабатывать на жизнь всеми возможными способами. Каменщик, дровосек, пастих — таковы этапы его приобре-

ния к физическому труду. Зато он стал крепким, мускулистым, ловким, способным переносить любые лишения.

Чтение книг по зоологии способствовало формированию его культуры, а симпатии к учению утопистов стоили ему нескольких месяцев тюрьмы.

К тридцати годам он женился. Брак укрепил его романтические чувства, что вскоре привело к появлению двух девочек, и его финансовое положение, ибо он занялся теперь исключительно продажей фруктов.

Это было его hobby в летние месяцы. Он открыл на одном из приморских курортов фруктовую лавку, и выручки вполне хватало семье на безбедное житье.

В зимние месяцы курорт закрывался, и с первыми холодами Франческо оставлял семью и отправлялся в путь. По железной дороге он добирался до глухого селения на крайнем юге страны, туда, где, обессилив, умирают холодные ветры Огненной Земли. Это была его охотничья база. Отсюда, пешком или на коне, он забирался в пустынные высокогорные долины юго-запада страны либо отправлялся на запад в Кордильеры. Это было для него настоящей работой — щедро раздавать сотни пуль пумам, нан-

ду и гуанако и дарить ловушки красным и серым лисицам, нутриям и зайцам.

Как заботливый отец семейства, он и тут стремился извлечь экономические выгоды. Профессия охотника, хотя и отмирает, не выдерживая бесчестной конкуренции звероферм, все же остается сравнительно доходной. И хотя на первый взгляд могло показаться, что Франческо гонится за деньгами, но ни драгоценные шкуры, ни сама охота не заставили бы его каждую зиму отправляться в рискованное путешествие. Пустыня заразила его страстью к бродячей жизни, и с каждым днем я все больше убеждался, что это стало для него как наркотик, без которого уже нельзя обойтись.

А я, когда впервые приобретал некоторый опыт плаванья по реке, отнюдь не был очарован той жизнью, которую принужден был вести. В самом деле, вся прелесть военной службы как-то ускользнула от меня. Тем не менее я вбил себе в голову, что обладаю глубокими познаниями в искусстве мореплавания, и только встреча с аргентинской рекой Кольон-Кура показала мне, сколь жалкими они были. Восемь месяцев учебы на офицерских курсах в полку понтонеров, богатом традициями и весьма бедном средствами передвижения. Все

эти восемь месяцев на обоих берегах По жители приходили в неопишное волнение, завидев лодку командовал безрассудный рулевой из Эмили по имени Антонио Арлетти, направлявший усилия дружной команды изрядно оголодавших гребцов. Вопреки элементарным нормам навигационного искусства и в нарушение самых строгих уставных правил ватага безумцев, как нас с полнейшим презрением называли офицеры полка, лезла в воду и, если позволяло дно, водружала лодку на плечи и брела назад к мосту. Это происходило всякий раз, когда гребля против течения требовала усилий, значительно превышавших скудную норму калорий, полученных нами за обедом. А неукошительным подсчетом нужных нам калорий занимался добровольный диетолог нашей команды. Таким образом, мой военный опыт был весьма скромным и ненадежным, ибо приобрел я его на реке, вконец испорченной прогрессом.

Высадившись несколько месяцев тому назад на берег Южной Америки, я привез с собой кроме единственного чемодана еще и скудный багаж навигационных познаний, готовый, однако, применить их при первой же возможности. И вот теперь охотничья экспедиция по рекам в компании Франческо позволяла мне продемонстрировать несравненные мореходные таланты сына страны, давшей миру Христофора Колумба. В самом деле, я предпочитал рисковать жизнью на реке, чем на крупе лошади. В реке я по крайней мере мог утонуть со всеми удобствами, а на коне непременно сломал бы себе при падении позвоночник, жестоко намучившись вначале от кровавых ран и волдырей на бедрах и заду.

Придя в восхищение от рисунков Молины Кампоса и увиденного в Пампе состязания гаучо, я попытался было овладеть азами верховой езды. Но вскоре отказался от этой опасной затеи. Случилось это после того, как самая смиренная и добрая из лошадей на десять миль вокруг научилась сбрасывать меня самым унижительным образом, к радости школьников, которые, возвращаясь домой, играли по двое в карты на спинах своих огромных коней. Моя лошадь подходила к ним; притворяясь, будто интересуется карточной игрой, и, заговорщически подмигнув маленьким бесенятам, внезапно опускала голову. Все это время я небрежно сидел в седле, отчаянно сжимая в руках поводья, а тут, перелетев через голову моей коняги, падал к ее ногам. Вскоре я отказался от безумной затеи стать гаучо, но не оставил надежды забраться в глубь страны. Однако о путешествии на лошади я даже подумать не смел, пешком же в пустыне много

не пройдешь, и мне оставалась лишь лодка.

Подняться вверх по бурным, порожистым рекам юга Аргентины совершенно немислимо, и я задумал спуститься по течению, заставив реку поработать на меня. И вот однажды я получил письмо от приятеля, который жил на берегу Рио-Негро и знал о моих планах.

Он писал, что один местный охотник любезно согласился взять меня с собой в зимнюю экспедицию. С наступлением холодов я попросил двадцать дней отпуска по состоянию здоровья, предоставив фирме право считать меня уволенным или пропавшим без вести, если я не вернусь к назначенному сроку. Кстати, слова о плохом состоянии здоровья не были лишь предлогом. В столице Аргентины нетрудно заболеть от адского грохота, прескверного климата и давки в автобусах, магазинах и просто на тротуаре. В годы же трагической и одновременно похожей на фарс военной диктатуры к этому коктейлю неприятностей добавлялась прямая опасность для жизни.

После двух дней езды я сошел на маленькую красивой станции района Рио-Негро. Всю дорогу я смотрел на бесчисленные стада коров, мирно пасшихся по обеим сторонам железнодорожного полотна.

Это была Пампа, зеленое степное море, рай для коров и скотоводов. Миновав Рио-Колорадо, мы углубились в полупустынный район, где редкие ранчо, селения или крохотные городки служат одновременно и железнодорожными станциями. Унылую картину серых колючих зарослей здесь изредка оживляют лишь мерно жующие овцы да пугливые нанду.

Это Рио-Негро — самый северный район Патагонии, получившей название от одноименной реки.

После долгих часов созерцания пыльной желтой пустыни вам наконец открывается зеленый, радующий взор оазис в несколько сот квадратных километров.

Приехав в гости к своему приятелю, который выращивает на этой плодородной земле огромные яблоки, не забывая, однако, оплодотворять душу чтением книг из своей обширной библиотеки, я познакомился с трампаедором Франческо. Встреча закончилась к обоюдному удовольствию сторон. На другой день мы приступили к дорожным сборам и определили маршрут, вдвое удлив его, так как нам предстояло путешествовать не верхом, а на лодке.

Наш план заключался примерно в следующем: на машине добраться до подножия потухшего вулкана Ланин, у границы с Чили. Погрузиться в каное и спуститься по реке Кольон-Кура. Через триста километров, попав в реку Лимай, проплыть вниз

еще шестьсот километров до встречи с рекой Неукен. От слияния этих двух рек образуется Рио-Негро. Позволить течению этой могучей реки протаскать нас еще сто километров, как раз до того места, откуда мы отправились в экспедицию.

Франческо согласился делить со мной опасности, труды, расходы и доходы по той простой причине, что лодка позволяла ему охотиться на обоих берегах реки, чего прежде он не мог сделать из-за отсутствия здесь бродов.

Он предупредил, что, кроме последних ста километров, остальная часть пути ему совершенно незнакома; он слышал только, что там почти нет селений и что это настоящий охотничий заповедник.

Вот по каким причинам я накануне корейской войны очутился в крохотной палатке, на берегу пустынной реки. Рядом со мной, громко посапывая, спал старый аргентинский охотник, родом из Андалузии, не в пример своим соплеменникам скромный и молчаливый. Уже в эти первые дни знакомства я понял, что он будет смелым и верным товарищем. Тот факт, что он согласился отправиться вместе со мной, давал основания думать, что мое участие в экспедиции не показалось ему слишком рискованным и неоправданным. Это утешало меня и почти избавляло от естественного комплекса неполноценности. Нам предстояло проплыть тысячу километров по незнакомым рекам, останавливаясь на два-три дня в богатых дичью местах. Путешествие могло продлиться от двадцати дней до шести месяцев. Это зависело от погоды, удачной или неудачной охоты и от всяких непредвиденных обстоятельств. Но прежде всего от решения Франческо. На этот счет у нас была молчаливая договоренность.

ТРАГЕДИЯ В ЛАГУНЕ

Нанду — это страус Южной Америки. Он немного ниже своего африканского кузена, но этот недостаток частично компенсируется наличием лишнего пальца на ноге и позволяет нанду не чувствовать себя бедным родственником. Нанду горделиво выставляет напоказ две несоразмерно длинных ноги и длинную шею. Приплюснутый, поросший шерстью лобик, согласно книгам по судебной медицине, неопровержимо свидетельствует о кретинизме его владельца.

Если вы в Патагонии или Пампе упомянете в присутствии индейцев о нанду, вас не поймут. Индейцы решат, что вы задавака, и посмотрят на вас весьма косо. Может случиться,

что один из них даже выхватит *fashion* — длинный нож, который они носят за поясом.

Однако, если вы скажете авеструц, птица страус, индейцы мгновенно исчезнут и вскоре прискачут верхом на коне, вооруженные особым лассо, болеодорой. Окинув зорким взглядом местность, индейцы бросаются на конях в погоню. Кроме печального выражения глаз, общего для всех лошадей в этих краях, местные кони не имеют никаких характерных особенностей. Но их обучили преследовать нанду. Как и нанду, эти кони привыкли с пятидесятикилометровой скоростью одолевать крутые холмы и молниеносно менять ритм бега, что весьма опасно для неопытного наездника. Только на этих конях можно подобраться к нанду на нужное для набрасывания лассо расстояние.

После пленения у огромной бегающей птицы забирают лучшие перья и, дружески хлопнув по плечу, отпускают ее на свободу. Понятно, если под рукой есть еда повкуснее.

Куда менее живописный способ охоты заключается в том, что, устроив на нанду засаду, его предательски убивают.

Иной раз с нанду можно встретить и совершенно случайно на глухой тропинке, что заставляет иных верить в судьбу.

Спустя два дня после поединка с водопадом я шел в свой лагерь и очутился лицом к лицу с неосторожным нанду. Мы оба крайне удивились и не знали, что делать.

Ноги у нанду оказались куда послушнее моих, а реакция почти мгновенной. Со стремительностью бегуна-спринтера он бросился наутек. Это помогло мне разрешить сложную дилемму: коль скоро он обратился в бегство, я не обязан был делать то же самое. Выяснив, что серьезная опасность мне не грозит, а главное, желая утихомирить указательный палец, нервно плясавший на спусковом крючке, я вскинул свою дву-

стволку и выстрелил. С того дня, слыша охотничьи рассказы, я самодовольно улыбаюсь: невезучий нанду, удиравший, не разбирая дороги, опрометчиво подставил свою маленькую голову под мой шальной выстрел. Бедная птица замертво рухнула на землю. Мне даже не понадобился охотничий нож, который я смело выхватил из-за пояса, чтобы нанести врагу последний удар.

Я бы еще долго соображал, что мне делать с этой тушей, если бы на помощь не пришел Франческо, привлеченный громом салюта. Исследуя, куда же угодила моя пуля, он не удержался от изумленного восклицания:

— Карамба!

Франческо сказал, что лишь такой меткий стрелок, как я, мог целиться в голову. Сам он обычно старался попасть нанду в бок или в бедро, что, понятно, куда проще. К тому же ему вряд ли удалось бы попасть в крохотную голову нанду или в его тоненькую шею. Франческо еще долго поздравлял меня. Я не остался в долгу и заявил, что он превосходно гребет и непонятно, почему он отказывается вести каноэ.

После обмена любезностями Франческо, к моему удивлению, не оципал бедного нанду, а снял с него шкуру, не повредив и не потеряв ни одного перышка. Все это он проделал с такой же легкостью, с какой снимают рубашку.

С некоторого времени шкура нанду стала цениться дороже перьев. Из нее делают экстравагантные кожаные туфли со вмятинками в тех местах, где были перья. Эта мода весьма отразилась на судьбе нанду: уменьшился спрос на его перья, но сильно возросла в цене его шкура. Если раньше у бедной птицы были кое-какие шансы на спасение, то теперь их не осталось вовсе.

По указанию Франческо я срезал с крестцовой и тазовой костей нанду куски мяса, которых хватило бы на два огромных бифштекса, и отделил желудок.

Очищая его, я удивился содержанию этой большущей сумки: месиво из листьев, множество камешков, два кактуса величиной с кулак со всеми колючками и какие-то незнакомые мне коренья.

Назначение двух бифштексов я понял сразу, немного твердоватые, они все же пришлись нам по вкусу. Но вот зачем нужно было вырезать несъедобный, с моей точки зрения, желудок, я никак не мог догадаться.

В лагере Франческо, как всегда подробно и убедительно, все мне объяснил: желудок разрезается на тоненькие дольки, которые затем оставляют сохнуть на солнце. Когда они хорошенько высохнут, их измельчают в порошок, добавляют немного соли и сахара и высыплют в мешок. Если у вас,

не дай Бог, заболит живот или возникнут трудности с пищеварением, тут же примите щепотку порошка, размешанного в воде.

Итак, мы сделали обладателями своего рода домашней английской соли.

Увы, мое знакомство с американским страусом началось и кончилось в тот же день. Больше мне уже не удалось встретиться с ним с глазу на глаз.

И все же благодаря Франческо нанду стал нашей ежедневной жертвой.

Прервав охоту на зайцев с огнестрельным оружием, мы предоставили наши ружья в полное распоряжение бедной птицы. Для зайцев же остались лишь силки. Собственно, это были даже не силки, а обыкновенные петли из тонкой проволоки. Обычно мы ставили их в узких проходах, где было много заячьих следов. Высота выбиралась с таким расчетом, чтобы заяц угодил в силки головой, и тогда петля намертво схватывала шею. Нередко мы ставили до ста силиков, и часто в них попадалось десять — двенадцать зайцев. В этом районе зайцев предостаточно, хотя и не так много, как в более северных районах страны, где они стали истинным бичом земледельцев. Это обычный европейский заяц (*Lepus Europaeus*), завезенный сюда моряками. На своей новой родине заяц весьма легко акклиматизировался. Как brave и трудолюбивый эмигрант, он стал быстро размножаться и завоевывать все новые и новые земли. Однако в этих затерянных в пустыне уголках до них добрался человек, представленный — хорошо ли, плохо ли — мною и Франческо. И вот теперь мы предавали бедных зайцев огню и мечу, и по вечерам их шкурки уныло висели на кустах у нашей палатки. Рядом со шкурками нанду, лисиц, нутрий.

На смену красной лисе мало-помалу пришла серая, к счастью, значительно меньших размеров. Ведь наша работа становилась все более тяжелой: когда все двадцать пять капканов вступали в действие, а это случалось почти каждый день, нам приходилось шагать вдоль фронта капканов два километра. Если прибавить к этому расстояние от палатки до ближнего фланга, то получалось, что мы не менее четырех раз в день проходили по три-четыре километра. Путь от палатки до капканов с одним лишь ружьем за плечами был приятной прогулкой, но возвращение превращалось в мучительный марш-парад. Мы еле плелись, согнувшись под тяжестью богатой добычи. Кроме того, силки на зайцев, хоть мы и ставили их вблизи палатки, тоже надо было обойти один за другим. Тем более что эти карманные «мины» можно было поставить не всюду: в некоторых местах расти-

тельность была слишком редкой.

Подвешивая силки, я вспомнил, как украшал в детстве рождественскую елку. И то и другое можно доверить даже ребенку. Достаточно было подвесить маленький сюрприз к нижним веткам кустов, и силки заставляли в боевой готовности. Конечно, и тут требовалась кое-какая маскировка, короткая тренировка может превратить полнейшего профана в более или менее удовлетворительного охотника на зайцев при помощи силков. Но если ставить силки можно научиться, то собирать их — никогда. Обнаружение силков требует от охотника титанического напряжения памяти и зрения. Ведь нужно отыскать тоненькие куски проволоки, длиной в несколько сантиметров, спрятанные тщательно и в самых немислимых местах.

По моим наблюдениям, когда старые опытные охотники теряют десять — пятнадцать процентов всех силков, то это уже крупный успех. Я обычно терял от восьмидесяти пяти до девяноста процентов. Франческо же достаточно было пяти-шести обрывков бумаги, чтобы найти силки все до одного.

В нашем товариществе потерять силки еще можно было, так как его нетрудно заменить. Но вот потерять капкан не разрешалось. Думаю, что Франческо даже мысли об этом не допускал. Если бы подобное несчастье все же случилось, поиски должны были вестись до полного изнеможения.

Безвозвратно потерять капкан означало не только распрощаться с ним и с утянувшим его животным, но и со всеми животными, которые могли бы в этот капкан попасть.

Рассуждения Франческо отличались железной логикой, и я признавал их абсолютно справедливыми. Труднее было отыскивать капканы.

На берегу животное, волоча капкан, оставляло четкие следы, и за все время мы не потеряли здесь ни одного капкана. Что же до капканов, поставленных под водой, все зависело от сообразительности нутрии. Если зверек понимал, что, только достигнув берега и скрывшись в кустах, он сохранит слабую надежду спастись, наша задача сильно облегчалась. Ум зверька был нам только на пользу. Но частенько нутрия этого не понимала и пыталась уйти под воду. В этих случаях тяжелый капкан утягивал на дно и топил глупую нутрию. Приходилось отыскивать утопленницу, застряхивая в придонных водорослях.

Неприятное открытие было сделано во время утреннего обхода. Две нутрии порвали цепочки капканов. Одну из них мы тут же обнаружили в прибрежных кустах, и ее постигло неотвратимое возмездие. Но другая нутрия, выбравшая свободу, не оставила никаких следов. Капкан был

поставлен на илистом берегу лагуны и прикреплен к тонкому колу.

Как видно, нутрии удалось его вырвать без особого труда. Почти наверняка это был крупный, сильный самец, и он сразу ушел под воду.

Пришлось нам снять ботинки, засучить штаны и лезть в воду. Мы потеряли тьму времени, разыскивая

неделей блаженной лени, мы вкусили бы блюдо, достойное самого взыскательного сибарита.

Я даже не заметил, что мы подходим к лагуны. Опять этот проклятый капкан!

Вместо хижины мы соорудили плот. До полудня мы кружили по лагуны в тщетной надежде извлечь из воды уто-

пропавшую в густых водорослях нутрию. Вода была просто ледяной, но Франческо не сдавался. То и дело мы выскакивали на берег, чтобы погреться у костра, разведенного предусмотрительным трампеадором.

Затем мы снова лезли в воду и шарили палкой там, где уже не могли достать ни ногой, ни рукой. Но все наши усилия оказались тщетными, и мы вернулись в лагерь. Я решил, что поиски закончились и теперь у нас будет одним капканом меньше.

Франческо почернел от злости, таким мрачным я его еще не видел. После обеда он нагрузился канатами, проволокой, топором, ящиком с гвоздями, сунул мне свой карабин и велел трогаться в путь. Он говорил отрывисто, резко, и я почел за лучшее не задавать ему никаких вопросов. Все же я попытался угадать, куда мы идем.

Места для охоты здесь великолепные, залив очень красив. Вероятно, мы соорудим тут хижину и неделю-другую будем отдыхать. Уже целый месяц мы путешествуем и непрерывно охотимся. Я немного устал и мечтал подолгу наслаждаться тишиной и дикой природой. Мысль о хижине была просто чудесной, и я в душе горячо благодарил Франческо за его внимательность. Если бы нам удалось слегка заправить тишину и одиночество

нутрию. Дно мы исследовали теперь длинными шестами. Лагуна была довольно широкой, и нам не улыбалась перспектива лезть голыми в ледяную воду и потом долго плыть к берегу, чтобы погреться у костра.

Полчаса спустя у меня уже не хватало мужества смотреть на мои всплывшие, кровоточащие и синие от холода ноги. Каждый раз, когда мне приходилось двигаться по нашему зыбкому плоту, я испытывал такое чувство, будто ступал по стеклянной кровати. Но Франческо пожелал обследовать дно той части лагуны, которая покрывалась коркой льда.

У меня зародилось подозрение, что я попал в руки фанатика и садиста, способного в любой момент сбросить меня в воду и продержат там до тех пор, пока я не принесу в зубах мертвую нутрию с капканом.

Он сумасшедший, и я тоже схожу с ума! По тому, как яростно он греб веслом, было ясно, что звать к разуму или пробовать с ним договориться совершенно бесполезно. Я готов был взбунтоваться и заставить его отступить... В таких случаях лучше стрелять первым. Я радостно и злобно ухмыльнулся. Наконец-то меня осенило. Надо выстрелить первым.

Всегда стрелять первым! Кто дал перед отъездом этот драгоценный со-

вет? Я отлично помнил: это был Хуан Эрейра, по прозвищу Красавчик. Он шесть дней скакал на коне, чтобы сразиться на ножах с нахалом, осмевшим утверждать, что может выпить больше, чем мой приятель. Однажды после очередной драки Хуан сказал мне: «В Патагонии всякое может случиться. Главное не растеряться и выстрелить первым. Из тюрьмы выйти нетрудно, но вот с кладбища...» Я хорошо его помню, Хуана Эрейру: огромный детина, весь в рубцах, шумный и разговорчивый, щедрый с друзьями и беспощадный к врагам. При этом разговор присутствовал и Франческо. Значит, и он знает, что, когда настанет момент... Но, к счастью, настал момент прекратить поиски. Возвестил об этом могучий залп живописнейших и непотребных андалузских ругательств.

У огня мои преступные планы, порожденные адским холодом и отчаянием, вновь удалились в область смутного, подсознательного. Только выпив чашку горячего чая, я признал, что это тоже была работа; не бесполезная трата времени, а настоящая работа. Ведь и электрик, очутившись вдали от мастерской, будет долго искать запропастившиеся куда-то клещи, а шофер — разводной ключ. К несчастью, сами места и способ наших поисков были не слишком благоприятны для того образцового самообладания, которое писатели-юмористы рекомендуют сохранять при розысках затерявшейся в спальне запонки. Отсюда я сделал вывод, что следует лучше вбивать колья и крепче привязывать цепочку.

ADIOS, FRANCISCO!

Есть провинция Неукен со столицей Неукен и река Неукен — подлинный триптих.

Город Неукен расположен при слиянии реки Неукен с рекой Лимай. Вместе эти две реки образуют Рио-Негро. От места слияния на сотню километров к юго-востоку по берегам Рио-Негро тянется долина-оазис. Рио-Негро, прорыв гигантское ложе на сто метров ниже месеты, повернула вправо, образовав плодородную долину. Словно опомнившись, крутые склоны затем снова подступают с двух сторон к реке и уже до самого Атлантического океана держат ее в каменном плену.

В эту чудесную долину и нахлынули белые, как только им удалось изгнать оттуда индейцев. Земля здесь плодороднейшая; орошаемая через сложную систему отводных каналов водой из реки Неукен, она дает богатейшие урожаи. Создал эту совершенную оросительную систему, ко-

нечно же, итальянец, инженер Чиполлетти.

Среди множества испанских и итальянских поселений здесь есть даже английская сельскохозяйственная колония. Выращивают тут преимущественно фрукты, притом столь вкусные, что слава о них распространилась по всей Южной Америке. Однако лишь немногие знают, что район Рио-Негро по размерам почти не уступает Италии, но фрукты поставляет только этот небольшой, в тридцать-сорок квадратных километров, оазис.

На следующее утро мы начали спускаться вниз по Рио-Негро и вскоре увидели цветущие сады и виноградники. Они были геометрически правильной формы и резко контрастировали с окружающей их пустыней, этим беспорядочным нагромождением камней и песка. Здесь мы пробыли целых три дня, прежде чем добрались до селения, откуда началось наше путешествие.

Конечно, мы могли пробыть в этом оазисе и меньше, но нас задержала утомительная работа по отбору и отделке шкурок

восьмидесяти пяти нутрий, ста семидесяти пяти лисиц, семи пум, двадцати двух нанду, пятидесяти пяти диких кошек и множества вонючек, европейских и патагонских зайцев, а также двух мешочков перьев.

Но, честно говоря, еще больше, чем отбор и разделка шкурок, меня удерживало здесь нежелание перейти на тот берег и навсегда распрощаться с пустыней.

БУЭНОС-АЙРЕС, СЕНТЯБРЬ

Я получил от Франческо денежный перевод — мою долю от продажи шкурок. К переводу Франческо приложил письмо, в котором он с величайшей точностью и тщательностью сообщал мне о расходах, ценах и окончательной выручке.

Этот год оказался урожайным на лисиц, и Франческо пришлось продавать их шкурки по совершенно мизерным ценам. И все же после продажи всех шкурок набралась изрядная сумма. Моей доли мне хватило бы на то, чтобы продержаться несколько месяцев, если я сразу же не подыщу себе работу в городе.

Франческо писал, что будущей зимой мы отправимся в новое путешествие, по новому маршруту. Он очень рассчитывает на меня.

Такие люди, как Франческо, встречаются только раз в жизни. Если бы их было больше, мир выглядел бы куда лучше.

Настоящие трампадоры постепенно исчезают так же, как звери, на которых они охотятся, как милая их сердцу бродячая жизнь, одиночество, покой, все эти незаметные, маленькие радости, воспеть которые способен лишь поэт.

Адиос, Франческо!

Я больше не смогу вернуться в горы и уже никогда не буду преследовать гуанако и водить каноэ, хотя частица моей души навсегда осталась на Рио Лимай, чтобы внимать молчанию пустыни.

ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ ОПОЧИНИН

Ярославский дворянин Евгений Николаевич Опочинин (1858—1928) посвятил свою жизнь служению русской литературе и истории. Возможно, что именно древние корни рода Опочининых пробудили в юноше живой интерес к российской старине: несколько лет он работал в Музее древностей под началом князя П. П. Вяземского, а затем исполнял обязанности редактора «Правительственного вестника», издаваемого писателем Г. П. Данилевским. Все свободное от службы время Опочинин посвящал экспедициям на север и в родное Верхнее Поволжье для розыска памятников самобытного русского искусства — икон, старинных рукописей и грамот, старообрядческих псалтирей, устных сказаний и легенд. Итогом многолетних странствий Опочинина стал богатейший этнографический материал и принесшие автору известность рассказы о путешествиях, печатавшиеся в газетах и журналах.

Читателям-охотникам будет интересно узнать, что Опочинин в своих скитаниях по российским лесам, словно лирический герой тургеневских «Записок охотника», никогда не расставался с ружьем. Кстати, он был лично знаком с самим Иваном Сергеевичем, так же как с Ф. М. Достоевским, Н. С. Лесковым, Д. В. Григоровичем, М. Е. Салтыковым-Щедриным и другими знаменитыми русскими писателями, больше того — часто выступал в печати как литературный критик. До сих пор в архивах неостребованно пылятся его неопубликованные воспоминания о встречах с деятелями отечественной культуры, среди которых, кроме писателей и поэтов, были художник И. К. Айвазовский, композитор А. Г. Рубинштейн и другие замечательные люди.

В наследии Опочинина насчитывается несколько десятков книг, исторических романов и повестей. Последний роман об эпохе царя Алексея Михайловича был издан в 1930 году, уже после смерти писателя. В романе множество сцен посвящено охоте с ловчими птицами, но о ружейной, любимой своей охоте Евгений Николаевич написал и издал две книги еще до революции — «В деревне и на охоте» (М., 1902, 1910) и «Из рассказов охотника» (М., 1907, 1911). Читателям остается лишь надеяться, что когда-нибудь у наших издателей дойдут руки до охотничьей литературы, и тогда они вместе с автором вернутся в далекое прошлое, узнают об усадебном и крестьянском быте, познакомятся с охотничьими типами старой России.

А все же — каким охотником был сам Е. Н. Опочинин? В его воспоминаниях о поэте Аполлоне Майкове есть небольшой эпизод, который характеризует Евгения Николае-

вича как веселого и неунывающего человека, какими во все времена были охотники — настоящие патриоты благой родной страсти.

«Как известно, поэт был страстный рыболов, и на Сиверскую привлекала его быстрая и говорливая река Оредеж, стремящая свои прозрачные воды между крутыми красноглинистыми берегами. Здесь много укромных местечек было излюблено А. Н. Майковым, и многие часы на восходе и на закате солнца проводил он с удочкой в руках.

Я, с детства ружейный охотник, не очень-то понимал удовольствие высидывать часами на берегу, но, случалось, сопровождал поэта в его рыболовных экскурсиях.

Однажды вечером я подошел к Аполлону Николаевичу, сидевшему с удочкой на берегу. Я опустился рядом с ним, а он, подняв кверху руку, жестом рекомендовал мне соблюдение тишины. Так сидели мы с десятком минут. От скуки я стал слагать про себя шуточные метры и шепотом говорить их Майкову:

Старец на бреге сидел и лесу далеко закинул,
Взором спокойным следил за поплавком легковесным,
Вдруг он, вздрогнув, затонул и скрылся в пучине...
Рыбать же, страстью объят, оживился:
Леской высоко взмахнув, бросил добычу на берег.
Но что же! О, боги! То был не лень, не окунь сребристый,
Ни даже щука сама, гроза пескарей мелководных,
То был, о позор — лягушонок...

Майков, не отрывая глаз от поплавка, выслушал мои стихи до конца, а потом обернул ко мне улыбающееся лицо и, ни минуты не думая, также шепотом ответил:

Ядом иронии злой, о жестокий Немврод, возмутил ты
Радость невинную ловли моей, и за это,
Предвиденья духом объятый, я предвещаю тебе:
Будут ловитвы твои бесплодны на многие годы,
И единой добычею будет тебе
Ни вепрь, ни олень многогогий и даже не заяц,—
Единой добычею будет тебе лишь чешуйнохвостая крыса.

Навсегда запечатлелась в моей памяти спокойная фигура А. Н. Майкова на фоне красивого пейзажа, при свете угасающего солнца».

Хотелось бы вернуть читателям забытое имя писателя-охотника Евгения Николаевича Опочинина, рассказ которого «Жмырь и Корноухий» мы предлагаем вашему вниманию.

М. БУЛГАКОВ

ЖМЫРЬ И КОРНОУХИЙ

Е. ОПОЧИНИН

К Григорию Ивановичу Лужину, безвыездно жившему в своей маленькой усадьбе, верстах в 300 от Москвы, приехал поохотиться его дав-

ний приятель, Алексей Алексеевич Уржумцев. Гость попал в глухое Плужниково, что называется, не в пору. Была вторая половина октября. Ран-

ние холода обещали скорое наступление зимы, но пока снегу еще не выпадало, и в охотничьем смысле время было ни то ни се. Правда, тетерева

с беспечной дерзостью прилетали чуть ли не в самую усадьбу, усеивая березы по меже соседнего с садом поля, но стрельбой из шалашей, «на чучелах» настоящие охотники пренебрегают, а охота с подъезда была еще вперед: для нее необходим был единственный путь.

Приятели поневоле довольствовались стрельбой зайчиков из-под гончих; но и эта охота скоро кончилась: единственный «смычок» костромичей, которым владел Лужин, ободрал себе лапы по обледеневшему, нестерпимо бойкому ходу, и охотники засели в бездействии, с нетерпением ожидая пороши, а с ней вместе охоты на зверя.

Волки еще с первыми заморозками появились в округе и потаскивали собак по деревням, а лисиц и всегда было много в той стороне, да взять их было мудрено: гончары Лужина были не из важных и годились, да и то с грехом пополам, лишь для охоты на зайцев. Итак, приходилось терпеливо ждать снега, только с ним открывалась возможность заманчивой охоты с окладом.

Между тем все приготовления были сделаны, пересмотрены и вычищены катушки с бечевой и нашитыми на ней разноцветными флажками; по пустошам, где издавна были примечены звериные переходы, выкинута еще с первыми холодами привада. Не хватало только снегу, но и его можно было ждать со дня на день, морозы, доходившие до 10°, стали понемногу сдавать, и ясные, безоблачные дни сменились пасмурной погодой. На востоке каждый день из-за горизонта показывалась светло-серая туча, в которой, казалось, так и висел снег.

Но он все висел и никак не хотел падать, словно боялся запачкаться об эту грязно-бурую землю, об эти смерзшиеся комки на дорогах.

Приятели кое-как, то за книгой, то в бесконечных рассуждениях и рассказах об охоте, коротали дни, с тоской поглядывая на праздные висевшие ружья и нестерпимо надоедая друг другу. По вечерам в уютную столовую плужниковского дома, где они сидели за бесконечно сменявшимся самоваром, неизменно являлся единственный егеря Лужина, он же и лесник, и «пскович»-окладчик, никогда, впрочем, не выдавший Пскова и Псковской губернии, — старик Степан Жмырь, прекрасный следопыт и охотник. В угоду барину, выросшему на его глазах и под его руководством пристрастившемуся к охоте, он только недавно выучился «псковскому» способу оклада зверей и теперь действовал, что называется, «без осечки».

Охотник он был страстный. Несмотря на свои семьдесят лет, он и теперь еще ходил за лосями не иначе, как гоном, и, случалось, делал переходы без отдыха на лыжах по несколько десятков верст. Страсть к охоте стран-

ным образом уживалась у Жмыря с нежной любовью к животным и даже диким зверям. Он ласково называл зайцев «зайчиками», волков — «волчками», награждая их всегда в своих рассказах эпитетами «милых», «сердешных», что не мешало ему беспощадно истреблять и тех и других.

Летом он заботливо подбирал выпавших из гнезд птенцов, выращивал их и потом выпускал на волю. В маленьком флигеле, где он жил, всегда обитало несколько обрученных зайцев, которым он в великие праздники дарил свободу. Случалось, у него воспитывались даже целые гнезда лисенят. Вырастая, они представляли довольно значительную ценность своими шкурами, но это ничуть не соблазняло старого охотника: вдоволь налюбовавшись, он всегда выпускал их на волю, унося куда-нибудь подальше в лес, чтобы прирученные звери на свободе освоились с новой обстановкой и не попали на злого человека.

Как и большинство охотников из народа, Жмырь был донельзя суеверен. Провода большую часть жизни в лесу, он верил в существование «лесовиков», «вольных», специальность которых путать и сбивать человека с дороги, в заговоры ружей и во всякую иную нечисть и колдовство. Он никогда не стрелял луговок из-за их печального, жалобного крика. «Не надо эту птицу бить», — говорил Жмырь, — вишь, она Богу жалуется...» Не бил он также голубя, называя его «святой птицей», а ворона не стрелял из боязни, чтобы он когда-нибудь не пообедал его костями.

Своей наружностью Степан Жмырь, на первый взгляд, производил не совсем приятное впечатление: высокий, сутуловатый, с лицом, заросшим седеющими волосами, он держался всегда понуро, был угрюм и сосредоточен. Но стоило ему произнести одно слово, взглянуть на собеседника своими ласково-задумчивыми глазами, и впечатление это бесследно пропадало: в голосе его, свежем и необыкновенно приятном, в самой манере говорить было столько искренности, задушевности, что это сразу располагало в его пользу. Глазам старика, наивным и в то же время глубоким, завидовавшие его удачам местные промышленники-охотники приписывали даже чудодейственную силу. «Не гляди, что он прост», — говорили они про лужинского егеря, — он «слово» знает, да и глаз у него особый — стоит ему взглянуть, будь лось, волк али лиса — на всем бегу станет... Ну, ему стрелять-то и с полаторя».

Особенно утвердилась такая слава за Степаном Жмырем лет шесть назад, благодаря одному не совсем обыкновенному случаю.

Как-то раз летом, бродя с собакой по горелым пустошам, он в непролазной чаще наткнулся на выводок

волчат. Скрылась ли волчица, заслышав человека, или она была убита, только ее не было около выводка, и охотник беспрепятственно забрал маленьких волков. Их всего была пара, и они до того были заморены, что Жмырь не надеялся донести их до дому. И действительно, один из волчат поколеб дорогой, а другого Степану удалось, как он выражался, «отдышать». Вот этого-то уцелевшего волчка он и принялся воспитывать с такой нежностью и заботливостью, как будто это был не дикий зверь, а дорогая охотничья собака.

К трем месяцам волчонок обнаруживал уже необыкновенную смысленность, подходил на кличку Волчок и даже на свист, как собака, был чрезвычайно доверчив и ласков не только к хозяину, но и ко всем жителям усадьбы. Никакого поползновения оправдать известную пословицу, т. е. убежать в лес, он не обнаруживал, и кончилось тем, что Жмырь предоставил ему полную свободу: он без цепи бегал по усадьбе, подружился с собаками, ел с ними из одной чашки. Только гончие, сидевшие в запертом хлеву, никак не могли освоиться с его пребыванием в усадьбе и при всяком приближении Волчка к их хлеву поднимали неистовый лай и вой. Эта упорная ненависть чуть не стоила жизни бедному зверю: как-то после кормежки гончих забыли запереть дверь их хлева, и они вырвались. На беду, Волчок в это время, ничего не подозревая, носился по двору со своим близким другом, кофейно-пегим пойнтером Барсом. Свирепые псы дружно напали на несчастного волка, принялись трепать не на живот, а на смерть. Прибежавший на его неистовый визг Жмырь едва успел отбить его от собак. Но, увы! Из этой неравной борьбы бедный зверь вышел обезображенным: он лишился большей половины правого уха и с той поры приобрел новую кличку — Корноухий. Почему-то она всем понравилась более старой, и скоро прежний Волчок стал называться Корноухим. Привык он к этому новому своему имени очень быстро, а старое было забыто.

Прошел год, и Корноухий обратился в матерого зверя, который, к общему удивлению, не думал ничем обнаруживать своей хищной природы и оставался по-прежнему ласковым и ручным. Вот тут-то и пошел слух о необыкновенной силе взгляда старика Степана: о нем говорили, что стоит ему только взглянуть — и лютый зверь станет кротким, как ягненок. Но говорившие так, конечно, не знали, какого труда стоило старику добиться этой кротости...

В конце концов Корноухий все же отплатил своему хозяину черной неблагодарностью за все его заботы. Однажды в темную осеннюю ночь, когда Жмырь выпустил его «погулять»,

он, выйдя на двор, остановился неподвижно, как будто прислушиваясь к чему-то, потом поднял голову, насторожился и вдруг бросился за ворота и исчез бесследно... Старик долго звал его, свистал, но все было напрасно. Тогда он припомнил, как перед тем прислушивался к чему-то Корноухий, и все понял: из-за леса едва слышно доносились печальные, томящие ноты волчьего воя... Зверь услышал этот призыв на волю и пренебрег нежными попечениями человека...

Степан сильно затосковал о своем сером питомце. С неделю ходил он по усадьбе угрюмый, неразговорчивый, не отвечая ни слова на расспросы о Корноухом. Только барину, Григорию Ивановичу, когда тот спросил, куда девался волк, он удостоил лаконически ответить, да и то смотря куда-то в сторону, что «волк ушел»...

— Как ушел? — переспросил удивленный барин. — Убежал, что ли?

— Ну, хоть убежал, — нехотя ответил Степан. — Видно, воля-то дороже житья...

Больше, как ни старался, ничего не мог добиться Григорий Иванович от старика. Временами он бывал даже словоохотлив и с удовольствием повествовал о прежних охотах, восхваляя старые времена, «когда и птицы, и зверя было больше», но о Корноухом молчал как могила. Только почти через пять лет, перед самым приездом в Плужниково Уржумцева, Жмырь без всякого вызова со стороны барина

поведал ему об истинно волчьей неблагодарности своего любимца и подробно рассказал о его побеге.

Таков был егерь Лужина, каждый вечер приходивший беседовать с ним и его гостем в столовую плужниковского дома.

Однажды он явился раньше обыкновенного и с таинственным видом сказал, махнув рукой куда-то перед собой:

— Каждую ночь ходят... Жрут...

Григорий Иванович обрадовался — он понял, что речь идет о волках и приваде, но тут же снова затосковал, вспомнив, что снегу еще нет и что без него охота невозможна.

Словно угадав его мысль, Жмырь с уверенностью сказал:

— В ночи снег пойдет беспрерывно: у меня весь день поясница болит. Денек-другой, а там и обложит можно. След-то, чай, дадут...

Предсказание старика оправдалось: проснувшись утром, приятели с восторгом увидели, что и двор с побуревшей травой, и грязная дорога, и крыши усадебных построек — все покрыто слоем первого, порхового снега.

Жмырь куда-то пропал и не показывался весь день. Вечером он по обыкновению пришел посидеть в столовую, но был неразговорчив и скоро ушел спать. На другой день утром он тоже пропал и вернулся только около полудня, запыхавшийся, усталый, но торжествующий и веселый. Не заходя в дом, он велел закладывать лошадь. Приятели, наблюдавшие за ним в окно, поняли, что дело идет хорошо.

Не прошло и получаса, как Лужин со своим гостем уже плелись в рощах на место оклада в сопровождении пятерых мужиков, захваченных в попутной деревне в качестве загонщиков.

Приехав на «место», оказавшееся небольшой полузаросшей сечей в перелеске у так называемого Великого болота, Жмырь поставил охотников на «номера» и пошел расставлять «загон». Перед уходом он шепнул Лужину, указывая на видневшиеся неподалеку на снегу крупные волчьи следы:

— Зверь большой! Гляди, не прозевать бы... Оклад-то невелик — чай, сразу выскочит...

Старик ушел вместе с загонщиками, и Григорий Иванович остался один. Шагах в сорока от себя он увидел укрывавшегося за кустом можжевельника Уржумцева, который старательно обламывал веточки, мешавшие стрельбе.

«Ишь, старается! — подумал по адресу приятеля Лужин. — Еще придется или нет стрелять-то. Может, и не на тебя пойдет...»

Эта эгоистическая мысль как-то против воли зародилась в голове Григория Ивановича. Ему как будто и хотелось, чтобы зверь вышел на

«номер» гостя, и в то же время было жаль себя.

Прошло с полчаса. В лесу была мертвая тишина. Только неугомонные маленькие «гайки» чуть слышно шуршали в кустах, попрыгивая по веткам, да время от времени раздавался мягкий звук падения снежной осыпи с деревьев. Охотник стоял, нервно вздрагивая и сжимая рукой ружье. Рядом едва заметный ветерок играл яркими ленточками флагов на протянутой по кустам бечевке...

Вдруг где-то далеко впереди, «в загоне», послышался отрывистый громкий выкрик, за ним другой, и тишины как не бывало. Молчаливый до того лес загоготал, залотошил на разные лады...

Григорий Иванович замер в ожидании. Сердце неистово билось у него в груди, стесняя дыхание. Устремив взор в однообразное пространство прямо перед собой, он, не мигая, переводил взгляд с одного куста на другой. Вот что-то серое мелькнуло из-за куста впереди... Вот оно скрылось и на мгновение показалось снова... Но вот, наконец, теперь уже совершенно ясно. Через маленькую полянку, между мелкой порослью, тяжелым галопом скачет, распушив свое пушистое «полено» и слегка понувив острую морду, крупный, матерый волк... Однако он скачет не на него, Лужина, а на соседний номер... Григорий Иванович чуть не закричал с досады... Но что это? Зверь метнулся в сторону, к нему... «А! Видно,

не вытерпел, выставился из-за прикрытия!» — не без злорадства подумал охотник и поднял ружье.

— Дошел! Дошел! — с торжеством закричал он что есть силы по направлению «загона».

Скоро приятели сошлись около убитого волка, любовались им, дивясь его редкой величине. Подошел с загонщиками и старик Жмырь. Он наклонился над зверем, но вдруг страшно побледнел и отшатнулся...

— Что это с тобой? — не без тревоги спросил его Григорий Иванович.

Старик, едва шевеля губами, бормотал что-то непонятное. Только и можно было разобрать в этом лепете одно часто повторяемое слово:

— Пришел-таки... Пришел...

При этом Жмырь указывал рукой на голову зверя.

Лужин присмотрелся к убитому волку и только тут заметил, что одно ухо у него тупое, словно отрезанное наполовину, и понял все... Корноухий, на свою беду, пришел-таки к своему старому хозяину...

Для наших охотников это происшествие имело немаловажные последствия: Степан Жмырь натрез откачался от всякого участия в окладах зверей и собрался на богомолье.

— Это он за мной приходил... Пора и моим костям на место, — твердил старик в ответ на все просьбы и убеждения.

Рисунок Б. Игнатьева

Николай Владимирович Тимофеев-Ресовский: Очерки. Воспоминания. Материалы.— М.: Наука, 1993.— 395 с.

Книга представляет собой коллективный труд, посвященный памяти крупнейшего генетика современности, одного из основателей радиобиологии, выдающегося биолога-эволюциониста Н. В. Тимофеева-Ресовского. В числе авторов книги коллеги, ученики, друзья и современники Н. В. Тимофеева-Ресовского — наши соотечественники и зарубежные ученые. Со страниц их воспоминаний предстает не только выдающийся ученый, но и грандиозный по масштабам своей личности человек.

Экологический букварь. Международный фонд социально-экологической помощи.— М.: Экоиздат, 1993.— 10 000 экз. 69 с.

«Экологический букварь» позволяет юному читателю освоить и запомнить новые слова и термины, которые скоро войдут в правила. Они помогут ориентироваться в происходящих событиях, давать им оценку и не совершать необдуманных поступков. Книга хорошо иллюстрирована.

Альманах «Охотничьи просторы». Кн. 1.— М.: ПТП Эра, 1994.— 15 000 экз.

Издательством охотничьей литературы «ПТП Эра» выпущена в свет и распространяется подписчикам первая книга российского альманаха «Охотничьи просторы». Альманах имеет 256 страниц большого формата, красочную обложку, иллюстрирован фотографиями, рисунками, старинными гравюрами и напечатан на хорошей бумаге.

«Костры и зори» — наиболее емкий и содержательный раздел, который познакомит читателей с новыми записями В. Астафьева, воспоминаниями ученого-эмигранта К. Давыдова, записками старого геолога Г. Котельникова, главами из новой книги Н. Старченко «Закрайки», рассказами Ник. Смирнова, М. Булгакова и других авторов.

В разделе «Классика русской охоты» целиком представлена книга известного писателя-охотоведа Н. Зворыкина «Охота на волков с флагами», представляющая сегодня огромный практический интерес.

В «Книжной лавке» альманаха любителей книги ждет большая и серьезная статья об истории охотничьих альманахов с дореволюционного времени до начала 40-х гг. Публикуются аннотации на выходящую в России охотничью литературу и принимаются заказы на высылку книг, список которых опубликован по адресу: 143900, Московская обл., г. Балашиха, 9, а/я 96. Телефон 528-03-42.

В Издательстве «ЭКОЛОГИЯ» выходит в свет книга М. М. Блюма, И. Б. Шишкина «ОХОТНИЧЬЕ РУЖЬЕ», объемом 400 стр. с цветными иллюстрациями в твердом переплете.

По вопросам приобретения обращаться по тел. 928-38-43, 921-15-72.

ОТВАЖНАЯ
ОХОТНИЦА

КУРТКА
БЕЗ РАЗМАХА

СЛУЧАЙ
НА ОЗЕРЕ

Есть в Ханты-Мансийском округе речка Батлымка, которую еще недавно называли «золотым дном» за то, что одним неводом брали в среднем по 20—25 тонн ельца (рекорд 1966 г.—80 тонн). В этом месте много веков назад обосновались ханты, перекочевавшие с соседней речки Казым, впадавшей в Обь. Главным их занятием были рыбалка, охота, оленеводство. Жили в землянках, пропитание добывали сообща. Затем от пришлых людей научились строить дома с обогревом от глинобитного чучала, а позднее — от железной печки. Так было образовано поселение Мойм по названию одноименного притока Батлымки.

Вот в этом поселке и родилась в 1935 г. девочка Уля, а ныне Ульяна Ивановна Пендыхова. С детских лет она приобщилась к труду взрослых, ведь жизнь колхозников никогда не была легкой, тем более в северной тайге. В 1961 г. в наших округах произошло укрупнение колхозов, большинство их передали рыбозаводам и совхозам. На Батлымке они слились с Центром и Мойм заглох, захирел. Ульяна осталась здесь с родителями пасти колхозных оленей. Через изгородь длиною в несколько километров свободно перелезали медведи и охотились на животных. Отец Ульяны ставил на них капканы, настаивал давилки, стрелял из бердан. Ульяна во всем ему помогала, обучалась рыбачить и охотиться. После смерти отца боролась с медведями самостоятельно. Занятие охотой так увлекло ее, что она не поехала в Батлым после ликвидации оленьего стада, а осталась в Мойме, оформившись охотницей в промысловое хозяйство.

Пишу я об этой женщине потому, что на счету ее 16 медведей. Не припомню ни одного штатного охотника, который добыл бы хотя бы треть этого количества. А ведь с этим зверем и не каждый из мужчин решится встречаться. Кстати, вот вам пример.

Как-то в один из сезонов объявился у Ульяны в угодьях шатун. Уговорила она своего напарника уничтожить его, чтобы не мешал и случаем не съел ее в тайге. Утром на лыжах поднялись по свежим следам. Ульяна впереди, мужик сзади. Вдруг из чащобы шатун кинулся им навстречу, вскинула она ружье, жмет на курок, а бердана не стреляет. То ли капсюль попал плохой, то ли смазка застыла. Медведь остановился, фыркает, ревет, слюной брызгает. Ульяна на него кричит, вероятно, со страха. И зверь отступил. Оглянулась, а мужика-то уже нет. Погналась за ним, отобрала ружье, догнала шатуна и прикончила. А наутро выгнала из своего зимовья этого труса.

Однажды Ульяна Ивановна подстрелила в берлоге медведицу и нашла там двух медвежат. Пришлось ей самой их выкармливать.

В прошлом году в Ханты-Мансийском округе проходил фестиваль финно-угорских народов. Пожилая, но подвижная и бойкая охотница очень понравилась представителям северных стран и они наперебой стали приглашать ее в гости. Уговорил представитель Норвегии. Собрали ей в районе валюту, с трудом оформили документы, и побывала Ульяна Ивановна в далекой стране. Там ее приняли очень радушно. Обратило она привезла много красивых цветных фотографий.

Ульяне Ивановне уже под шестьдесят, но не сидится ей дома. Прошлой осенью перед ледоставом уехала с собаками на лодке в свое зимовье и там вновь рыбачила и немалюко охотилась. Угодья очень оскудели, так как вокруг работают лесорубы и разведчики недр, постоянно рыскают браконьеры.

А. ЗЕЛЕНИН
Ханты-Мансийский округ

Здравствуйте, уважаемая редакция! Мне 45 лет, охотой занимаюсь уже 20 лет. Журнал выписываю с 1975 г. Раньше я только дважды писал вам в рубрику «Голубой песец на ветке», а хочется иногда с кем-то поделиться впечатлениями, а нередко и горьким опытом прошедших охот. Вот я и решил рассказать начинающим охотникам один поучительный эпизод. Утром на машине мы заехали за егерем, и он повез нас в охотничьи угодья. Объезжая места переходов кабанов, мы выехали в поле, где по чьей-то халатности, или благодаря сюрпризам погоды, остались в зиму большие массивы несхоженной кукурузы и подсолнечника. Кабаны следы вели в кукурузное поле.

Поставив номера из восьми человек, пошли в загон. Я был

в новой охотничьей куртке, сшитой женой, по моему спецзаказу. Подпоясавшись патронатом и зарядив ружье, пошел краем поля, переключаясь с другими загонщиками. Только двоим из них, идущим по краям поля, егерь разрешил зарядить ружья. Стрелки стояли на месте предполагаемого перехода кабанов, в ста метрах от кукурузного поля. Гопающая линия загонщиков уже прошла половину поля, когда я услышал какой-то шум сзади. Кабан выскочил недалеко от меня и понесся в сторону, по кукурузе, сбивая снежную пыль с листьев. Но вскинуть ружье к плечу я не смог, так как куртка, перетянутая патронатом, не дала рукам сдвинуться с места. Кое-как, с немощным усилием, я приложил приклад к плечу и выстрелил по еле видимому в снежной пыли секачу. Выстрел оказался удачным, пуля Майера попала в позвоночник. Только теперь я оглядел свою куртку, подняв руки вверх и в стороны. Размаха не было — совсем тесно. А это я должен был предвидеть, и если бы от этого выстрела зависела моя жизнь, счет был бы 1:0 в пользу кабана.

Е. КУРИЛОВ
г. Саратов

Уважаемые издатели журнала! Решил написать вам письмо. Я сам выписываю журнал с 1985 г. До этого, когда жил с родителями, его выписывал мой отец. Помню еще с детства очень любил рассматривать ваш журнал. И могу с уверенностью сказать, что буду выписывать его всегда.

Хочу попросить вас об одном одолжении. Может, у вас найдется место под рубрикой «Письма читателей» опубликовать мою благодарность работникам Ижевского оружейного завода. Дело вот в чем. Осенью 1993 г. во время охоты случилось непредвиденное. Из-за неправильной зарядки патрона произошел разрыв левого ствола. Для меня это была настоящая трагедия, поскольку мое ружье было штучное, отличалось хорошим резким боем и кучностью.

Я написал на завод в Ижевск. Вскоре пришел ответ за подписью начальника оружейного цеха С. П. Иванова, в котором обговаривались условия ремонта и сроки. В феврале я отправил ружье на завод, а в мае уже его получил. Вострогу моему не было предела. Отремонтированное ружье ни в чем не уступало старому. Я благодарю работников этого завода за качественный ремонт и желаю им всего самого наилучшего.

С нетерпением жду выхода очередных номеров журнала!
И. МИКУЛЯН
Красноярский кр.

Здравствуйте! Я работаю охотводом района. Написать это письмо меня побудила статья Н. Астафьева, опубликованная в № 4 за 1994 г., затрагивающая проблему прав работников природоохранительных органов.

По данным ЗМУ, в угодьях нашего района насчитывалось 1150—1430 лесей, а плотность их населения достигала 12—16 особей на 1000 га. Ежегодно проводился лицензионный отстрел 130—150 сохатых. В угодьях еще есть что охранять!

За десять последних лет по разным причинам погибло 242 лоса, в том числе браконьерами добыто 90. В 1993 г., например, незаконно отстреляны 21 лось, 1 кабан, 1 медведь. Масштабы браконьерства на диких копытных животных не сокращаются, а в последние годы для этих целей все интенсивнее используется автотранспорт.

С 1984 по 1993 г. в районе выявлено 135 нарушителей Правил охоты, 19 человек за грубые нарушения исключены из общества охотников. За этот период общественными инспекторами выявлено 15 нарушителей, причем за последние три года не составлено ни одного протокола. Жизнь показала — в настоящее время общественная инспекция исчерпала свои силы и возможности, а роль охраны диких животных могут выполнять только штатные работники природоохранительных органов, наделенных правами работников милиции.

Действующие уголовное и административное законодательство, призванные защищать права, жизнь, имущество работников природоохранительных органов, на деле оказываются не более чем фикцией, так как из-за юридической казуистики и судебных проволочек не удается их реализовать и достичь желаемой цели.

В феврале 1994 г. при проведении учетных работ я неожиданно встретил в лесу группу из шести человек, занимающихся незаконной охотой на лоса. Четверых из этой «банды» я раньше привлекал к ответственности за нарушения Правил охоты, у двоих конфисковал ружья, а Т. Г. Мухомедьяров имел к тому же три судимости за уголовные преступления. Что я должен был предпринять в этой ситуации? Бежать за подмогой и тем самым потерять время или задержать нарушителей. Я решил задержать браконьеров, приказав им остаться на месте и сдать ружья.

Все из задержанных хорошо знали меня, знали и о последствиях этой охоты, но более всего они боялись потерять незарегистрированные ружья — столь необходимый предмет для браконьера. На мою команду подчинились только двое

и сдали ружья, остальные стали разбегаться. Я снова приказал им остановиться, после чего Т. Г. Мухомедьяров снял с плеча ружье, как потом оказалось, заряженное двумя пулевыми патронами, взвел курки и со словами: «Сейчас убью» стал целиться в меня. В ответ я вскинул свое заряженное ружье, направил на Т. Г. Мухомедьярова, громко крикнув: «Брось ружье, я стреляю!» — и встал рядом с одним из браконьеров, надеясь, что Мухомедьяров не осмелится выстрелить.

У пятерых браконьеров я изъясил ружья, а по факту угроз убийством в мой адрес в отношении Т. Г. Мухомедьярова было возбуждено уголовное дело в части 1 статьи 193 УК РФ, однако прекращено вскоре. Цитирую из постановления: «...за недоказанностью вины Т. Г. Мухомедьярова», так как все свидетели этой сцены, естественно, отрицали такую угрозу.

Я имел право стрелять в Мухомедьярова, когда он стал целиться в меня, но тогда из защитника природы и своих прав я невольно превратился бы в преступника, убийцу по той простой причине, что у меня не было свидетелей, ведь их много, а я один!

В. И. ПОЗДЫШЕВ
Ярославская обл.,
Большесельский р-н.

Уважаемая редакция! Внимательно читая каждый номер журнала, я обратил внимание на статью, опубликованную в № 1 за 1994 г., «Ошибки, приводящие к трагедиям» и вспомнил свою утиную охоту весной 1964 г.

Охотился я с замечательным человеком и уважаемым в области охотником А. Г. Косоруковым на Вербильском кордоне. У него было ружье марки «Меркель» бескурковый. Утро выдалось пасмурное, моросил мелкий дождь, и утки почти не летали, редко был слышен крик селезня, да и наши две утки сидели молча, намолкли и не создавали радостного настроения.

Я держал ружье ИЖ-54 стволами вверх на левой полусогнутой руке, а ружье Анатолия лежало на дне лодки стволами к нему. Он решил взять его и слегка потянул стволы в сторону от себя, и в это время... о, Боже, ружье оглушительно выстрелило дуплетом в борт лодки. Мы оба потеряли дар речи. И какое счастье, что стволы были направлены чуть в сторону. В лодке образовалась огромная дыра, которую мы закрыли жгутом сена и вскоре, забрав подсадных, подошли к берегу.

Мы много передумали об этом случае. Если бы произошло несчастье, трудно было бы до-

казать, что ружье выстрелило само из-за неправильного с ним обращения.

Осенью того же года Анатолий погиб в автомобильной катастрофе.

Г. БЕЛАНОВ
г. Липецк

Озеро это довольно большое, около 2 км длиной. Задняя его часть, наиболее мелководная, заросла кувшинками и камышом. В середине небольшой островок, очень тонкий, с небольшим пятачком твердого грунта, там росли сосна, две березы и несколько ивовых кустов. Вот здесь местные охотники и устроили лабаз, настил из палок, расположенный на высоте трех метров. На этом лабазе я, имея на то разрешение, решил поохотиться на лося. Своего ружья у меня тогда не было, и я взял у одного охотника старую курковую «тулку» 16-го калибра. Ружье было сильно изношенное, стволы пошатывались, латунные гильзы, как потом оказалось, были раздуты.

По молодости и неопытности я не придавал всему этому большого значения, но именно это и привело к последствиям, едва не ставшим для меня трагическими.

В тот день, добравшись до озера, я нашел старенькую плоскодонку и около шести часов вечера причалил к острову. Лодку оставил в зарослях камыша, а сам устроился на лабазе и стал ждать. Вскоре стемнело, но видимость была неплохая, светила луна. Воздух был наполнен всевозможными звуками, но среди них я уловил характерные звуки кормящегося лося. Судя по ним, лось двигался вдоль берега в мою сторону. В тот момент, когда он уже был близко, луну закрыла неожиданно появившаяся туча. Наступила кромешная тьма. Лось между тем подошел совсем близко, но я, как ни напрягал зрение, ничего не мог увидеть. Нервы не выдержали, и я принял необдуманное и рискованное решение. Спустился на землю, на ощупь подобрался к реке, вдруг камыш зашумел, и я увидел темную массу,двигающуюся в мою сторону всего на расстоянии нескольких метров. Взвел курки, вскинул ружье и не целясь выстрелил. Вспешке я выстрелил из обоих стволов одновременно и на какое-то время оглох от грохота. Вспышка на секунду осветила голову лося с огромными рогами. Пули, вероятно, прошли ниже головы, так как я стрелял на уровне своего роста, но лось был оглушен и ослеплен. Он взревел и стал бешено крутиться на одном месте. Я отскочил на несколько шагов, извлек гильзы и сунул в патронник пулевые патроны. Левый зашел свободно, а правый только до половины. Попытка забить

его до конца или вытащить ни к чему не привела. А лось все еще продолжал крутиться так близко, что болотная жижа из-под его копыт долетала до меня.

В растерянности я стал пятиться назад, пока не уперся в лодку. Отступать дальше было некуда. Наконец лось, оправившись от контузии, побежал.

Не знаю, чем бы кончилась эта охота, если б он побегал в мою сторону, но хрустнули поломанные кусты, раздался плеск воды, и все стихло. С того случая я хожу на охоту только с совершенно исправным оружием, а все патроны после снаряжения прогоняю калибровочным кольцом.

В. ПЕЛИНЕНКОВ
г. Архангельск

Здравствуйте, уважаемая редакция! В свою очередь выражаю вам благодарность за журнал, который с удовольствием выписываю и читаю уже много лет. Любительской охотой увлекаюсь около 30 лет. Никогда не было жажды убивать, величайшее удовлетворение охотника, считаю, — это общение с природой, с каждым разом познавая ее силу, премудрости, нежность и ранимость. Для меня гонный голос собак подобен волшебству, он будоражит душу и дает огромную энергию организму. Неизменно влюблен я в эту музыку, она чарует меня даже при воспоминаниях.

Гончих собак уберечь трудно, но особенная любовь к ним заставляет снова и снова заводить их и заботливо выращивать. К счастью, я не один такой любитель. Наш председатель сельского первичного охотколлектива М. С. Ильин — страстный любитель природы и гончих собак. Это привилось ему еще с раннего детства, когда он с завидным воображением «охотился» с палкой. Но есть у нас, бутырских гончатников, одна общая беда — охотиться становится не на кого.

Несколько слов об оружии. Журнал за предыдущие годы публиковал охотничье оружие фирм Германии, Франции, Англии, США. Но мне не попада-

лось публикаций об итальянском охотничьем оружии. Очень прошу опубликовать. В Италию часто ездит мой родственник, он может привезти ружье, а какое выбрать, ни я, ни он не знаем.

В. М. ТАМБОВЦЕВ
Воронежская обл.,
с. Бутырки

Эта встреча с медведем произошла у меня уже в зрелом возрасте, когда я имел солидный охотничий стаж. Декабрьским морозным днем я с лайкой Фартиком охотился в лесу, раскинувшись вдоль берега реки Сабы. В густом ельнике на снегу обнаружил свежий след хоря. Фартик с азартом пошел по следу и скрылся в зарослях елового подроста. Я направился за ним и вдруг услышал злобный заливающий лай. Поспешил, но когда выбрался из ельника и выпрямился, то от неожиданности замер на месте. Метрах в 20, поднявшись на задние лапы, стоял огромный медведь и пристально смотрел на меня.

Я инстинктивно сорвал с плеча ружье, вскинул его, прицелился, но вовремя остановился. Ружье было заряжено патронами с мелкой дробью. Но медведь неожиданно опустился на четыре лапы и, повернувшись ко мне жирным задом, исчез в зарослях.

На краю болота, густо поросшего молодым ельником и ивовым кустарником, на возвышенном месте я увидел берлогу. Она выглядела как большое воронье гнездо диаметром около двух метров с углублением в середине. Я расположился около берлоги, приготовил фотоаппарат. Вскоре вернулся Фартик, который побегал за медведем. Он часто дышал и полным ртом жадно глотал снег. Немного успокоившись, пес обследовал кусты и обнюхал берлогу. Затем, к моему удивлению, забрался в медвежью «гнезду». Там я и сфотографировал собаку, которая в «схватке» с медведем чувствовала себя победителем.

М. ЯКОВЛЕВ
Санкт-Петербург

ПИСЬМА
ЧИТАТЕЛЕЙ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ ЕРМОЛОВУ

М. Г., Вы интересуетесь моею охотой и желаете знать более любопытные эпизоды из моей охотничьей практики. Охотно исполняю Ваше желание и на этот раз опишу Вам один незаурядный случай из минувшей осени. Но так как этот замечательный случай был с одной из приобретенных мною у Вас собак и заслуживает общего внимания гг. псовых охотников, как вполне оправдывающий то предпочтение, какое оказывают многие из них именно вашим борзым, то эпизод этот, по моему мнению, должен быть помещен в журнале «Природа и Охота». Прежде однако чем приступить к рассказу, я желаю оговориться только лично за себя, так как то соображение, что в действительность описываемого здесь эпизода не все уверуют, крайне стесняет меня и если бы этот случай касался исключительно моих собак, а не Ваших, то понятное дело, это, как и многое другое, было бы известно очень немногим. Но пусть Фомы неверующие останутся Фомами и в отношении печатного слова (с которым я в первый раз очень смело выступаю), эти Фомы всегда были и будут.

26 минувшего сентября, охота моя, состоящая из 7 свор борзых при 14 смычках гончих, брала не очень большой Карпов лес, близ села Сухой-Солотины (Обоянского уезда). Разместившись по лазам и бросив в этот остров гончих, мы были удивлены продолжительной горячей гоньбой с влзаванием, что несомненно означало, что гон происходит по волкам, которые, между тем, вопреки обыкновению, медлили выходить. Мы, т. е. моя сестра и я, помещавшиеся на охотничьих дорогах, запряженных тройкой, заняли, по-видимому, малонадежный лаз на красного: стоявшие же по сторонам от нас два борзятника продвинулись ближе к опушке, предполагая, что гоньба идет по русакам и потому травить последних будет удобнее, в виду близости другого в тылу острова. Вслед за этим с правой стороны нас, в лощинке, что-то мелькнуло — глядим, а волк уже прошел нас и машет в соседний за нами остров. Конечно, мы не выдержали и принялись травить, а чтобы наша тройка скорее могла доскакать и управлявший ею кучер (в душе отчаянный охотник) свободнее мог бы принять зверя, мы сошли с дрога, а его послали к тому месту, где наши собаки уже дошли и свалили этого волка; но волк, по-видимому, был из матерых — матерый сбросил собак и пошел дальше по срубленному лесу; собаки ушли за ним, а дроги направились в объезд леса, рассчитывая на другой стороне перерезать путь волку, куда поскакал и борзятник, стоявший от нас вправо; но все это оказалось напрасным. В это время прямо на нас выносится другой волк, а за ним рыскавший без своры у соседнего борзятника Ваш псовый Бросок и, не допуская до нас приблизительно ста сажень, взял его по месту так хорошо, что я вместе с сестрой, не отличающиеся физической силой, имели время добежать и возможность сострунить сворою этого волка, и настолько удачно, что когда вернулись дроги, то мы с помощью кучера положили на них волка. Волк этот оказался переряком.

В эпизоде этом замечательно лишь то, что Бросок взял один переряка и держал его настолько крепко, что дал возможность сострунить его нам, т. е. двум женщинам.

Бросок, как Вам известно, приобретен мною у Вас в августе 1881 года месячным щенком, а потому небезынтересно будет Вам, если я опишу теперь его наружность: масти он светло-половой, рост едва аршин; с прекрасной сухой головой, с темными навывкате глазами; уши поставлены немного широко, но в затылке; правило в окороте саблистое; на хороших ногах, с вывернутыми в поле локотками; корпус с сильно развитой мускулатурой, с небольшим верхом; широк, бочковат, со спущенными ребрами до локотков и в длинной густой псовине. Общий вид его массивен и угрюм; скачет вообще резво, но в особенности хорошо у него бросок накоротке.

Затем, заканчиваю это письмо моею искреннею благодарностью, как за Броска, так и за других борзых, приобретенных мною у Вас, многоуважаемый Николай Петрович.

Ольга УЛАГАЙ

1883 г. Декабря 6 дня
д. Бабыкино (Обоянского уезда)

«Природа и Охота», № 12, 1883 г.

НЕЗАКОННОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ ДИЧИ

В Георгиевской волости, Рыбинского уезда, в дд. М. Харинец, Шлыково, Степаньково, Грибово, Б. и М. Мхи и др., крестьяне-охотники, а в особенности подростки занимаются ловлей тетеревей и рябчиков различными силками и пружками. Так, например, в августе текущего года, охотясь в названной местности, я находил в лесах много подобных снарядов, которые, конечно, тут же и уничтожал, а ночью по деревьям, неоднократно видел пойманных молодых тетеревей и рябчиков, уже задавленных петлями. Силки и пружки расставляются по тем местам, где постоянно держатся выводки тетеревей и рябчиков, что хорошо вызнается пастухами и крестьянами-ребятишками во время ежедневных экскурсий за ягодами и грибами.

Приманкою служит рябина и брусника. Расчет безусловно верен: как известно, выводки придерживаются в лесу одного и того же места, горожане-охотники заглядывают сюда изредка, а наловленная дичь имеет хороший сбыт в городе по гостиницам. Зимую же в означенных местах крестьяне ловят капканами зайцев, количество которых за последние 5—7 лет уменьшилось примерно раз в 10.

Я был бы очень рад, если бы моя заметка попала на глаза г. земскому начальнику 1-го участка (г-ну Сабанееву, охотнику), который, конечно, едва ли пропустит подобное безобразие безнаказанно.

Л. АЛЕКСАНДРОВ
«Охотничья газета», № 30, 1902 г.

СЛЕПОЙ ЗАЯЦ

В своих заметках о подранках, которых приходится наблюдать каждый охотничий сезон, я не раз упоминал о зайцах. Последние наичаще встречаются с различными повреждениями, между прочим, с бельмами, кривые и пр. Интересный бельяк убит был года три тому назад, осенью под Ярославлем, внуком поэта, г. Некрасовым. Названный охотник ходил с гончими близ своего имения, Грешнева. Собаки подняли зайца и гоняли его целых три часа в страшной лесной чаще, где бельяк все время кружил на небольшой площади. В конце концов г. Некрасов его убил. Такое необычное поведение зайца очень удивило охотника. Осматривая свой трофей, г. Некрасов заметил, что у бельяка отсутствуют оба глаза, а вместо них зияют темные впадины, уже успевшие зарубцеваться. Не оставалось сомнения, что заяц этот когда-то был стрелян, лишился обоих глаз, но благополучно выжил. Остается только изумляться, как мог он, будучи слепым, три часа кружить лесной чащею, ни разу не попав в зубы собак!..

Л. АЛЕКСАНДРОВ
«Охотничий вестник», № 24, 1909 г.

* * *

Один лесничий удельного ведомства, некто Г. М-ий, рассказал мне следующий случай. В Красностанской лесной даче прошлую зиму производилась рубка, главным образом заготавливались бревна, а потому вершины отпиливались и до весенней уборки оставались на месте, бревна же вывозились для сплава на реку Мсту.

В начале мая, по обыкновению, началась уборка вершинника, валежника, обрубленных сучьев, хвороста и т. п.; все складывалось в большие кучи.

В одном месте во время уборки на крестьян пахнуло ветром и сразу послышался трупный запах. Не зная еще, откуда он происходит, мужички продолжали работу; когда же они начали сворачивать довольно большую ветвистую вершину сосны, которая одним сучком сильно врезалась в землю, пробив берлогу, а вместе с тем и пригвоздив залежь медведя, видно стало, что медведь и рывкнуть не успел, как был убит наповал упавшим деревом. По рассказам, медведь был очень большой, черной масти, но настолько уже разложившийся, что шерсть с него сползала клочьями. Мужички, конечно, погоревали, что не пришлось им воспользоваться этим медведем вовремя.

* * *

Один мой товарищ, некто Г. Я-ич, возвращался по железной дороге из г. Боровичи, познакомясь случайно с одним господином, который вез с собою в клетке в багажном вагоне медвежонка. Это было 20-го сентября минувшего года, а следовательно, медвежонку было приблизительно месяцев 7—8; на вид он был очень грустный и лизал свою лапу, которой он попал в поставленную в лесу петлю.

Медвежонок этот был куплен от местного крестьянина, который рассказал следующее. В сентябре однажды он пошел осматривать расставленные в разных местах петли и, подходя к одной, он, к удивлению своему, увидел попавшего за заднюю ногу медвежонка. Дерево, а вместе с тем и бечевка, были настолько крепки, что выдержали тяжесть, на которую промышленник и не рассчитывал. Странно, что медведица, бывшая при детях, не высвободила из беды попавшего медвежонка.

Видно было, как медведица-мать рвала и метала все вокруг, но по крайней мере сажени на две не подходила к медвежонку, боясь тоже попасть в ловушку; зато она кругом сделала полное опустошение, изрыла весь мох, всю землю, кочки, кустарники, повыворачивала все окружающие деревья; несмотря на то, что они были в руку толщиной, она повыворачивала их с корнем и разбросала по сторонам.

В бессильной злобе она бросила, наконец, на произвол судьбы своего детеныша, спасая себя и, по всей вероятности, еще другого малыша.

Аналогичный случай оставления медвежат на произвол судьбы медведицею был несколько лет тому назад в окрестностях Новгорода, где во время весенних разливов затопляются не только низины, но и часть лесов, почему и образуются много островков и мысов.

На одном из таких мысов в лесу была обнаружена медведица с двумя медвежатами. Дело клонилось к вечеру, и, чтобы медведица не ушла, два мужичка на узком перешейке развели большие костры, один остался поддерживать огонь, а другой отправился в Новгород сообщить охотникам. Наутро, когда явились охотники, то нашли только одних медвежат, медведица же ушла водою обратно в лес, не захватив с собою ни одного из медвежат.

А. МИХАЙЛОВ
«Охотничья газета», № 5, 1894 г.

МАССОВОЕ ИСТРЕБЛЕНИЕ ПТИЦ

Как много представителей животного мира часто напрасно гибнет! Маленькое колебание температуры, безвременье — и массы их гибнут. Вот один, вероятно, из тысячи прошедших незаметно случаев.

В прошлом — 1903 — году 26 сентября разыгралась настоящая январская или февральская «кура»; света Божьего не было видно, и снегу выпало по колени.

В такую-то безвременную погоду моему знакомому А. А. М-ому случилось быть в селе Дубовик, больше известном среди окрестных жителей под названием Дубовуа, имени Охотникова, верстах в 18 от Орла к юго-востоку. Несмотря на чисто зимнюю погоду, М-ий все-таки надеялся по времени найти вальдшнепов и отправился вдвоем с Алексеем, садовником и огородником по профессии, но по надобности являющимся и недурным поваром у управляющего Дубовуем Н. И. С-ова, в березовую рощу, что находится в каких-нибудь 200 саженьях от усадьбы Дубовика.

И вот в этой-то роще два охотника руками переловили 16 вальдшнепов, которые, прижавшись к стволу берез, сидели поодиночке и не пытались даже лететь при приближении человека.

К этому два названные охотника прибавили порядочный мешок дроздов, которых брали прямо с веток кустов тоже руками.

Натуралист
«Охотничья газета», № 37, 1904 г.

ИНТЕРЕСНОЕ ЯВЛЕНИЕ

После грандиозного наводнения, бывшего в половине августа 1927 года в долине реки Уссури, во время которого люди и скот спасались на сопках, было замечено следующее любопытное явление: когда ремонтные рабочие начали чинить и проверять телефонную и телеграфную линию, они были поражены громадным количеством змей, висевших на уцелевших проводах и обвившихся вокруг стаканчиков.

В Уссурийском крае очень много змей, главным образом, ужей, из ядовитых форм — гадюка и щитомордник. Рабочим прежде, чем влезать на столбы, приходилось сбивать пресмыкающихся, нашедших здесь себе спасение от наводнения.

«Охотник», № 12, 1927 г.

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Близ Монастыря, в Македонии, произошел следующий ужасный случай. Крестьянин лег спать под деревом в лесу. Проспав некоторое время, он проснулся, крича, и после ужасной двухчасовой агонии скончался. Труп был вскрыт, и из желудка несчастного извлечена живая змея, которая вползла крестьянину в рот, когда он спал.

«Охотничья газета», № 18 и 29, 1902 г.

ЗАЧЕМ МОРЖУ КЛЫКИ!

Семейство моржей состоит всего из одного вида. Это массивные морские звери. Тело взрослых самцов достигает веса до двух тонн и длины до четырех метров. Самки весят значительно меньше — в среднем около 700—800 килограммов.

Характерной особенностью моржей-самцов является наличие двух крупных клыков, растущих из верхней челюсти. Зачем же понадобились моржу такие зубы? Клыки, имеющие длину до ста сантиметров, используются зверем для выкапывания из морского грунта моллюсков, для защиты от врагов. При случае морж может поразить своими тяжелыми клыками зазевавшегося тюленя. С их помощью он взбирается на льдину, за что и получил у местного населения Североамериканского побережья прозвище «ходящий на зубах».

И все же в настоящее время ряд ученых склонен считать их в большей степени украшением. «Клыки моржа — его визитная карточка, указывающая на занимаемое им социальное положение», — говорит Фрэнсис Фэй, биолог из Аляскинского университета. Встречаясь друг с другом в брачный период, самцы демонстрируют свое «оружие» в надежде, что, устрасая, противник отступит. Как полагают ученые, у моржей с наибольшими клыками и самое большое потомство. Любопытно, оказывается, за тысячи прошедших лет длина клыков у них несколько увеличилась. Есть клыки и у самок, но они значительно меньше. Возможно, самки используют их при защите детенышей от белых медведей.

Подготовил Е. СОЛДАТКИН

JAGD & HUND *95
14 Internationale
Ausstellung für
Jagd & Angelfischerei
24-29, Januar 1995

С 24 по 29 января 1995 г.
В ДОРТМУНДЕ (Германия)
СОСТОИТСЯ ВЫСТАВКА № 1
В ЕВРОПЕ ПО ОХОТНИЧЬЕМУ
И РЫБОЛОВНОМУ ТУРИЗМУ,
СНАРЯЖЕНИЮ ДЛЯ ОХОТЫ
И РЫБОЛОВСТВА.

Предлагаем Вам принять участие в этой крупнейшей выставке в качестве фирмы-экспонента или посетителя. Это даст Вам возможность найти надежных партнеров, желающих посетить Ваши охотничьи и рыболовные угодья. Особенно заинтересованы в присутствии фирм из Сибири и Дальнего Востока. Участие в выставке — точное попадание в цель.

Тел: (095) 281-27-56; 112-80-15
Факс (095) 281-27-56, 430-05-73

ВОЛК В ГОРОДЕ

Еще до того, как я стал охотником, со мной произошел удивительный случай, о котором я и сейчас стесняюсь рассказывать знакомым. Летним жарким вечером после работы я подхватил французскую болонку Топу и вышел погулять. На прогулке я иду вслед своей кудрявой белой собачке и, чтобы она не устала, иногда беру ее на руки. Что-то необычное, происходившее на зеленой лужайке между домами, заставило меня остановиться и приглядеться. Крупная серо-бурая собака разгуливая с беленькой болонкой и небольшой худоватой черно-пегой дворняжкой с таким же крапом. Серо-бурый тыкал носом болонку, и та спасалась от него на задних лапах, словно присев на лыжах. Дворняжка задумчиво ходила вокруг серо-бурого. Я подошел поближе, и тот направился ко мне.

«Лайка?» — подумал я. Серо-бурый подошел и уселся прямо передо мной на бетонную дорожку. Костистые лапы, огромная голова с пушистыми «баками» и большими косо поставленными ушами, короткий пушистый хвост, опущенный вниз, поджарое тело заметно отличались от лайки. «Неужели волк?» — мелькнуло в голове.

Я нерешительно протянул руку, чтобы погладить и проверить серо-бурого. В янтарных косо поставленных глазах заиграл золотисто-коричневый огонек и раскрылась пасть с огромными клыками. За счет крупной головы серо-бурий, сидя, достигал мне груди, но был ниже плеч, при моем росте в 170 см. Пожалуй, в холке он был со средней овчарку.

Мимо по дорожкам шли прохожие, возвращавшиеся с работы, вышедшие с прогулдевшей электрички. Какой-то подросток с любопытством остановился на минуту. Менее чем в полукилометре между домами виднелась стена леса. Волк неторопливо побрел дальше, а я в недоумении вернулся домой и вышел на балкон. Внизу под окнами уже бродил серо-бурий в сопровождении той же черно-пегой дворняжки. Я бросил ему кусочек мяса, и он на лету поймал его.

Все это долго не выходило у меня из головы. «Может быть, кто-то держит волка для притравки борзой?» — тогда подумал я, но расспросить не решался, да и борзых у нас в городе никто не держит, и подобной лайки не было видно даже на выставках собаководства.

Через год зимой я возвращался с подкормочной площадки для лосей и кабанов, где подвязывал веники. Неожиданно сбоку на поляну выбежала серо-бурая «молния» и замерла, увидев меня, затем бесшумно исчезла в сербристом снежном облаке, посыпавшемся с сосновой лапы. Возможно, это был наш знакомец: моя левая лапа при-сматривалась к огромным следам от лап на тропинке.

Как-то раз на лосиной охоте егерь заметил, что в наши места, видимо, заходит волк, это определил он по следам. Я сразу вспомнил о сером разбойнике, который разгуливал среди людей на окраинных улицах подмосковного города.

И. ПОЛУШКИН
г. Воскресенск

Мой отец, Александр Васильевич Давыдов, был страстным охотником. На его родине — с. Кулеватово Моршанского уезда Тамбовской губернии при слиянии р. Цны и впадающей в нее р. Челновой — располагались великолепные охотничьи угодья: пойменные болота и озера, большие заливы Виново, Орехово, Татарское, дремучие леса. В общем, есть где развернуться ружейному охотнику и рыболову. Недавно, перебирая старые бумаги, я нашел заметки отца об интересных случаях на охоте. Мне они представляются заслуживающими внимания современных охотников.

С. ДАВЫДОВ

ОПАСНЫЙ ВЫСТРЕЛ

Симоновка — крохотная речушка, протекающая по Отяяскому (Тамбовская губерния) лугу под песчаными Огаревскими буграми и впадающая в большое, но заросшее камышом и кугой озеро того же названия. Правый берег ручья низменный. На нем перемежаются узкие, метров в десять шириной, густые заросли тростника и полянки болотистые, тоже неширокие, метров по двадцать, и опять тальники. На полянках часто водились бекасы. В тот день, про который я пишу (это, помнится, был август 1918 г.), я охотился на Симоновке. Продравшись сквозь первые заросли тальника, очень густые, я прошел по полянке и уже приближался к следующему перелеску. Вдруг у меня чуть ли не из-под ног, сбоку, срывается бекас и летит назад к пройденному мною тальником. Я оборачиваюсь, вскидываю ружье на изготовку и вижу на мушке... лицо выдирающегося из тальника человека. Предотвратить выстрел я уже не могу, гашетка спущена. Каким-то судорожным движением я опускаю ружье книзу — выстрел, и меня обдает брызгами воды и грязи; заряд взрыл землю в трех шагах от меня. В эту же минуту ко мне подходит знакомый мужик из соседней деревни. Он радостно со мною здоровается, спрашивает об охоте и даже будто не верит, когда я рассказываю ему, какой опасности он только что подвергся. Убить его зарядом мелкой дробы даже на близком расстоянии я не мог, но глаза несомненно выскел бы. Только потом я сообразил, что, успев каким-то чудом изменить направление выстрела, я спас не только мужика, но и самого себя: время было жуткое, и бывшего помещика, стрелявшего в крестьянина, могла ждать тяжелая участь.

И ЖАДНОСТЬ БЫВАЕТ СПАСИТЕЛЬНА

Как-то в сентябре месяце, не помню какого года, но это было очень давно, я жил один в селе Кулеватово Тамбовской губернии. Лето и осень были сухие, Талы и другие ближние болота сильно пересохли, и болотной дичи было мало. Кто-то из рабочих сказал мне, что видел в поле на Тягле много крупных куликов. Полевая Тягла — это не река и даже не болото, а ложбина среди полей. По ней стекают весенние воды, она зарастает осокой, которую выкашивают, а затем на ней пасут коров. В сырые годы на ней бывают потные местечки, а в сухие она совершенно высыхает. Я понял, что ни бекасов, ни дупелей я там не найду, но мне хотелось узнать, что это за пролетные кулики приютились там. Взяв ружье, без собаки я пошел туда. Прямо со взохода из-под меня вылетела стая турухтанов. Я выстрелил, кажется, убил одного, остальные расселись по разным местам. Я пошел к Тяглу, надеясь поодиночке вспугивать турухтанов. Вскоре я увидел, как ловко, ныряя между обкошенными кочками, от меня улепetyвает турухтан. Стрелять было далеко, да и поймать на мушку быстро мелькавшую между кочек головку кулика было очень трудно. Я решил нагнать его и вспугнуть, поэтому прибавил ходу. В это время турухтан побежал до совершенно гладкой полянки, посреди которой виднелась большая, покрытая подсохшей коркой куча коровьего помета. Тут кулик остановился, клюнул, понравилось, очевидно. Оглянувшись на меня. Я еще был далеко, и он

начал быстро, жадно расклевывать кучу. Он ежесекундно оглядывался в мою сторону. Видно, ужасно волновался. Ему до смерти жаль было расставаться с вкусной трапезой. Я остановился, турухтан продолжал клевать и оглядываться. Заметив, что я не приближаюсь, он начал клевать спокойнее, видимо, наслаждаясь, дегустируя вкусное блюдо. При этом он как-то очень забавно поднимал голову, вытягивая длинную шею, чтобы проглотить захваченное клювом. Наевшись до отвала, он снова оглянулся на меня и, видя, что я неподвижен, не торопясь, побегал вперед к кочкам. Я не стал его преследовать. Не стану же я стрелять в существо, волнение и переживания которого мне так понятны и близки. Я только подошел посмотреть, что с таким аппетитом ел мой турухтан: расклеванная куча кишела толстыми червями.

А. ДАВЫДОВ

Об умных зверушках замолвите слово КТО КОГО ОБМАНЕТ

Наблюдая за собакой, понимаешь, как быстро животные меняют тактику поведения, приемы достижения цели, если те не приводят к желаемому результату. В этом отношении из живших у меня собак наиболее диалектичным, пожалуй, был фокстерьер Плутия. Чтобы отучить его жадно хватать из рук кусочки пищи, выдаваемой в качестве награды, я протягивал ему маленький кубик хлеба с маслом и отдавал только в том случае, если Плутия проявлял деликатность, то есть брал лакомство медленно и нежно. Пес усвоил данное правило хорошего тона очень быстро. Если десять минут назад он действовал жестко, с позиции силы, хватал, как «тигра лютая», то сейчас протягивал за приманкой свою мохнатую мордашку робко и ласково. Ну, сама кротость! Мои ребята, наблюдавшие за нашим с Плутией занятием, были восхищены его перевоплощением.

Но вот я стал обманывать Плутию: только он плавно раскроет рот, чтобы вкусить деликатес, как я медленно отвожу руку, и пес остается с носом. На семнадцатый раз Плутиново терпение иссякло, и он гордо отвернул голову, даже не пытаясь смотреть в мою сторону. «Обиделся,— решили ребята.— Еще бы, такое издевательство!» А я продолжаю медленно подводить и медленно отводить кусочек. И вот прохиндей Плутия то ли краем глаза увидел, то ли затылком учуял,— когда рука моя приблизилась на самое близкое расстояние, молниеносно развернул свою длинную фоксачью башку и в броске шеи лихо выхватил у меня кусочек.

«Ну, ладно,— думаю,— бродяжка, обхитрил хозяина! На, а как ты теперь будешь решать проблему?» И снова тихонько подвожу к его морде второй кусочек, но сейчас, наученный его коварством, я уже предельно собран и почти уверен, что успею отдернуть приманку, если пес решится на агрессию. Плутия снова стал воплощением вежливости. Опять у него лебедьные движения шеи. Но после третьей неудачной попытки использовать великосветскую манеру Плутия вновь прибегнул к насилию. Однако теперь совсем по-другому: пес сделал бросок не лежа, а вскочил на ноги и выхватил кусочек не тогда, когда тот находился на самом близком расстоянии, а, наоборот, когда моя рука была наиболее удалена, то есть когда я расслабился и потерял бдительность, поскольку в первый раз он выхватил у меня кусочек с самого близкого расстояния. В процессе этого нехитрого эксперимента оба мы перестраивали тактику обмана друг друга, Плутия оказался хитрее: он опережал меня в выдумке.

С. КОРЫТИН

НА ПРИВАЛЕ

ФОРМОЗОВ А. «И охоту с каждым годом люблю все больше...» (дневники) 1

ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЕЛ

ЕЛЬКИН Ю. Кабани клыки — ценный трофей 4
Документы, информация, факты 6
БОГДАНОВА Е., ОПАРИН В., КЛУШИН А., ЧЕПУРНОЙ В., ТУРУСИН А. Обсуждаем проект Российского закона об охоте и охотничьем хозяйстве 8

НАУКА

ЖИТКОВ Б. О соболе 10
БЕРБЕР А., КАЛМЫКОВ И. Архар в Карагандинской области 12

МОЛОДОМУ ОХОТНИКУ

РУКОВСКИЙ Н. Следы тетеревиных птиц 14

СОБАКОВОДСТВО

БЕДЕЛЬ В. Выставка собак МООиР 20
ВЛАСОВ Н. Натаска легавой по зверю 22

ОРУЖИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

КУЗЬМЕНКО О., БЛЮМ М. Ружья для охотников (интервью) 24
НАФАНАЙЛОВ А. Изготовление контейнера 26

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

СТРЕЛКОВ П. Последний и первый 28
АРЛЕТТИ АНТОНИО. Трампеадор 33
БУЛГАКОВ М. Евгений Николаевич Опочинин 38
ОПОЧИНИН Е. Жмырь и Корноухий 38
Скульптура АНДРЕЯ МАРЦА 18

Письма читателей 42
На привале 44
Реклама 41, 46, 48

ЧАСТНОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

● Выделка меха: качество, сроки, цены. г. Москва, тел. [095] 975-19-20

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь),
Л. А. Гибет, В. В. Дежкин, А. М. Лаврова, Я. С. Русанов, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, С. М. Успенский, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев, Ю. П. Язан.

Художник В. Ю. Есаулов
 Художественный редактор **М. Л. Кнерцер**
 Корректор **Э. С. Корчагина**

Сдано в набор 29.08.94 г. Подписано к печати 21.09.94 г.
 Формат 84×108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
 Усл. печ. л. 5,04. Тираж 78500 экз. Заказ 3237. Цена 1600 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская, 18.
 Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат
 142300, г. Чехов Московской области

КРАСАВКА, МАЛЫЙ ЖУРАВЛЬ

Самый мелкий из наших журавлей. Высота птицы не превышает 1 м, размах крыльев — 1,5 м, вес тела 2—2,5 г. Общий тон окраски оперения красавки светло-сизовато-серый. Шея, кроме загривка, и голова ее черные, темя серое. Над глазами свешивающиеся вниз белые «косицы», на зобе сильно удлинненные черные перья. Молодая птица отличается от взрослой отсутствием «косиц» и удлинненных перьев на зобе, вся голова и шея у нее серые. В полете красавку можно спутать с серым журавлем (птицы обоих видов, в том числе — на пролете, нередко держатся вместе). Отличают ее черные грудь и шея, а также скрипучий и пронзительный, а не трубный, как у серого журавля, крик.

Распространена красавка в степной зоне и полупустынях России и Казахстана до Забайкалья на востоке. Зимовки птиц расположены в Африке и Южной Азии.

На местах гнездований красавки появляются, когда начинают зеленеть полупустыни и степи. Прилетают они стаями и держатся еще довольно долго вместе. Как и другие «большие» журавли, красавки активно предаются «танцам».

Гнездятся красавки часто недалеко пара от пары, среди различного типа степей, на лугах и полях, особенно охотно — вблизи водоемов и на участках, редко посещаемых человеком. Гнезда птиц представляют собой лишь небольшие углубления в грунте, слегка выстланные мелкими камушками, кусочками сухого скотского помета, травинками. Иногда же самка откладывает яйца (чаще 2, но иногда 1 или 3) на землю без подстилки и даже не в углубление. При тревоге птицы скрытно отходят в сторону и начинают спокойно расхаживать, внешне не проявляя признаков беспокойства. Иногда потревоженные красавки откладывают яйца в нескольких метрах от прежнего места. Впрочем, от пернатых и четвероногих хищников, в том числе лисиц, родители яростно и успешно защищают и яйца, и птенцов, бьют хищников и клювом, и сгибом крыла. На юг птицы отлетают в августе—сентябре.

Питаются красавки как растительными, так и животными кормами, особенно насекомыми, часто кормятся на полях всходами и зернами хлебов, проса, бобовых.

До недавнего времени область гнездования и численность красавок быстро сокращалась, что было вызвано деградацией местообитаний птиц, фактором беспокойства, хищничеством пастушьих собак, браконьерством. По этой причине красавка была включена в Красные книги СССР и России, охота на нее повсеместно была запрещена.

Общая численность красавок, гнездящихся в России в 1980-х гг., оценивалась в 7—9,5 тыс. пар, в том числе в европейской части (преимущественно в Калмыкии) в 6—8 тыс. пар.

С. М. УСПЕНСКИЙ,
 профессор

УПРАВЛЕНИЕ ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА ЧУКОТСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА ПРИГЛАШАЕТ НА РАБОТУ БИОЛОГОВ-ОХОТОВЕДОВ ДЛЯ РАБОТЫ В РАЙОНАХ ЧУКОТСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА. Жилье предоставляется. Квалификационные требования: высшее специальное образование. С заявлением обращаться по адресу:

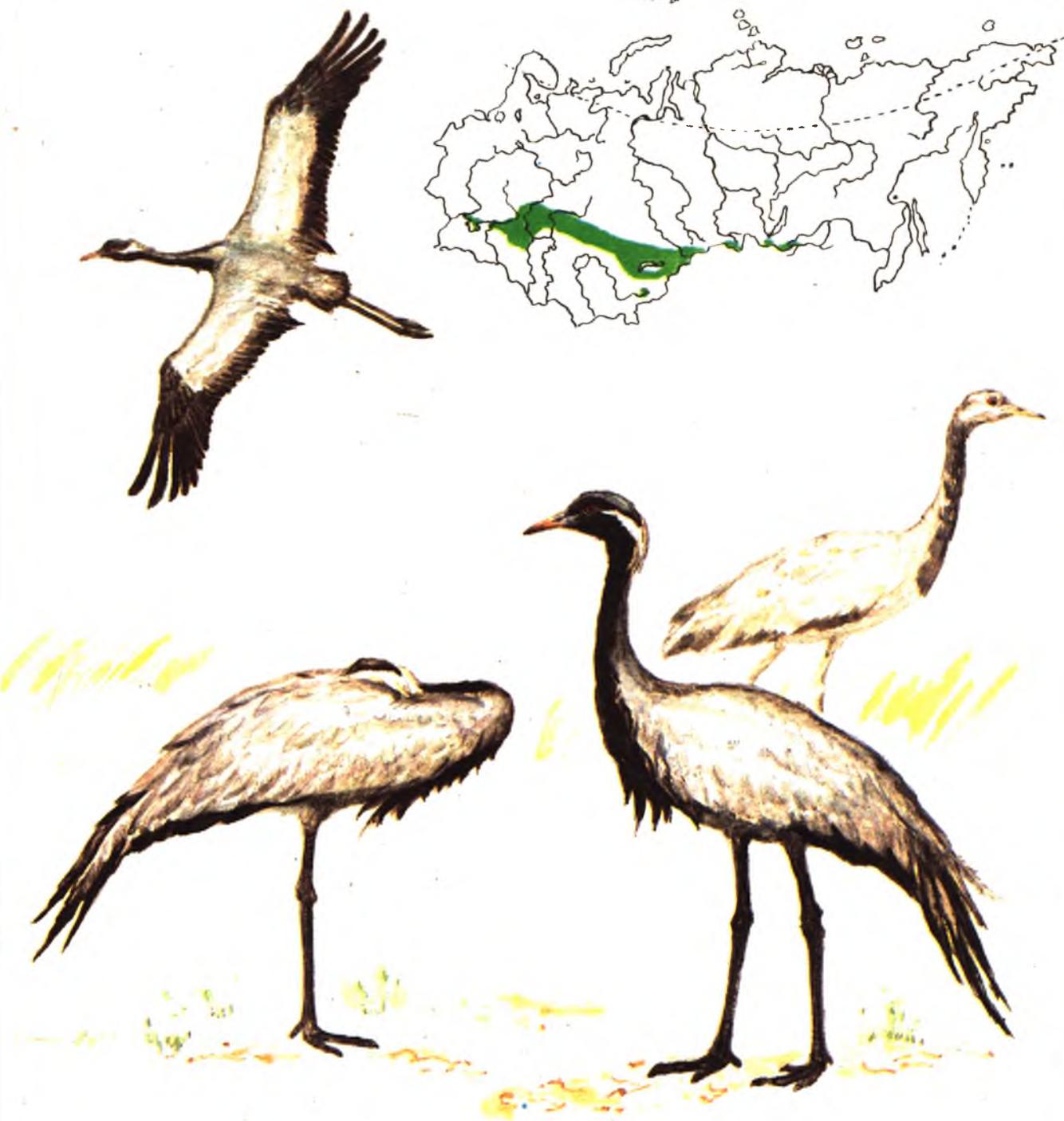
Чукотский автономный округ,
 686710, г. Анадырь, ул. Отке, 33
 Управление охотничьего хозяйства
 Тел. 4-25-27, 4-65-38

К заявлению прилагать копию свидетельства, подтверждающего окончание высшего учебного заведения и выписку из трудовой книжки.

Скульптура Андрея Марца

ЖУРАВЛИ

Журавль-красавка (взрослые — и молодая птица)